

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2020 / № 3

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 10.02.04 – Германские языки; 10.02.05 – Романские языки; 10.02.19 – Теория языка; 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philology: 10.02.04 – Germanic languages; 10.02.05 – Romanic languages; 10.02.19 – Theory of the language; 10.02.20 – Comparative-historical typological and contrastive linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

2020 / № 3

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор серии:

Ощепкова В. В. – д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Жирова И. Г. – д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Максименко О. И. – д. филол. н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Гринев-Гриневиц С. В. – д. филол. н., проф., Университет в Белостоке (Польша)

Епифанцева Н. Г. – д. филол. н., проф., МГОУ

Карпова О. М. – д. филол. н., проф., Ивановский государственный университет

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Германия)

Латышев Л. К. – д. филол. н., проф., МГОУ

Левченко М. Н. – д. филол. н., проф., МГОУ

Маслова В. А. – д. филол. н., проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь)

Николаева О. В. – д. филол. н., доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Носович Я.-Ф. М. – д. филол. н., проф., Лингвистическая высшая школа в Варшаве (Польша)

Олянич А. В. – д. филол. н., проф., Адыгейский государственный университет

Пан Кё Ён – д. филол. н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея)

Пешкова Н. П. – д. филол. н., проф., Башкирский государственный университет

Прошина З. Г. – д. филол. н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Сесил Л. Нельсон – доктор лингвистики, Университет штата Индиана (г. Терре-Хот, США)

Скуратов И. В. – д. филол. н., доц., МГОУ

Стернин И. А. – д. филол. н., проф., Воронежский государственный университет

Туголукова Г. И. – к. филол. н., проф., МГОУ

Филиппова И. Н. – д. филол. н., доц., МГОУ

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40713

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 3. – 118 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic»:
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

V.V. Oshchepkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I.G. Zhirova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

O.I. Maksimenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

N.G. Yepifantseva – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

S.V. Grinev-Grinevich – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bialystok University (Poland);

O.M. Karpova – PhD in Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University;

Kosta Peter – Professor Dr. phil. Habil, University of Potsdam (Germany)

L.K. Latyshev – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

M.N. Levchenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

V.A. Maslova – PhD in Philological Sciences, Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O.V. Nikolaeva – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok);

J.F. Nosowicz – PhD in Philological Sciences, Professor, Warsaw School of Applied Linguistics (Poland);

A.V. Olyanich – Doctor in Philological Sciences, Professor, Adyge State University;

Pang Gyo-Youn – Doctor in Philological Sciences, Professor, Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N.P. Peshkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bashkir State University;

Z.G. Proshina – Doctor in Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

Cecil L. Nelson – Ph.D., Indiana State University (Terre Haute, Indiana, USA);

I.V. Skuratov – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU;

J.A. Sternin – Doctor in Philological Sciences, Professor, Voronezh State University;

G.I. Tugolukova – PhD in Philological Sciences, Professor, MRSU;

I.N. Filippova – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73342.

Index of the series «Linguistics» according to the Union catalog «Press of Russia» 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2020. – № 3. – 118 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т.</i> ИСТОРИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ И СТРУКТУРНОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	6
<i>Раренко М. Б.</i> К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛОВА «СОЦИАЛЬНЫЙ»	15
<i>Сорокина, Э. А., Мазирка И. О.</i> ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ЯЗЫКУ ЛИНГВИСТИКИ	24
<i>Шаховский В. И.</i> СОВПАДЕНИЕ СМЫСЛОВЫХ ПАЗЛОВ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ	34

РАЗДЕЛ II. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Гаврилов Л. А.</i> ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (XVII–XXI ВВ.)	53
--	----

РАЗДЕЛ III. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Ощепкова В. В., Соловьева Н. В.</i> ВОЛШЕБНЫЙ ОНОМАСТИКОН АВСТРАЛИЙСКОЙ ЭТИОЛОГИЧЕСКОЙ СКАЗКИ	60
<i>Гвозданная Н. В.</i> ВЫРАЖЕНИЕ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В КОРПОРАТИВНЫХ ИЗДАНИЯХ ДЛЯ ПЕРСОНАЛА	71
<i>Хафизова А. А.</i> МЕДИАТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА “FOREIGN AFFAIRS”)	83

РАЗДЕЛ IV. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Низовцева Т. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФАНТАСТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ЖАНРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ»)	92
<i>Сюй И.</i> КОНЦЕПТЫ <i>КИСЛЫЙ / SOUR / 酸</i> В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	100
<i>Толстикова А. А.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЁННОЙ ДВАДЦАТИЛЕТИЮ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Карпова О. М.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА СЛОВАРЬ “WÖRTERBUCH ZUR LEXIKOGRAPHIE UND WÖRTERBUCHFORSCHUNG” (DICTIONARY OF LEXICOGRAPHY AND DICTIONARY RESEARCH). ED. BY HERBERT ERNST WIEGAND, MICHAEL BEISSWENGER, RUFUS H. GOUWS, MATTHIAS KAMMERER, ANGELIKA STORRER, WERNER WOLSKI. BAND 3. BERLIN: DE GRUYTER, 2020. 1020 S.	113
---	-----

CONTENTS

SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

I. Belyaeva, G. Khukhuni. HIHISTORICAL, SOCIAL AND STRUCTURAL APPROACHES IN THE 20 TH CENTURY LINGUISTICS: THE PARADIGMATIC INTERPRETATION OF HISTORY OF LINGUISTICS.	6
M. Rarenko. THE EMERGENCE OF THE WORD "SOTZIAL'NII" (SOCIAL)	15
E. Sorokina, I. Mazirka. PROBLEMS OF FORMING A LINGUISTIC PERSONALITY IN THE CONTEXT OF TEACHING PROFESSIONAL LANGUAGE OF LINGUISTICS	24
V. Shakhovsky. COINCIDENCE OF SENSE PUZZLES AS A CONDITION FOR EFFECTIVE CONTEMPORARY COMMUNICATION.	34

SECTION II. ROMAN LANGUAGES

L. Gavrilov. FRENCH BELLES-LETTRES LANGUAGE IN DIACHRONIC ASPECT (XVII–XXI).....	53
---	----

SECTION III. GERMAN LANGUAGES

V. Oschepkova, N. Solovyeva. MAGIC ONOMASTICON OF AUSTRALIAN ETIOLOGICAL TALE	60
N. Gvozdannaya. THE EXPRESSION OF EXPRESSIVENESS IN MAGAZINES FOR EMPLOYEES	71
A. Khafizova. MEDIA TEXT AS AN OBJECT OF LEXICAL STYLISTIC RESEARCH (BASED ON ANALYTICAL ARTICLES OF "FOREIGN AFFAIRS" JOURNAL).....	83

SECTION IV. COMPARATIVE, HISTORICAL AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

T. Nizovtseva. TRANSLATION OF FANTASTIC REALITIES FROM RUSSIAN INTO ENGLISH IN SCIENCE FICTION (BASED ON THE STORY BY A. AND B. STRUGATSKY "ROADSIDE PICNIC")	92
Y. Xu. THE CONCEPTS <i>SOUR / KISLYI / SUAN</i> IN RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE LINGUOCULTURES: A COMPARATIVE ASPECT	100
A. Tolstikova. COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSLATIONS OF THE CONFERENCE MATERIALS, DEDICATED TO THE TWENTIETH ANNIVERSARY OF THE BOLOGNA PROCESS.	107

SCIENTIFIC LIFE

O. Karpova. REVIEW OF THE DICTIONARY "WÖRTERBUCH ZUR LEXIKOGRAPHIE UND WÖRTERBUCHFORSCHUNG" (DICTIONARY OF LEXICOGRAPHY AND DICTIONARY RESEARCH). ED. BY HERBERT ERNST WIEGAND, MICHAEL BEISSWENGER, RUFUS H. GOUWS, MATTHIAS KAMMERER, ANGELIKA STORRER, WERNER WOLSKI. BAND 3. BERLIN: DE GRUYTER, 2020. 1020 S.	113
--	-----

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-6-14

ИСТОРИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ И СТРУКТУРНОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Исследование соотношения исторического, структурного и социального подходов к изучению языка в лингвистике XX столетия и уточнение вопроса о содержании понятия «парадигма» применительно к развитию лингвистической мысли названной эпохи.

Процедура и методы исследования. Авторами изучен ряд источников, в которых содержится рассмотрение различных аспектов, связанных с указанной темой. Проведён критический анализ существующих точек зрения, и осуществлено их сопоставление.

Результаты исследования. Освещён ряд моментов, относящихся к характеристике исследуемой эпохи в историко-лингвистических трудах, и уточнены присущие ей черты и особенности.

Теоретическая и практическая значимость. Представленный в статье фактический материал и предложенные на его основе выводы будут способствовать более объективному пониманию содержания понятия «лингвистическая парадигма» и могут найти применение в вузовских курсах по истории лингвистических учений, теории языка, социолингвистики и др.

Ключевые слова: лингвистика, парадигма, исторический, социальный, системно-структурный

HIISTORICAL, SOCIAL AND STRUCTURAL APPROACHES IN THE 20TH CENTURY LINGUISTICS: THE PARADIGMATIC INTERPRETATION OF HISTORY OF LINGUISTICS

I. Belyaeva, G. Khukhuni

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Purpose is to investigate the state of the historical, social and structural approaches to language study in the 20th century linguistics and to clarify the issue of the notion *paradigm* applied to the development of linguistics in this period.

Methodology and Approach. The authors investigate different sources connected with the said problem. The critical analysis of the existing views and their comparison is given.

Results. A number of points, that characterized the situation in linguistics of the last century and are reflected in the existing special literature are covered and specified.

Theoretical and Practical implications. The factual material presented in the paper, as well as the conclusions based on the analysis of the latter will stimulate the more precise definition of the notion *linguistic paradigm* and may be used in University courses of the History of Linguistics, Theory of Language, Sociolinguistics, etc.

Keywords: linguistics, paradigm, historic, social, systemic structural, 20th century

Введение

Актуальность темы, которой посвящена предлагаемая статья, определяется несколькими моментами. Во-первых, историко-лингвистическая проблематика занимает важное место на любом этапе развития нашей науки, поскольку её разработка позволяет глубже понять современное её состояние и возможные тенденции дальнейшего развития. Во-вторых, учитывая высокую частотность термина «парадигма» во многих лингвистических трудах, появившихся за последние десятилетия и продолжающих появляться в наши дни, уточнение содержания данного понятия применительно к различным этапам развития языкознания представляется имеющим несомненную значимость. В-третьих, поскольку любой науке присущи не только общие закономерности развития, но и весьма существенные специфические особенности последнего, выявление указанной специфики, характеризующей исследуемый период, выступает, на наш взгляд, крайне важной задачей, учитывая занимаемое им место в истории лингвистики. В настоящей статье содержится попытка рассмотреть некоторые аспекты названных моментов, опираясь на существующие источники и труды учёных, занимавшихся данной проблематикой. На основе указанного материала проведён сопоставительный анализ некоторых трактовок названного вопроса и предложены сделанные в результате проведённого исследования выводы.

Обсуждение

Традиционно подавляющее большинство работ, в той или иной степени касающихся понятия научной парадигмы, принято начинать с цитаты из известной монографии Т. Куна, вышедшей в нашей стране ещё в 70-е гг. прошлого века: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [7, с. 11]. Никким образом не ставя под сомнение адекватности приведённой цитаты исходному тексту, отметим, тем не менее, что в последнем использована формулировка “community of practitioners” [17, p. VIII], что, на наш взгляд, в большей степени подчёркивает, что речь идёт именно о тех членах научного сообщества, которые занимаются практической деятельностью в соответствующей области знаний.

Хотя названный труд и не имеет прямого отношения к языкознанию (возможно, потому, что автор числил его по ведомству humanities, которые, в соответствии с англоязычной традицией, не включаются в сферу science), введённое его автором понятие широко используется в лингвистической литературе и в наши дни (например, [14; 15]). Вместе с тем, правомерность его применения к нашей дисциплине вызвала и определённые сомнения (см., в частности, [13]).

Если учесть, что на языке оригинала первое издание труда Т. Куна вышло в свет в 1962 г. [16], а второе, с которого делался русский перевод, – в 1970 г. [17] (в некото-

рых источниках указывается 1969 г.), пожалуй, есть основания считать, что столь оперативное ознакомление отечественных специалистов с научным трудом, по ведомству марксистско-ленинской идеологии явно не проходившим, позволяет сказать, что в данном случае об изоляции отечественной науки от мировой в пресловутую «эпоху застоя» говорить вряд ли возможно. Впрочем, даже в периоды, когда так называемое «низкопоклонство перед Западом», мягко говоря, не поощрялось, в весьма официальных по своему характеру публикациях также могла демонстрироваться «открытость» отечественного языкознания. В качестве примера можно привести редакционную статью, опубликованную в журнале «Вопросы языкознания» в 1953 г. [5]. В ней усиленно подчёркивается «открытость» отечественной науки достижениям мирового языкознания и приводится довольно длинный перечень работ его представителей, переведённых и изданных в Советском Союзе в 30-хх – первую половину 50-х гг. Причём среди них упомянут и основоположник весьма порицаемого в те годы структурализма Ф. де Соссюр, и социологи-компаративисты А. Мейе и Ж. Вандриес, и «лингвистический диссидент» Г. Шухардт, и основоположник американской этнолингвистики Э. Сепир (хотя, по понятным причинам, именно американская наука в эти годы наиболее часто подвергалась резким нападкам – см., в частности, [2, с. 207–208]), и автор фундаментального труда по истории романских языков Э. Бурсье... И хотя здесь не обошлось без пассажа об «империалистических кругах», фактического отклонения от истины приведённый – достаточно длинный, учитывающий характер эпохи, – список не содержит. Что же касается периода после XX съезда, о том, сколько трудов зарубежных лингвистов «получило прописку» в Советском Союзе в 60–70-е гг., вряд ли нужно особо напоминать. Это, разумеется, не исключало критического к ним отношения, включая обвинения идеологического характера

(порой и по отношению к книге Т. Куна), но самому знакомству с ними препятствий обычно не чинилось. Используется понятие научной парадигмы, в частности, и в известной книге Э. А. Макаева – причём конкретно по отношению к сравнительно-историческому языкознанию [8, с. 8–14], т. е., если можно так выразиться, в качестве «подпарадигмы» или «частной парадигмы».

Однако широкое применение «парадигматической схемы» к развитию лингвистического знания действительно началось в отечественной науке всё же, по большей части, несколько позднее – на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Причём в количественном отношении их число у различных авторов существенным образом варьировалось. Однако традиционно подавляющее большинство отечественных учёных оперирует тремя понятиями: сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической парадигмами [8, с. 5–6]. В приведённой выше статье Т. Н. Хомутовой в связи с этим отмечается, что базируется такая позиция – хотя она и разделяется не всеми специалистами – на точке зрения, согласно которой «первая настоящему научная парадигма появилась в начале XIX века, поэтому понятие парадигмы применимо только к лингвистике XIX–XX и далее веков» [13, с. 144].

Нетрудно заметить, что при таком подходе мы наблюдаем своеобразное и несколько парадоксальное возвращение к тому делению истории языкознания на «донаучный» (т. е. докомпаративистский) и «научный» (начиная с работ основоположников сравнительно-исторического метода) периоды, критика которого стала своего рода общим местом у большинства лингвистов XX в., отразившись, в частности, и в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра [12, с. 115], – хотя обычно и без упоминания о близости подобной трактовки взглядам, представленным в лингвистической историографии «дососсюровской» эпохи.

С другой стороны, и оставаясь в рамках двух названных столетий, как указывалось выше, далеко не все учёные воспроизводили в своих трудах одну и ту же трёхчастную схему. В этом отношении для цели настоящего исследования представляет особый интерес мнение Ю. Н. Караулова, предлагающего схему, состоящую из четырёх компонентов: исторической – психологической – системно-структурной – социальной парадигм, – синтез которых, по его мнению, и привёл к созданию «современной» (т. е. относящейся к последним десятилетиям прошлого века) научно-лингвистической парадигмы [6, с. 14–15].

На первый взгляд, её отличие от традиционной трёхчастной схемы не слишком велико. Одна из предлагаемых автором парадигм (системно-структурная) вообще идентична в обеих схемах, историческая, казалось бы, также ничем принципиальным от сравнительно-исторической не отличается. Что же касается социальной и психологической парадигм, то, поскольку обе они, в конечном счёте, апеллируют к человеческому фактору, то в специальной литературе высказывалось предположение о возможном их объединении в общую антропоцентрическую парадигму. Такое решение, в частности, и предлагается в статье Т. Н. Хомутовой [13, с. 145].

Однако, на наш взгляд, дело обстоит несколько сложнее, и, помимо несомненного сходства, между двумя упомянутыми концепциями, имеются и некоторые, не столь уж незначительные, различия.

Прежде всего, нам показалась не совсем подходящей в данном случае формулировка автора статьи: «четыре лингвистические парадигмы Ю. Н. Караулова могут быть сведены к упомянутым выше трём традиционным парадигмам лингвистического знания по В. А. Масловой» [13, с. 145]. Всё-таки, на наш взгляд, нельзя упускать из виду, что концепция Ю. Н. Караулова в своих основных чертах сложилась значительно ранее вы-

хода в свет работы В. А. Масловой [9] (первое издание монографии «Русский язык и языковая личность» вышло в свет в 1987 г.), поэтому «сводить» её к последней с точки зрения соблюдения принципа историзма, вероятно, не вполне оправданно.

Далее, если предположить, что под «современной научно-лингвистической парадигмой» Ю. Н. Караулов понимает именно антропоцентрическую (что, разумеется, в принципе вполне соответствует общей направленности его концепции), то логичнее, казалось бы, не ограничиваться только двумя названными в статье Т. Н. Хомутовой парадигмами, а добавить к ним и оставшиеся две – т. е. считать её составляющими также историческую и системно-структурную парадигмы, тем более что далее в монографии Ю. Н. Караулова читаем: «Современные представления о языке как объекте языкознания покоятся на четырёх “китах”, на четырёх фундаментальных его свойствах – исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления» [6, с. 15].

Хотелось бы обратить внимание ещё на один момент. Если в традиционной трёхчастной схеме фигурирует сравнительно-историческая парадигма, то у Ю. Н. Караулова речь идёт об исторической парадигме. Думается, что, несмотря на, казалось бы, весьма незначительную терминологическую разницу, указанное обстоятельство заслуживает внимание. Говоря о сравнительно-исторической парадигме, обычно – так сказать, «по умолчанию» – имеют в виду именно – используя слова Ф. де Соссюра – «ту лингвистику, которую создал Бопп» [12, с. 115.] и которая нашла своё наиболее полное выражение в деятельности младограмматической школы (в упомянутой выше монографии Э. А. Макаева последняя трактуется как одна из парадигм сравнительного языкознания в целом,

т. е. в качестве того, что выше нами было названо «подпарадигмой» / «частной парадигмой»). Применительно к классической компаративистике такое понимание вполне оправданно. Как отмечалось исследователями, именно они довели этот метод до совершенства, сформулировав практически все его важнейшие положения [1, с. 105]. Однако, как известно, параллельно с младограмматиками и в той или иной степени разделявшими их принципы исследователями в конце XIX – первые десятилетия XX вв. получило распространение и так называемое «лингвистическое диссидентство». Для его представителей (весьма отличавшихся друг от друга по своему научному мировоззрению) ни философский позитивизм, ни тезис относительно не знающих исключения звуковых законов, отступления от которых вызываются в подавляющем большинстве случаев перекрещиванием их друг с другом, аналогией и заимствованием, не были приемлемыми (хотя и по разным причинам). Но при этом исторический характер языкознания сомнения не вызывал, а следовательно, принадлежность их к исторической (но не к сравнительно-исторической в её младограмматической ипостаси) парадигме вряд ли должна отрицаться.

Наконец, говоря о концепции языковой личности Ю. Н. Караулова, нельзя упускать из виду присущий ей исторический характер, поскольку именно историческая парадигма, как подчёркивается в его работе, «выступает как основа, стержень, который оснащается системно-структурной, социальной и психической языковыми доминантами» [6, с. 42]. Думается, что приведённое высказывание наглядно демонстрирует, что при предлагаемом объединении имеющихся у Ю. Н. Караулова психологической и социальной парадигм в антропоцентрическую оставлять вне последней парадигму историческую было бы не совсем корректно... Ввиду этого целесообразно рассматривать предложенную учёным

четырёхчастную систему парадигм именно как отдельную концепцию, не сводя её к традиционной трёхчастной.

Впрочем, некоторые сомнения вызывает и сам тезис об объединении социальной и психологической (в понимании Ю. Н. Караулова) парадигм. Психологизм в истории нашей науки, как известно, мог и пересекаться с социальным, как это имело место у Ф. де Соссюра, и носить индивидуалистический характер, который отстаивался теми же младограмматиками (мы сейчас не касаемся вопроса о том, насколько теоретические постулаты тех или иных школ совпадали с конкретной практической работой принадлежавших к ним языковедов). Отметим, кстати, что сам Ю. Н. Караулов при рассмотрении психологической парадигмы уделяет внимание как раз этой стороне дела, указывая, что утверждение о том, что реален только язык каждого индивида, является весьма типичным для неё [6, с. 13].

Не останавливаясь на других трактовках данной проблемы, предлагавшихся как отечественными, так и зарубежными исследователями (часть из них представлена в упомянутой статье Т. Н. Хомутовой и ряде других работ), затронем ещё на один момент, имеющий отношение к парадигматическому подходу к истории нашей науки, а именно – вопрос о взаимоотношении между выделяемыми парадигмами (независимо от предлагаемого теми или иными авторами их количества) и их представителями. Естественно, что особенно остро данный вопрос встанет как раз в те периоды, когда происходит «наложение» парадигм друг на друга («научные революции», по терминологии Т. Куна). Обычно при его рассмотрении подчёркивается фактор их отталкивания друг от друга – ср. слова Ю. Н. Караулова о том, что «каждая последующая в крайнем своём выражении отрицала предыдущую» [6, с. 13]. Несколько иную трактовку предлагает П. Серио, по мнению которого, в гуманитарных науках (куда относится и языкознание) «парадигмы не

сменяют друг друга и не отрицают друг друга, но накладываются одна на другую, сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга» [11, с. 52].

Думается, что тезис об «игнорировании» нет необходимости (во всяком случае, применительно к данному вопросу) понимать буквально, поскольку, отстаивая право на существование и преимущества своей парадигмы, её представители волей-неволей должны будут касаться – хотя бы в критическом плане – положений другой (или других) парадигм. Это, кстати, хорошо видно на примере – воспользуемся здесь традиционной трёхчастной схемой – взаимоотношения между системно-структурной и сравнительно-исторической парадигмами. Во многих работах, где представители первой формулировали свои принципы, – будь то В. Брёндаль, положивший начало копенгагенскому структурализму [3], или основоположник Пражского лингвистического кружка В. Матезиус [10] (мы сейчас не касаемся тех принципиальных различий, которые существовали между названными течениями) – начинали они как раз с критической характеристики сравнительно-исторической парадигмы в её младограмматической ипостаси, по контрасту с которой и формулировали собственные идеи.

Что касается отрицания предыдущей парадигмы, о котором пишет Ю. Н. Караулов, то и оно далеко не всегда протекает в прямолинейно-негативной форме. На это, кстати, обратил внимание и сам исследователь, подчёркивая, что «не следует думать, что каждая из четырёх парадигмальных идей могла существовать только в чистом виде» [6, с. 15]. В этой связи вспоминает он и концепцию Ф. де Соссюра, подчёркивавшего, с одной стороны, системный характер языка, а с другой – его социальный характер, и деятельность многих других учёных – от Я. Гримма до В. А. Богородицкого. К приводимым им примерам можно было бы добавить и парижского ученика Соссюра А. Мейе,

с одной стороны, являвшегося одним из наиболее крупных компаративистов (т. е. представлявшего историческую / сравнительно-историческую парадигму), а с другой – получившего известность как основоположник Французской социологической школы (т. е., следуя классификации Ю. Н. Караулова, принадлежавшего в этом качестве к социальной парадигме). С другой стороны, аналогичная ситуация, как отмечал В. М. Алпатов, может наблюдаться и среди представителей таких обычно противопоставляемых друг другу парадигм, как историческая / сравнительно-историческая и структурная, поскольку представители исторического языкознания, занимаясь иной тематикой, вполне могут стоять на позициях структурной лингвистики [1, с. 105]. Всё сказанное наглядно иллюстрирует несколько парадоксальный, на первый взгляд, тезис В. З. Демьянкова: «Один и тот же человек может принадлежать сразу к нескольким разным парадигмам» [4, с. 31].

Заключение

Подводя итоги предлагаемого исследования, заметим следующее. Во-первых, отсутствие единого понимания понятия парадигмы в современной лингвистической историографии во многом обусловлено факторами объективного порядка, связанными со сложностью и определённой противоречивостью развития науки о языке XX столетия. Во-вторых, трёхчастная схема (сравнительно-историческая – системно-структурная – антропоцентрическая парадигмы), будучи, несомненно, весьма удобной в практическом плане и имея под собой определённые основания, тем не менее несколько упрощает реальное положение вещей (впрочем, это относится, вероятно, к любой классификации, особенно в сфере гуманитарного знания). В-третьих, представляется не лишённым целесообразности использование понятия исторической парадигмы, как это имеет место в концепции Ю. Н. Караулова, как более

широкого по сравнению с традиционно понимаемой сравнительно-исторической, которая может рассматриваться как играющая в ней ведущую роль, но всё же не единственная её разновидность. В-четвёртых, подтверждается неоднократно высказывавшаяся идея о том, что

парадигматическая принадлежность той или иной концепции и её представителей не является жёстко детерминированной, поскольку в их деятельности могут совмещаться несколько научных парадигм.

Статья поступила в редакцию 02.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 368 с.
2. Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1991. 240 с.
3. Брёндаль В. Структуральная лингвистика // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 94–100.
4. Демьянков В. З. Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е. С. Кубряковой / отв. ред. Н. К. Рябцева. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 27–37.
5. За дальнейшее развитие советского языкознания // Вопросы языкознания. 1953. № 3. С. 3–24.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.
7. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
8. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. М.: Наука, 1977. 205 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
10. Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании? // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 141–144.
11. Серио П. В поисках четвёртой парадигмы // Философия языка, в границах и вне границ. Т. 1. Харьков: ОКО, 1993. С. 37–52.
12. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
13. Хомутова Т. Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (172). С. 142–151.
14. Basso Fossali P., Colas-Blaise M., Rémi-Giraud S. The Paradigm Concept in the Sciences of Language [Электронный ресурс] // Signata. Annals of Semiotics. 2017. Vol. 8. URL: <https://journals.openedition.org/signata/1342?lang=en> (дата обращения: 12.04.2019).
15. Change of Paradigms – New Paradoxes: Recontextualizing Language and Linguistics / ed. by J. Daems, E. Zenner, K. Hehlen, H. Cuickens. Berlin, Boston: De Gruyter: Mouton, 2015. 397 p. (Applications of Cognitive Linguistics).
16. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. XV + 172 p. (International encyclopedia of unified science. Vol. II).
17. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions; 2nd ed. Chicago, London: University of Chicago Press, 1970. XII + 210 p.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic studies]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 368 p.
2. Alpatov V. M. *Istoriya odnogo mifa. Marr i marrizm* [The story of one myth. Marr and marrism]. Moscow, Nauka Publ., Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury Publ., 1991. 240 p.
3. Brøndal V. [Structural linguistics]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. II* [History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts. Part II]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965, pp. 94–100.
4. Dem'yankov V. Z. [Paradigm in linguistics and language theory.]. In: Ryabtseva N. K., ed. *Gorizonty sovremennoi lingvistiki: Traditsii i novatorstvo* [Horizons of modern linguistics: Traditions and innovation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, pp. 27–37.
5. [For the further development of Soviet linguistics]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1953, no. 3, pp. 3–24.

6. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2007. 264 p.
7. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1977. 300 p.
8. Makaev E. A. *Obshchaya teoriya sravnitel'nogo yazykoznaniya* [The general theory of comparative linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 205 p.
9. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p.
10. Matezius V. [Where did we go in linguistics?]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. II* [History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts. Part II]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965, pp. 141–144.
11. Serio P. [In search of the fourth paradigm]. In: *Filosofiya yazyka, v granitsakh i vne granits. T. 1* [Philosophy of language, within and without borders. Vol. 1]. Kharkiv, OKO Publ., 1993, pp. 37–52.
12. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 696 p.
13. Khomutova T. N. [Scientific paradigms in linguistics]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2009, no. 35 (172), pp. 142–151.
14. Basso Fossali P., Colas-Blaise M., Rémi-Giraud S. The Paradigm Concept in the Sciences of Language. In: *Signata. Annals of Semiotics*, 2017, vol. 8 Available at: <https://journals.openedition.org/signata/1342?lang=en> (accessed: 12.04.2019).
15. Daems J., Zenner E., Hehlen K., Cuickens H. *Change of Paradigms – New Paradoxes: Recontextualizing Language and Linguistics*. Berlin, Boston, De Gruyter, Mouton Publ., 2015. 397 p. (Applications of Cognitive Linguistics).
16. Kuhn T. S. *The structure of scientific revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962. XV + 172 p. (International encyclopedia of unified science. Vol. II).
17. Kuhn T. S. *The structure of scientific revolutions*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1970. XII + 210 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Ирина Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: belyaevairin@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: khukhuni@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina F. Belyaeva – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University; e-mail: belyaevairin@mail.ru

Georgy T. Khukhuni – Doctor in Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and English Studies at Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University; e-mail: khukhuni@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т. Историческое, социальное и структурное в лингвистике XX века: к вопросу о парадигматическом подходе к истории языкознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-6-14

FOR CITATION

Belyaeva I. F., Khukhuni G. T. Historical, social and structural approaches in the 20th century linguistics: the paradigmatic interpretation of history of linguistics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-6-14

УДК 81'374

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-15-23

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛОВА «СОЦИАЛЬНЫЙ»

Раренко М. Б.

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117997, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описание семантической истории слова «социальный» в русском языке по материалам словарей.

Процедура и методы исследования. Проведён лексикографический анализ слова «социальный» по материалам, представленным в отечественных словарях разного типа (этимологического, толковых, полных и кратких, узкоспециальных, энциклопедических, универсальных, словарей частотности употребления и др.) XIX–XXI вв. Были использованы такие методы исследования, как сравнительно-исторический и контент-анализ.

Результаты исследования. Проанализированы и обобщены данные, представленные в толковых и энциклопедических словарях русского языка, сделаны выводы о том, как прилагательное «социальный», впервые зафиксированное в словарях русского языка начиная с конца 1850 гг., постепенно расширяло сферу своего употребления, образуя устойчивые выражения терминологического характера.

Практическая значимость проведённого исследования жизненного цикла слова заключается в выявлении первоначального значения лексической единицы «социальный», анализе её «семантических приращений» и уточнении современного значения, в том числе в составе устойчивых сочетаний. Исследование семантической истории слова «социальный» необходимо для уточнения значений устойчивых сочетаний типа 'социальная коммуникация', 'социальный перевод' с целью их терминологизации.

Ключевые слова: «социальный», русский язык, латинский язык, история слова, заимствование, толковый словарь, типология словарей

THE EMERGENCE OF THE WORD “SOTZIAL'NII” (SOCIAL)

M. Rarenko

*Institute of Scientific Information for Social Sciences Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow 117997, Russian Federation*

Abstract

Purpose of the paper is to describe the semantic history of the word “sotzial'nii” (social) in the Russian language on the basis of analysis of dictionaries.

Methodology and Approach. The author conducted a lexicographic analysis of the word “sotzial'nii” (social) based on the materials presented in the Russian dictionaries of various types (etymological, explanatory, full and short, highly specialized, encyclopedic, universal, frequency of use dictionaries, etc.) of the XIX–XXI centuries. Research methods such as the comparative historical method and the content analysis method have been used.

Results. The data presented in the Russian explanatory and encyclopedic dictionaries have been analyzed and summarized. Conclusions are drawn about how the adjective “sotzial'nii” (social), first

recorded in the dictionaries of the Russian language at the end of 1850 has gradually expanded the scope of its use, forming set expressions of terminological nature.

Theoretical and Practical implications. The practical significance of the study of the word life cycle is to identify the original meaning of the lexical unit “sotzial'nii” (social), analyze its “semantic increments” and clarify the modern meaning, including the meanings it has as a part of fixed word combinations. The study of the semantic history of the word “sotzial'nii” (social) is necessary to clarify the meaning of set expressions such as ‘social'naja kommunikacija’ (social communication), ‘social'nyj perevod’ (social translation) in order to terminologize them.

Keywords: sotzial'nii (social); the Russian language; the Latin language; the history of the word; borrowing; explanatory dictionary; typology of dictionaries

Введение

Первоисточником русского прилагательного служит латинская единица “socialis” – «товарищеский», «супружеский», «союзнический», являющаяся прилагательным к существительному «товарищ», «союзник». Слово «социальный» фиксируется в словарях русского языка, начиная с конца 1850-х гг.

На протяжении всей своей истории в русском языке прилагательное «социальный» в целом сохраняет своё первоначальное значение, расширяя сферу употребления, образуя устойчивые словосочетания, входя в состав сложных прилагательных.

В настоящее время в связи с быстро меняющимися политическими, экономическими, информационными и прочими аспектами жизни человека особого внимания, на наш взгляд, заслуживают исследования, начало которым в русской филологии положил академик В. В. Виноградов (1895–1969) и которые после его смерти были изданы в виде книги «История слов» (1999). В этих исследованиях В. В. Виноградов описал судьбы около 1500 слов и выражений русского языка, а также более 5000 слов, с ними связанных, пути их проникновения в язык, сложности, с которыми им пришлось столкнуться, изменения значений и пр. [2]. В настоящее время вновь наблюдается интерес к подобному рода исследованиям (см., например, [1; 3; 4; 5; 6; 7]).

В русле указанного выше подхода рассмотрим семантическую историю прилагательного «социальный», которое всё

чаще используется в различных дискурсах, что, на наш взгляд, связано с рядом причин. Одна из них заключается в том, что современное общество осознало необходимость создания условий для развития и социализации (интеграции в социум) людей с различными особенностями состояния здоровья, что нашло отражение в словосочетании «социальная помощь». Ещё одним примером использования слова «социальный» стало словосочетание «социальная коммуникация». Для понимания данного словосочетания, не зафиксированного как устойчивое ни в одном словаре, на наш взгляд, и необходимо проследить, в первую очередь семантическую историю слова «социальный».

Под семантической историей слова понимается то, как лексическая единица появляется в языке, что с ней происходит впоследствии – как меняются её значения, исчезают прежние и появляются, уточняются новые вплоть до её полного исчезновения из употребления (как правило, слово сначала устаревает, попадает из активного использования в пассивный запас, а затем и полностью перестаёт узнаваться носителями языка). В редких случаях происходит ревитализация, казалось бы, уже утраченных значений слова.

Появление слова в языке проследить при этом часто оказывается проще, чем момент исчезновения, особенно если слово пришло в данный язык из другого, т. е. было заимствовано. Лексическая единица «социальный» представляет именно такой случай. Тот факт, что она фиксиру-

ется во многих языках, по крайней мере, во всех романских и германских по происхождению, позволяет сделать вывод о её интернациональном характере.

Вхождение слова «социальный» в лексический состав русского языка

Один из наиболее авторитетных на сегодня этимологических словарей русского языка, «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных, слово (лексическую единицу) «социальный» возводит к заимствованиям из западноевропейских языков, источником распространения указывая французский язык, а в качестве первоисточника – латинскую единицу “sociālis” – «товарищеский», «супружеский», «союзнический», являющуюся прилагательным к существительному «товарищ», «союзник», которое по происхождению представляет собой субстантивированное прилагательное socius, -a, -um со значением «общий», имеющее общий корень со словом sequor «иду вслед», «следую»¹. Непосредственно в русский язык, как и в другие западноевропейские языки с 1680 г., слово попало из французского. В словаре П. Я. Черных также отмечено, что слово «социальный» фиксируется в словарях русского языка, начиная с конца 1850-х гг. В частности, слово «социальный» упоминается в «Объяснительном словаре иностранных слов, употребляемых в русском языке», изданном в Санкт-Петербурге в 1859 г. В. Н. Угловым².

В XIX в. слово «социальный» было зафиксировано в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Гейзе (1861) как единица, имеющая во-первых, латинское происхождение, а во-вторых, значение «касающийся общества, общественный»³, а

также в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» под редакцией Ф. Толля и В. Зотова (1863–1864). Любопытно то, что в этом словаре прилагательное «социальный» не выделено в отдельную статью, а оказывается помещённым в статью «Социализм»⁴ со значением «касающийся общества, обществ.», в которой также излагается значение словосочетания «социальная школа», используемое в политической экономии, с пометкой, что данное учение признаёт «что промышленность не следует никаким законам, предоставленная самой себе»⁵.

История слова «социальный» в XX в.

В XX в. лексическая единица «социальный» зафиксирована в четырёхтомном «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова с четырьмя значениями.

Во-первых, как «прил., по знач. связанное с жизнью людей в обществе, их отношениями в обществе или к обществу, общественный». В этом случае иллюстрациями употребления слова становятся словосочетания: *социальное страхование; социальные науки; социальное обеспечение; социальная психология; социальная гигиена; социальная опасность преступления; социальное воспитание; социальные законы*. Во-вторых, как прилагательное: «реорганизующий общественные, производственные отношения в обществе». Типичным словосочетанием, раскрывающим данное значение, является *социальный переворот*. В-третьих, прилагательное со значением «порождаемый условиями общественной жизни, услови-

иностранных слов, вошедших в состав русского языка [составленный по образцу немецкого словаря Гейзе]. СПб.: Е. П. Печаткин, 1861. С. VIII+478.

¹ См.: Социальный // Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13560 слов. Т. 2. М.: Русский язык, 1994. С. 191.

² См.: Социальный // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. С. 171.

³ См.: Социальный // Гейзе К. В. Л. Полный словарь

⁴ См.: Социализм // Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний (справочный энциклопедический лексикон): в 12 вып. или 3 т. Т. 3. / под ред. В. Р. Зотова, Ф. Толля. СПб.: изд. Ф. Толля, 1864. С. 516.

⁵ Отметим, что словосочетание «социальная школа» описывается в отдельной статье и в словаре Гейзе (1861).

ями той или иной общественной среды, общественной формации», например: *социальные болезни в условиях капитализма; социальные инстинкты; социальные чувства*. Наконец, четвёртое значение – «прил., по знач. связанное с принадлежностью к какой-н. общественной группе, классу» – иллюстрируется словосочетаниями *социальная среда, различные социальные слои общества, социальное происхождение и социальное положение*¹.

В середине прошлого века словарём С. И. Ожегова, который, являясь словарём так называемого краткого типа, а потому ограничиваясь лишь значениями слов из активного словарного запаса, зафиксировано одно только значение слова (лексической единицы) «социальный», а именно: «Общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе»². Автором словаря в качестве иллюстрации употребления указанного прилагательного приводятся словосочетания «социальные науки», «социальные институты», а также «социальная среда» и «социальное положение». На наш взгляд, заслуживает внимания тот факт, что в словаре наречие «социально» – «общественно, для общества»³, – употребляемое в словосочетании «социально чуждый элемент», фиксируется не в конце статьи, посвящённой значению однокоренного прилагательного, а в отдельной. Любопытно проследить, менялось ли толкование слова «социальный» в последующих изданиях словаря и как.

В издании «Словаря...» 1960 г. у данного прилагательного оказывается зафиксировано ещё одно, второе значение, помимо указанного выше, а именно: «2. производящий изменения в произ-

водственных отношениях общества», – а в качестве примеров употребления слова в этом значении приводятся «социальная революция», «социальный переворот»⁴. При этом значение наречия «социально» трактуется так же, как и в издании 1949 г., но с дополнительным приведённым примером его употребления «социально опасный элемент»⁵. В изданиях 1989, 1990 и 1991 гг. в словаре Ожегова (соответственно, 21, 22 и 23 издания, исправленные), вышедших под редакцией члена-корреспондента АН СССР Н. Ю. Шведовой, указано лишь одно значение прилагательного «социальный»: «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе»⁶. В издании словаря Ожегова 1997 г. (издание дополненное и исправленное) у слов «социальный», «социально» сохраняются значения, указанные в издании 1960 г.⁷ В издании словаря Ожегова 1999 г. под редакцией С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой семантика слова «социальный» прирастает новым значением по связи с существительным «социум»: «1. см. “социум”»; второе значение, приводимое в данном издании, соответствует первому значению, указанному в изданиях 1949 г. и 1960 г.: «2. Общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе»⁸, – с тем отличием, что наречие «социально» не вынесено в отдельную статью. В качестве иллюстрации второго значения приводятся словосочетания, как упомянутые в предыдущих изданиях, так и новые, такие как: «социальная среда»; «социально (нареч.) опасен», «социальное положение», а также «соци-

¹ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. IV. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1940. С. 451.

² См.: Социальный // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. С. 797.

³ См.: Социально // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. С. 797.

⁴ См.: Социальный // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ГИС, 1960. С. 742.

⁵ См.: Социально // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ГИС, 1960. С. 742.

⁶ См., напр.: Социальный // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1991. С. 751.

⁷ См.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. С. 752.

⁸ См.: Социальный // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 752.

альное обеспечение», которое снабжено комментарием-пояснением «государственная система материального обеспечения граждан в старости, а также в случае болезни или нетрудоспособности»¹. Существительное «социум», к которому возводится в словаре первое значение прилагательного «социальный», трактуется в словаре следующим образом: «СОЦИУМ, -а, м. (книжн.). То же, что общество. \прил. социальный, -ая, -ое. С. переворот. Социальное законодательство. Социальная революция»², – при этом существительное имеет стилистическую помету «книжн.». У прилагательного же соответствующая помета отсутствует. В 24 издании словаря Ожегова под общей редакцией профессора Л. И. Скворцова в 2003 г., а также в 28 издании (2015 г.) толкования слов «социальный», «социально» приводятся по изданию словаря Ожегова 1960 г. Как можно видеть, в большинстве изданий словаря Ожегова первое значение прилагательного «социальный» получило следующую формулировку: «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе». Некоторое упрощение толкования было вызвано, по-видимому, стремлением сделать словарную статью максимально понятной для широкого круга читателей, что полностью соответствовало концепции словаря краткого типа.

В академическом «Словаре русского языка» (1985–1988) под редакцией А. П. Евгеньевой, выпущенном в четырёх томах и известном также как «Малый академический словарь русского языка», у слова «социальный» оказываются зафиксированы два значения: «1. Относящийся к обществу, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе, общественный», внутри которого приводятся

два подзначения: а) «Обусловленный делением общества на классы» (в качестве иллюстрации значения – «Социальный прогресс», «Социальные науки», «Социальная обусловленность явлений», «Социальный состав населения», «Социальные группы», «Социальные противоречия»); и б) «Порождаемый условиями общественной жизни той или иной общественной среды, строя» (в качестве иллюстрации значения – «Социальная мораль», «Социальные болезни»), а также «2. Имеющий целью изменение общественных производственных отношений», иллюстрируемое устойчивыми словосочетаниями «Социальный переворот», «Социальная революция», «Социальная борьба», «Социальное обеспечение», «Социальная психология», «Социальное страхование»³. В «Словаре» при этом в отдельные, самостоятельные статьи вынесены, во-первых, наречие «социально», толкуемое как «в общественном отношении, с общественной точки зрения», и, во-вторых, сложное прилагательное «социально-бытовой» со значением «относящийся к общественной помощи в области бытовых нужд»⁴.

Заслуживает внимание тот факт, что в третьем издании «Большой советской энциклопедии» (Т. 24) лексическая единица «социальный» в отдельную словарную статью не вынесена, но при этом есть отдельные статьи, раскрывающие такие понятия, как «Социальная адаптация», «Социальная гигиена», «Социальный престиж», «Социальная мобильность», «Социальная психология», «Социальная статистика», «Социального обеспечения соглашения», «Социальное действие», а также «Социальное законодательство» и «Социальное обеспечение», «Социальные болезни», «Социальное страхование» и пр.⁵

¹ См.: Социальный // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 752.

² См.: См.: Социум // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 752.

³ См.: Социальный // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. С. 214.

⁴ См.: Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. С. 214.

⁵ См.: Большая советская энциклопедия. Т. 24. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1977. 576 с.

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» единица (слово) «социальный» представлена всего одним значением: «связанный с обществом, с жизнью и отношениями людей в обществе; общественное сообщение, осведомление о чем-либо»¹. Значение слова иллюстрируется примерами из сочинений В. Ф. Одоевского, Н. П. Огарева, А. Н. Толстого. Приводятся словосочетания, в состав которых входит данное прилагательное: «социальное обеспечение», «социальное страхование», «социальные болезни», «социальный прогресс», «социальное неравенство» и проч. – с пояснением значений. Отмечается, что прилагательное «социальный» входит в состав сложных прилагательных, таких как: социально-культурные (мероприятия); социально-этический (вопрос); социально-психологический (роман). Отдельная статья в «Словаре...» посвящена наречию «социально», которое трактуется как «в общественном отношении; с общественной точки зрения»².

История слова «социальный» в XXI в.

Среди словарей XXI в. слово «социальный» зафиксировано в «Большом толковом словаре русского языка» (2000). Прилагательное «социальный» имеет одно значение: «Социальный, -ая, -ое, -лен, -льна, -ьно [от лат. *socialis* – товарищеский, общественный]. Относящийся к обществу, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе; общественный. С-ая среда. С-ая обусловленность явлений. С-ое явление. С-ая сфера. С-ые службы. С-ая защита населения. С-ое обеспечение (государственная система материального обеспечения граждан в старости, в случае болезни и нетрудо-

способности, а также семей, имеющих детей). С-ое страхование (государственная система материального обеспечения трудящихся при наступлении нетрудоспособности, старости и иных, предусмотренных законом случаях, осуществляемая за счет общественных фондов потребления). С. состав населения. С-ые группы. С-ое происхождение. С-ые противоречия. С. взрыв. С-ые болезни. < Социально, нареч. С. опасен. С. защищен»³.

В «Большом универсальном словаре русского языка» (2018) лексическая единица «социальный» представлена более подробно: «Социальный, кратк. ф. м. социален, iv а. (гр. сокр. соц.) 1.0. Такой, к-рый относится к обществу как совокупности людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями жизни, к функционированию общества, к жизни и отношениям людей в обществе, к изучению общества. С. общественный. ... 1.1. Обусловленный неоднородностью общества, связанный с сословным, имущественным, профессиональным и т. п. положением человека в обществе. С. структура ... 2.0. Такой, к-рый относится к обеспечению жизнедеятельности общества, к материальной и другой поддержке государством определенных категорий населения. С. сфера ... Социальное страхование ... Социальное обеспечение ... Социальная норма ... Социальная стипендия...»⁴.

К сожалению, проследить в современном и при этом наиболее полном на данный момент академическом словаре русского языка значение слова «социальный» пока не представляется возможным, поскольку в настоящее время только идёт работа над очередным томом издания⁵.

¹ См.: Социальный // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 14. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Стб. 434.

² См.: Социально // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 14. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Стб. 436.

³ См.: Социальный // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. С. 1243.

⁴ См.: Социальный // Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: Словари XXI века, 2017. С. 1150.

⁵ Большой академический словарь русского языка / под ред. Л. И. Балахоновой. М.: Наука; СПб.: Наука, 2004–.

О частотности употребления слова «социальный»

В «Частотном словаре русского языка» (1977), содержащем сведения о лексическом составе русского языка, под редакцией Л. Н. Засориной приводятся, в частности, статистические данные об употреблении как прилагательного «социальный», так и однокоренных с ним слов, например, сложных прилагательных, в состав которых оно входит. Так, согласно словарю, прилагательное «социальный» характеризуется по следующим количественным параметрам: 1) частоте: в том числе, а) общей частоте употребления по всей выборке; б) частоте употребления по подвыборкам, а именно по числу (количеству) появлений слова внутри каждой из следующих жанровых групп представленных текстов (I подгруппу представляют газетно-журнальные тексты, II подгруппу – драматургия, в III подгруппу вошли научные и /или публицистические тексты, IV подгруппу образуют тексты художественной прозы); и 2) количеству всех текстов по указанным жанрам, в которых данное слово встретилось. Общая частота использования прилагательного оценивается в 142 употребления, при этом в газетно-журнальных текстах единица встречается 43 раза, в драматургии – 16 раз, в научных и публицистических текстах – 78 раз, в художественной прозе – 5 раз. При этом употребления весьма неравномерно распределены по жанрам текстов, в которых они оказываются представленными: 9, 3, 16 и 2, соответственно.

Таким образом, чаще всего прилагательное «социальный» встречается в научных и публицистических текстах, а также текстах газетно-журнального профиля¹.

В словаре зафиксированы единичные использования прилагательных «социально-воспитательный», «социально-правовой», «социально-психологический»,

¹ См: Социальный // Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. С. 676.

«социально-философский», «социально-экономический», «социально-юридический»².

В «Новом частотном словаре русской лексики (на материалах Национального корпуса русского языка)» авторов-составителей О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова представлена информация, во-первых, о частотности употребления, во-вторых, статистическом распределении по текстам и жанрам, в-третьих, по времени создания текстов, в которых встречаются лексические единицы, начиная со 2-ой половины XX и заканчивая началом XXI вв. В этом словаре зафиксирована частотность употребления прилагательного «социальный» на отметке 228.2, при этом показывается, что с 1950-х гг. частотность употребления слова постоянно возрастает: в 50–60 гг. XX в. в текстах художественной литературы она зафиксирована на отметке 16.3, в 70–80 гг. – 18.2, в 1990–2000 гг. – 22.5; аналогичное увеличение употребления данной лексической единицы прослеживается в публицистических текстах: в 1950–60 гг. – 86.0, в 1970–80 гг. – 135.4, в 1990–2000 гг. – 289.7³. Помимо прилагательного «социальный» в словаре также зафиксированы наречие «социально» с частотностью употребления 9.9, а также сложные прилагательные «социально-бытовой», «социально-исторический», «социально-культурный», «социально-политический», «социально-правовой», «социально-психологический», «социально-трудовой», «социально-экологический», «социально-экономический». Однако частотность их употребления весьма низкая, максимальная зафиксирована у слова «социально-политический» на отметке 4.2⁴.

² Там же.

³ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс]. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title (дата обращения: 15.02.2020).

⁴ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс]. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title (дата обращения: 15.02.2020).

Заключение

Таким образом, подводя итог исследованию, связанному с возникновением и закреплением слова «социальный» в русском языке, следует отметить следующее: в русском языке слово «социальный» является заимствованной лексической единицей, слово пришло в русский язык через французский из латинского приблизительно в 1860-х гг. На протяжении всей истории своего существования зна-

чение слова существенно не менялось, но наблюдается появление наречия по значению прилагательного (т. е. отадъективного наречия), а также вхождение слова в состав сложных прилагательных. Таким образом, положительно можно утверждать, основываясь на результатах исследования, что частота использования данной лексической единицы в российском обществе постоянно возрастает.

Статья поступила в редакцию 24.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородина Н. А. К истории глагола ВООБРАЗИТИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–1 (78). С. 61–64.
2. Виноградов В. В. История слов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. 1138 с.
3. Гузеев Ж. М. Лексическое значение слова и его компоненты (на материале карачаево-балкарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8–2 (62). С. 70–72.
4. Крюкова О. С. О семантической истории слова «информация» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 143–147.
5. Логинова М. С. История слова ПРИБЫЛЬ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–3 (72). С. 129–131.
6. Раренко А. А. «Успех»: По следам словарей // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2020. № 2. С. 12–16.
7. Шхапацева М. Х., Пазова Л. М. К вопросу о лексическом значении слова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 1 (134). С. 121–127.

REFERENCES

1. Borodina N. A. [The history of the verb *VOOBRAZITI (IMAGINE)*]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 12–1 (78), pp. 61–64.
2. Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [The history of words]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 1999. 1138 p.
3. Guzeev Zh. M. [Lexical meaning of a word and its components (based on Karachay-Balkar language)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 8–2 (62), pp. 70–72.
4. Kryukova O. S. [The semantic history of the word “information”]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyi zhurnal* [Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics. Abstracts Collection], 2019, no. 3, pp. 143–147.
5. Loginova M. S. [The history of the word *PRIBYL' (PROFIT)*]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 6–3 (72), pp. 129–131.
6. Rarenko A. A. [“Success”: In the footsteps of dictionaries]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya. Referativnyi zhurnal* [Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology. Abstracts collection], 2020, no. 2, pp. 12–16.
7. Shkhatpatseva M. Kh., Pazovaz L. M. [On a lexical meaning of the word]. In: *Vestnik Aдыгейского gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism], 2014, no. 1 (134), pp. 121–127.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук;

e-mail: rarenco@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria B. Rarenko – PhD in Philological Sciences, Senior Researcher at the Department for Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences at Russian Academy of Sciences;

e-mail: rarenco@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Раренко М. Б. К вопросу о семантической истории слова «социальный» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 15–23.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-15-23

FOR CITATION

Rarenko M. B. The emergence of the word “sotzial'nii” (social). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 15–23.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-15-23

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-24-33

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ЯЗЫКУ ЛИНГВИСТИКИ

Сорокина Э. А., Мазирка И. О.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Показать, что в процессе обучения иностранным языкам в языковом вузе необходимо учитывать метаязыковую функцию языка, наличие межъязыковой омонимии, лакунарность и полисемантическую лингвистических терминов и многие другие явления, затрудняющие восприятие изучаемого языкового материала.

Процедура и методы исследования. В статье анализируется понятие «профессиональная языковая личность» с позиции её формирования в процессе обучения в языковом вузе. Используются метод дефинитивного описания и сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования. Обозначена проблема изучения таких курсов, как язык для специальных целей и терминоведение, предлагаемых в качестве обязательных учебных дисциплин.

Теоретическая значимость заключается в расширении имеющихся в терминоведении сведений о лингвистическом термине.

Практическая значимость определяется возможностью использования материала в профессиональной деятельности специалистов-лингвистов. Адресуется учителям иностранных языков, специалистам в области межкультурной коммуникации, филологам.

Ключевые слова: лингвистика, термин, термин-полисемант, термин-синоним, омонимия, межъязыковая омонимия, профессиональное мышление, профессиональная языковая личность

PROBLEMS OF FORMING A LINGUISTIC PERSONALITY IN THE CONTEXT OF TEACHING PROFESSIONAL LANGUAGE OF LINGUISTICS

E. Sorokina, I. Mazirka

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

The purpose of the study: to show that in the process of teaching foreign languages at a linguistic university, it is necessary to take into account the metalanguage function of the language, the presence of interlanguage homonymy, lacunarity and polysemantic linguistic terms, and many other phenomena that impede the perception of the studied language material.

Methodology and Approach. The article analyzes the concept of “professional linguistic personality” from the position of its formation in the learning process at a language university. The method of definitive description and the comparative method are used.

Results. The problem of studying such courses as language for special purposes and terminology, offered as compulsory educational disciplines, is indicated.

Theoretical and/or Practical implications. The theoretical significance lies in expanding the available in terminology information on linguistic term. Practical significance is determined by the possibility of using the material in the professional activities of linguists. It is addressed to teachers of foreign languages, specialists in the field of intercultural communication, philologists.

Keywords: linguistics, term, polysemantic term, term synonyms, homonymy, cross-language homonymy, professional thinking, professional linguistic personality

Введение

В настоящее время стремительно развивается новое направление в отечественной лингвистике – *персонология*, в центре внимания которого находится человек (*персона, личность*). Новое направление является межотраслевым, использующим способы анализа и методологические приёмы таких, например, наук, как психология и психолингвистика, литературоведение и теория жанра, социология и социолингвистика, терминоведение, когнитивная лингвистика, теория межкультурной коммуникации, теория перевода, лингвополитология и лингвоэмотиология.

Понятие «языковая личность» (или *человек говорящий*) в последние десятилетия становится одним из самых востребованных понятий в ракурсе проявления интереса к его изучению и многоаспектности его описания¹.

Аналитический обзор современных филологических исследований, в числе которых и терминоведческие работы, позволяет говорить о том, что понятие «языковая личность» занимает в пространстве научного знания достаточно обширную территорию. Вопросы, связанные с правомерностью выделения *языковой личности*, наряду с проблемами изучения структуры личности и типологии её видов находят своё выражение в работах многих авторов. На наш взгляд,

следует согласиться со словами Е. И. Головановой, утверждающей, что «исследование языковой личности – одно из приоритетных направлений отечественного языкознания» [1, с. 261–262; 2, с. 27].

Сильнейшее влияние на развитие отечественной персонологии оказали исследования Ю. Н. Караулова, которому, по мнению Л. Л. Шестаковой и Н. В. Уфимцевой, «принадлежит несомненный приоритет в разработке теории языковой личности. В книгах “Русский язык и языковая личность”... “О состоянии русского языка современности”... им построена концепция “человека говорящего”. Именно на базе теории языковой личности сформировалась возглавляемая Ю. Н. Карауловым ведущая научная школа “Русская языковая личность”, которая стала сегодня одним из лидирующих направлений в отечественной лингвистике и лингводидактике» [8, с. 5].

Проблема выделения понятия «профессиональная языковая личность»

Многоаспектное изучение родового понятия «языковая личность» привело к выделению его видовых разновидностей, в числе которых понятие «профессиональная языковая личность». Очевидно, что первыми исследователями профессионального «человека говорящего» были представители Челябинской терминоведческой школы (Е. И. Голованова, её коллеги и ученики). Профессиональная языковая личность, по мнению Е. И. Головановой, «представляет собой пока ещё малоизученный лингвистический объект» [1, с. 263]. В работах Е. И. Головановой *профессиональная личность* определяется как «совокупность интел-

¹ См.: Словарь терминов межкультурной коммуникации / отв. ред. М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 232; Сорокина Э. А. Личность как субъект диалога культур // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой международной конференции, Москва, 14–16 апреля 2016 г. / под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. М.: Языки народов мира, 2016. С. 506–510.

лектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [Там же].

По мнению Е. И. Головановой, способность профессиональной языковой личности вступать в профессиональную коммуникацию, создавая производимые ею языковые и речевые единицы и специальные тексты, зависит от своеобразия принадлежащего данной личности профессионального дискурса, подчинённого целям и задачам профессиональной деятельности [1, с. 263]. Считаем необходимым подчеркнуть, что для исследователя такие признаки понятия «языковая личность», как «специфика содержания и структуры профессиональной языковой личности» и «типы профессиональной языковой личности», являются важными, характерологическими [Там же].

Интересной представляется созданная А. Д. Самигуллиной классификация, включающая такие виды, как *профессионально-ориентированная языковая личность*, *непрофессионально-ориентированная языковая личность* и *профессионально-неориентированная языковая личность* [5, с. 11]. В качестве основания для выделения названных видов понятия «языковая профессиональная личность» был положен признак **степень обладания терминологией определённой специальной отрасли профессионального знания*.

Для нашего исследования, проводимого в рамках сопоставления русской и английской лингвистических терминологий, интересной представляется мысль Л. А. Чернышовой о том, что понятие «языковая личность» может быть связано с её индивидуальными особенностями использования языковых средств как родного, так и иностранного языков [7, с. 34–37].

При исполнении своих профессиональных функций личность, на наш

взгляд, обязана иметь определённые профессиональные теоретические сведения и должна владеть набором практических навыков в той или иной отрасли научного или научно-практического знания. И при этом необходимо подчеркнуть важность владения личностью знаниями той терминологии, которая обслуживает данную отрасль.

Процесс превращения личности в *профессиональную языковую личность* неразрывно связан с процессом освоения определённых профессиональных знаний и конкретной специальной терминологии, представленных либо в системе родного языка, либо в системе иностранного языка, если обучение ведётся на неродном для обучаемого языке.

Переводческая деятельность в сфере современной профессиональной коммуникации требует от языковой личности не только свободного владения исходным и принимающим языками, но и обладания некоторым набором специальных профессиональных знаний в конкретной научной отрасли¹. Специальные профессиональные знания в любой отрасли научного и научно-практического знания представлены в виде системы понятий, обозначенных специальными словами – терминами, составляющими терминологический список, или *терминологию*.

Лингвистическая терминология как разновидность профессиональной терминологии

Считаем необходимым подчеркнуть то, что отраслевые терминологии играют важную роль в процессе получения профессиональных знаний, поскольку они представляют собой результаты вербализации языковыми средствами той профессиональной информации, которая

¹ См.: Сорокина Э. А. Личность как субъект диалога культур // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой международной конференции, Москва, 14–16 апреля 2016 г. / под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. М.: Языки народов мира, 2016. С. 506–510.

связана с понятийной системой определённой конкретной отрасли научного и научно-практического знания.

Лингвистическая терминология – это особая отраслевая терминология, с помощью которой происходит познание как своей языковой профессиональной картины мира, так и «чужой», вербализованной средствами иностранного языка. Социальная функция лингвистической терминологии обусловлена тем, что она, являясь важным компонентом лингводидактики, обеспечивает выработку навыков освоения норм как родного, так и изучаемого иностранного языков. Для специалистов в области лингводидактики и межкультурной коммуникации лингвистическая терминология – это то средство, которое наряду с другими способно активно участвовать в формировании профессиональной языковой картины мира, диктующей условия практической деятельности специалиста-лингвиста¹.

Процесс формирования компетентной профессиональной языковой личности в области лингвистики связан с использованием специальной лексики, большую часть которой составляют лингвистические термины. И здесь возникает ряд трудностей по причине таких, например, явлений, как разветвлённая синонимия, присутствие многозначности, наличие лакун, безэквивалентность разноразличных лингвистических терминов.

Вопрос о синонимии лингвистических терминов

Явление синонимии в национальном языке определяется в функциональных языковых подсистемах по-разному: в общеупотребительном языке синонимия поощряется, поскольку синонимы позволяют говорящему точнее выразить свою

мысль (*идеографические / понятийные синонимы*) или придать высказыванию эмоционально-экспрессивную окраску (*стилистические синонимы*), а в профессиональном языке синонимия считается нежелательной, поскольку затрудняет восприятие научного текста по причине некоторой расплывчатости семантики неоднозначной лексики, снижающей точность и определённость смысла специального текста.

Анализ лингвистической терминологии в любой из отраслей языкознания позволяет говорить о том, что синонимия в ней представлена в огромном количестве. Практически все лингвистические термины являются членами либо бинарного (двучленного), либо многочленного синонимического ряда. Так, в русской лингвистической терминологии бинарными, например, являются синонимические цепочки: *моносемия – однозначность, орфография – правописание, звук – фонема* и мн. др.

В английской лингвистической терминологии к числу бинарных синонимов можно отнести лексемы-термины: *TONE vs PITCH* (где *TONE* – the pitch carried by a word. Tones do not have absolute pitches, but levels relative to the tone of other segments. Tone can distinguish both lexical and grammatical meaning. In simple tone systems tone may be indicated as high, low and mid tone; ~ language, system, voice²; *TONE* ≈ *TIMBRE* II Sounds of identical pitch, loudness and length may differ in timbre³; *PITCH* – the auditory correlate of acoustic frequency. In perceptual terms, sounds are measured on a scale from high to low; in acoustic terms this is measured as frequency. Pitch is studied by the phonologist in terms either of intonation or tone; *Pause, voice, vowel* ~ ⁴); *CLAUSE vs*

¹ Сорокина Э. А. Личность как субъект диалога культур // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социокультурных практик: материалы Первой международной конференции, Москва, 14–16 апреля 2016 г. / под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. М.: Языки народов мира, 2016. С. 507.

² См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 443.

³ См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 442.

⁴ См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of

SENTENCE (где CLAUSE – a unit of syntax containing a main verb (all English clauses require a subject noun phrase¹; SENTENCE is often defined as the largest unit handled by grammar (word order, morphosyntax, obligatory and optional elements). Another analysis takes it to be a low-level unit of discourse consisting of one or more clauses²); TENSE vs TIME (где II. Tense has to do with speakers placing situations in past, present or future. States do not change; participants do not expend energy or willpower. Events typically involve change and action, and have beginnings and endings. Speakers place events and states in time. Some languages lack tense. Some information about time is signalled by aspect³; TIME in ADVERBIAL~ – an adverb or prepositional phrase expressing information about when something happened; in ~ PHRASE – a phrase denoting a location in time⁴ и многие другие термины.

В отечественной лингвистике подобные бинарные синонимические лексемы обозначают термином «дублеты». Как правило, термины-дублеты не вызывают трудностей в запоминании и функционировании.

Трудности возникают с терминами, имеющими в качестве синонимов протяжённые синонимические цепочки, поскольку у коммуникантов, вступающих в профессиональную коммуникацию, возникает сомнение в правильности выбора термина из длинного ряда синонимов для конкретной речевой ситуации. Например, в словаре О. С. Ахмановой *диалект*

– то же, что *говор*, то же, что *наречие*⁵. При изучении грамматики одним из часто используемых терминов является термин «парадигма» (как совокупность грамматических форм языкового средства – *надежная парадигма, парадигма рода прилагательного*). Но этот термин в настоящее время стал чрезвычайно популярным не только в грамматике, поскольку является компонентом такого синонимического ряда, как *пример, тип, модель, теория, схема, образец, устоявшийся общепринятый взгляд, модель исследования научного предмета, учение, направление, традиция, научная школа, научная традиция, лингвистическая теория, научное направление, лингвистическая школа, система воззрений* и т. д.

Наличие синонимов у термина является своеобразным показателем его неоднозначности.

Неоднозначность лингвистических терминов

Неоднозначностью слова мы называем явление, при котором у лексемы наличествуют несколько значений, согласно которым данная лексема способна выполнять функции термина в нескольких отраслях научного знания. И в этом случае можно говорить в равной степени о присутствии явлений многозначности лексемы и омонимии лексем.

Как в русской, так и в английской лексике наличествует большое количество слов, семантика которых обладает неоднозначностью, затрудняющей правильное их использование в передаваемой информации и адекватное понимание в получаемой информации.

В группе неоднозначных лингвистических терминов можно выделить, по крайней мере, три подгруппы: полисемантические слова, слова-омонимы и констанциональные термины.

Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 345.

¹ См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 77–78.

² См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 400.

³ См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 437.

⁴ См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 442.

⁵ См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: URSS, 2007. С. 131.

Явление омонимии

Явление омонимии, распространённое на всех уровнях языка, наиболее ярко проявляется на лексическом уровне. Лексическая омонимия наблюдается в каждом национальном языке, но с разной интенсивностью. По нашим наблюдениям, в русском языке лексическая омонимия по количественным показателям несколько уступает омонимии в английском языке, где часто лексическая омонимия переплетается с грамматической омонимией.

В русской лингвистической терминологии терминами-омонимами являются, например, такие слова, как *наречие* (часть речи) и *наречие* (разновидность национального языка), *акцент* (ударение) и *акцент* (отклонение от норм произношения).

В английской лингвистической терминологии к терминам-омонимам относятся, например, такие слова, как *TENSE*, *BASE*, *RULE* и мн. др. Для доказательства наличия у данных слов омонимичных значений приведём их словарные описания.

TENSE – где I. muscular tension in the vocal cords, which can result in tense vowels, characterized by greater muscular tension in their articulation and produced with a high level of effort in contrast with lax vowels; II. ‘Events typically involve change and action, and have beginnings and endings. States do not change; participants do not expend energy or willpower’¹]; *BASE* – где 1. In morphology, any form to which a process applies (dog is the base for the *pl.* dogs);

abstract base, a form that does not actually occur (in some theories – underlying form; 2. In classic generative phonology different forms of the same lexeme are derived from the same underlying abstract form; 3. In Cognitive Grammar, part of the representation of conceptual structures. A given concept is profiled in bold against a base. The base corresponds to some domain of conceptual structure.

¹ См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 437.

RULE – где 1. A description of the patterns followed by speakers and writers with a mature competence in a given language; 2. A prescriptive statement made by arbiters of ‘good usage’ as to whether a particular construction is correct or not (eg. English sentence should never end with a preposition); 3. In a formal grammar, the rules generating the patterns of syntax and morphology observed in the analyst’s data².

Омонимия затрудняет понимание специального текста, следовательно, обучающий специалист в области лингвистики должен обладать необходимой лексикографической информацией для того, чтобы избежать неправильного понимания передаваемого текста обучаемому.

Многозначность лингвистических терминов

К сожалению, в профессиональной речи часто наблюдается смешение явления омонимии с явлением многозначности [3]. В отличие от омонимии при многозначности в семантической структуре слова имеются разные, но близкие по смыслу значения. Чаще всего многозначными становятся слова, перенесённые с одного понятия на другое по причине их близости (родовидовые отношения, часть / целое, сходство выполняемой функции).

Бинарность терминов *многозначность* и *полисемия* позволяет использовать в качестве названия многозначного термина слово *полисемант* [4, с. 70–76].

В русской лингвистической терминологии терминами-полисемантами являются многие лингвистические специальные единицы: центральное понятие лингвистики обозначено полисемантом *язык*, описание которого в словарях занимает несколько страниц. К числу терминов-полисемантов относятся и такие, например, как *речь* (доклад, сообщение, текст, выступление; проявление языка;

² См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 48.

особенности индивидуального использования языка и т. д.); *словообразование* (раздел языкознания; процесс создания слова; совокупность приёмов создания слова); *грамматика* (раздел языкознания; строение слова или предложения; совокупность правил создания форм и т. д.).

В английской лингвистической терминологии терминами-полисемантами, например, являются такие, как *TENSE* и *GRAMMAR*:

TENSE – I. muscular tension in the vocal cords, which can result in tense vowels, characterized by greater muscular tension in their articulation and produced with a high level of effort in contrast with lax vowels; 2. in J&H Distinctive Feature Theory, it is a feature characterized as exhibiting high energy; 3. in SPE Distinctive Feature Theory, segments which articulation requires a high level of effort, e.g. the tense [i] and [u]¹.

GRAMMAR – где 1. In its narrow sense, the structure of sentences (syntax) and the structure of words (morphology) in a language; 2. In its broad sense, the morphology and syntax plus the phonology, the semantics and even the pragmatics of a language. 3. A description of the grammar of a language. 4. The sense introduced by Chomsky, the set of rules known by (internalized by) the members of a speech community and now called I-language².

Особую разновидность неоднозначных терминов составляют такие слова, которые могут быть соотнесены с разными профессиональными языковыми картинами мира.

Консубстанциональные термины

Консубстанциональными терминами мы называем такие слова, которые могут иметь специальное (профессиональное, отраслевое) значение в нескольких раз-

ных отраслях научного и научно-практического знания [6, р. 305–309]. Например, в русском языке слово «лицо» как термин присутствует в анатомии (*лицо человека*), в грамматике (грамматическая категория: *лицо местоимения, форма лица у глагола*), в юридических науках (*физическое лицо, юридическое лицо*), в теории межкультурной коммуникации (*репутация, сохранить лицо*).

Консубстанциональность слова, т. е. его способность функционировать в качестве термина в разных отраслях научного знания и иметь при этом близкие оттенки в значении, в английском языке представлена гораздо чаще, чем в русском. Причиной такого положения консубстанциональности является аналитичность английского языка.

В русской лингвистической терминологии к числу консубстанциональных терминов относятся такие, например, как *род, личность, такт, форма, модель, наклонение, образование, гнездо, предложение* и множество других, которые используются в качестве термина не только в языковедении, но и в других отраслях научного знания.

В английской лингвистической терминологии к числу консубстанциональных следует отнести такие, например, термины, как *ROOT* – в лингвистике ‘The central part of a word which carries the core meaning of a given word and cannot be broken up into smaller morphs’³. В математике – ‘a solution to an equation, usually expressed as a number or an algebraic formula’⁴; *FACE* – в социологии ‘In politeness theory, the self-image projected by a speaker in an interaction such as a conversational exchange. Positive face represents a speaker’s desire that their self-image be approved of, and negative face – a speaker’s desire not to

¹ См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 437.

² См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 197.

³ См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 387.

⁴ См.: Root // Encyclopædia Britannica: [сайт]. URL: <https://www.britannica.com/science/root-mathematics> (дата обращения: 24.01.2019).

be imposed on¹. В юриспруденции – ‘if you refer to something as the particular face of an activity, belief, or system, you mean that it is one particular aspect of it, in contrast to other aspects (eg. We aim to expose the ugly face of Western authoritarianism in the third world².

Большое количество консубстанциональных терминов в каждом списке лингвистических терминов объясняется многими причинами, в числе которых метафоричность профессионального мышления³, поступательные процессы развития научных отраслей и их взаимопроникновения, способствующие как межъязыковому, так и межотраслевому заимствованию⁴.

Заключение

Следует признать, что в процессе формирования профессиональной языковой личности большое значение имеет языковая компетентность обучаемого и обучающего, складывающаяся из знания

ими родного и иностранного языков. Лингвистические терминологии как русского, так и английского языков, способны создавать определённые трудности в постижении лингвистического знания, поскольку в них наличествуют неоднозначные термины, термины-полисеманты, омонимы, консубстанциональные термины.

Большая нагрузка ложится на профессиональную компетентность обучающего, который обязан объяснить семантические особенности и грамматические различия в используемых языках. Как известно, профессиональная компетентность формируется в процессе обучения. Думается, что назрела острая необходимость в том, чтобы в систему обучения были введены такие теоретические дисциплины, как общее и частное терминоведение, теория языка для специальных целей, общая и специальная персонология.

Статья поступила в редакцию 13.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованова Е. И. Профессиональная языковая личность: специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сборник научных трудов в честь В. Ф. Новодрановой. М.: Авторская академия, 2010. С. 261–270.
2. Голованова Е. И. Социолект шахтеров как отражение стереотипов профессионального сознания // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 26 (355). С. 26–29.
3. Гринёв-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. Полисемия в общеупотребительной и в специальной лексике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 51–64.
4. Мазирка И. О., Сорокина Э. А. К вопросу о развитии семантической структуры слов латинского происхождения (латинизмов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С. 67–76.
5. Самигуллина А. Д. Особенности становления лексико-семантического поля «военное обмундирование» в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 279 с.

¹ См.: Brown K., Miller J. Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 166.

² См.: Face // Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/face> (дата обращения: 24.01.2019).

³ См.: Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. Язык как средство изучения познания и эволюции человека (к 10-летней годовщине появления антропологической лингвистики) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 12–25; Сорокина Э. А. Межотраслевая омонимия: причины появления и результаты // Терминология и знание: материалы IV Международного симпозиума. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2014. С. 173–185.

⁴ См.: Сорокина Э. А. Межотраслевая омонимия: причины появления и результаты // Терминология и знание: материалы IV Международного симпозиума. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2014. С. 173–185.

6. Сорокина Э. А. Консубстанциональность как языковое явление // *Terminology Science in Russia today: From the Past to the Future* / ed. L. A. Manerko, K.-D. Baumann, H. Kalverkämper. Berlin: Frank & Timme, 2014. P. 305–312.
7. Чернышова Л. А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта): дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 340 с.
8. Шестакова Л. Л., Уфимцева Н. В. Член-корреспондент РАН Юрий Николаевич Караулов (к 70-летию со дня рождения) // *Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова: сборник статей.* М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 3–8.

REFERENCES

1. Golovanova E. I. [Professional linguistic personality: the specifics of professional processes in the field of theory and practice]. In: *Non multum, sed multa: Nemnogo o mnogom. U kognitivnykh istokov sovremennoi terminologii* [Non multum, sed multa: a little about a lot. At the cognitive sources of modern terminology]. Moscow, Avtorskaya akademiya Publ., 2010, pp. 261–270.
2. Golovanova E. I. [Sociolect of miners as the reflection of the stereotypes of professional consciousness]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2014, no. 26 (355), pp. 26–29.
3. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. [Polysemy in the common and specialist vocabulary]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 51–64.
4. Mazirka I. O., Sorokina E. A. [About the development of the semantic structure of words of Latin origin (latinisms)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2017, no. 5, pp. 67–76.
5. Samigullina A. D. *Osobennosti stanovleniya leksiko-semanticheskogo polya «voennoe obmundirovanie» v angliiskom i russkom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk* [Features of the formation of the lexical-semantic field “military uniforms” in English and Russian: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2009. 279 p.
6. Sorokina E. A. [Consubstantiality as linguistic phenomenon]. In: Manerko L. A., Baumann K.-D., Kalverkämper H., eds. *Terminology Science in Russia today: From the Past to the Future*. Berlin, Frank & Timme Publ., 2014, pp. 305–312.
7. Chernyshova L. A. *Antropolingvisticheskie aspekty sovremennoi otraslevoi terminologii (na materiale terminologii zheleznodorozhnogo transporta) dis. ... dokt. filol. nauk* [Anthropolinguistic aspects of modern industry terminology (based on the terminology of railway transport): D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2011, 340 p.
8. Shestakova L. L., Ufimtseva N. V. [Corresponding member of the RAS Yuri Karaulov (the 70th anniversary)]. In: *Yazykovaya lichnost': tekst, slovar', obraz mira. K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN Yu. N. Karaulova* [Linguistic personality: the text, the dictionary, the image of the world. The 70th anniversary of corresponding member of RAS Yu. N. Karaulov]. Moscow, RUDN Publ., 2006, pp. 3–8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сорокина Эльвира Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ellasor@mail.ru

Мазирка Ирина Олеговна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета;
e-mail: mazirka_den@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elvira A. Sorokina – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: ellasor@mail.ru

Irina O. Mazirka – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Language theories and English studies, Moscow Region State University;
e-mail: mazirka_den@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сорокина Э. А., Мазирка И. О. Проблемы формирования языковой личности в условиях обучения профессиональному языку лингвистики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 24–33.
DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-24-33

FOR CITATION

Sorokina E. A., Mazirka I. O. Problems of forming a linguistic personality in the context of teaching professional language of linguistics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 24–33.
DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-24-33

УДК 81.0

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-34-52

СОВПАДЕНИЕ СМЫСЛОВЫХ ПАЗЛОВ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Шаховский В. И.

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 27, Российская Федерация*

Аннотация.

Целью работы является показать условия, приёмы, средства и способы достижения эффективности современной коммуникации.

Процедура и методы исследования. Проведён анализ текстов массмедийных жанров с использованием таких методов, как компонентный анализ, контекстуальный анализ, интерпретативный анализ.

Результаты исследования. Затрагивается вопрос соотношения смыслов и их конститuentов для успешного взаимопонимания. Рассматривается проблема интерпретации смысловой картины мира в разновидностях новой реальности при совпадении / несовпадении смысловых пазлов и практических смыслов в синхронии и диахронии, а также смысловых трансформаций в этой картине, при этом подчёркивается негативный эффект ускоренной коммуникации.

Теоретическая значимость. Проведённое исследование дополняет теоретические представления и обобщения современных средств, способов и приёмов смысловой коммуникации: формулирования и трансляции мысли.

Ключевые слова: коммуникативная среда, ускоренная коммуникация, общий культурный код / фонд, коммуникативная эмоциональная ситуация (КЭС), структура понятийного поля слова «смысл», переработка смыслов, ситуативные словари

COINCIDENCE OF SENSE PUZZLES AS A CONDITION FOR EFFECTIVE CONTEMPORARY COMMUNICATION

V. Shakhovsky

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 ulitsa Lenina, Volgograd 400066, Russian Federation*

Abstract.

Purpose of the article is to view conditions, means and ways of achieving effective results in contemporary communication.

Methodology and Approach. The analysis of texts of different mass media genres has been carried out with the help of such methods as semantic component analysis, contextual analysis, interpretation of data.

Results. The issue of correlation of particularities and meanings for effective mutual understanding was considered. Interpretation of the sense worldview from the perspective of new reality in sense puzzles and practical senses coinciding / non-coinciding in synchrony and diachrony, as well as sense transformations in this worldview are presented. The negative effect of the accelerated communication is discussed.

Theoretical implications. The research develops theoretical views and summaries of the contemporary means and ways of sense communication: forming and rendering the thought.

Keywords: communicative sphere, accelerated communication, common culture code/fund, communicative emotional situation, the structure of the notional field of the word "sense", sense recycling, situational dictionaries

Человеку не нужно трёх сосен, чтобы заблудиться – ему достаточно двух существительных. Например, «субъект» и «объект». И чем больше люди спорят по поводу слов друг с другом, тем глубже они увязают в трясине, которую сами при этом создают.

(В. Пелевин, «Бэтман Аполло»)

Cogito ergo sum.
(Рене Декарт)

Как мыслю, так и существую.
(новая реальность)

Введение

Проблема разграничения значения и смысла, а с некоторых пор и коннотации, до сих пор остаётся не только малоизученной, но в большой степени и очень запутанной [13]. Это объясняется тем, что нет единого центра регулирования исследовательских работ. Тем более что смысл изучается не только лингвистами, но и философами, психологами, текстологами, педагогами, семиотиками, семиологами [7]. Координацию между результатами их исследований никто ещё не проводил.

В последние годы к этой проблеме добавилась ещё проблема соотношения смысла и мысли, особенно в аспекте коммунологии.

Мнение Т. Черниговской о том, что люди общаются не словами, а мыслями¹, уточняется мнением Я. Хинтикки [11] (люди обмениваются образами, картинками, гештальтами, представлениями). А теперь ещё всё чаще появляются работы

о том, что общение людей зиждется на Ино-образах (как попытка понять, реконструировать и адекватно отрефлексировать в своём понимании картину мира собеседника) [3]. Конечно, другим типом общения является общение искусственного интеллекта (роботов). Вроде бы, это разные аспекты человеческой коммуникации. Я специально не затрагиваю здесь проблему искусственной коммуникации – коммуникацию роботов и человека с роботами. Но во многих исследованиях по коммунологии так или иначе используется феномен кажимости [9]: разными исследователями разных культур и традиций один и тот же материал кажется иным, отсюда и разные выводы, заключения и перспективы.

Каждому следующему исследователю необходимо знать всё это разное из предыдущих исследований и опираться на них. Конечно, ни один из исследователей не обязан понимать всё ранее написанное по данной проблеме, к тому же возможно расхождение в понимании одного и того же, а тем более в его интерпретации и реинтерпретации, именно из-за разнообразия и многообразия смысловой

¹ Познер. Гость Татьяна Черниговская. Выпуск от 25.04.2016 // YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SU3nhYVEGt0> (дата обращения: 10.03.2020).

наполняемости и понимания полученных результатов. Это, как уже известно, объясняется именно не значением слов, а их смыслами, которые по-разному вычлениваются из одного и того же значения разными интерпретаторами и в разных коммуникативных ситуациях, особенно эмоциональных (КЭС). При этом надо иметь в виду, что у одного и того же значения могут быть не только разные, но даже и противоположные (амбивалентные и энантиосемичные) конкретизаторы, т. е. смыслы.

Уже одним этим фактом подтверждается мысль У. Эко [15] о необходимости многократного прочтения одного и того же текста, так как при каждом новом его прочтении выдвигаются из периферии в центр понимания / восприятия эти разные конкретизаторы, которые сумматизируются при каждом очередном прочтении, и углубляется его смысловое наполнение. Именно в этом заключается идея о бесконечности смысловых валентностей. Именно этим объясняется, например, непонятное многим до сих пор название романа У. Эко «Имя розы»¹.

В. Набоков требует понимания «мельчайших подробностей», а оно недостижимо. Эта невозможность объясняется, на мой взгляд, именно бесконечностью смыслов одного и того же значения. Ибо в разных конситуациях одно и то же слово у каждого индивида воспроизводит и порождает всё новые и новые микроконкретизаторы смыслов как конкретизаторов разных значений одного и того же слова в условиях различных коммуникативных ситуаций, и прежде всего, эмоциональных. Как известно, все эмоции разнообразно индивидуальны и субъективны, и всегда мотивируют по-разному восприятие одной и той же информации. Почему и сложно людям общаться друг с

другом совершенно адекватно. Жаль, что современная объяснительная лингвистика перестала интересоваться семной семасиологией, так как сема – это и есть один из смыслов значения. Но и сема, как давно уже выяснилось, не является семантическим множителем или мельчайшим смыслом (атомом): она тоже имеет разные конкретизаторы аналогично атому, который оказался тоже неопредельной единицей.

Изучение разными исследователями специальных работ по проблеме формирует общую базу (когнитивный фонд научных достижений), которая должна была бы, по идее, объединять исследователей. А фактически за счёт различного понимания / интерпретации этого фонда она их разъединяет. Отсюда и противоречивость последующих результатов. Очевидной становится мысль о том, что не всё позволено человеку познать, что познание мира, в том числе, языкового, ускользает от адекватного его понимания всеми исследователями, а значит и коммуникантами. Отсюда – познание бесконечно и его понимание как линия горизонта отодвигается по мере приближения к нему, т. е. постепенно, поэтапно. И, соответственно, во все времена и во всех видах человеческого общения остро стоит проблема совместимости смысловых пазлов для адекватного взаимопонимания.

Когнитивные и смысловые пазлы коммуникации

В известной степени, с одной стороны, объединяющим, с другой стороны, разъединяющим коммуникативистов фактором является уже почти сформировавшийся, но по-прежнему остающийся открытым фонд терминологического аппарата исследования смысла. При этом слово *смысл* в науке используется достаточно широко и имеет как много семантических признаков, так и ещё больше семантических конкретизаторов. Достаточно изучить нижеприведённый пере-

¹ См.: Шаховский В. И., Супрун В. И. Имя розы – книголюбие // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 4 (54). URL: http://tverlingua.ru/archive/054/1_54.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

чень словосочетаний и словоупотреблений этого ключевого слова – *смысл*.

Поясню, что данный перечень получен в результате сплошной выборки всех встретившихся мне текстовых источников, как печатных, так и электронных и аудиальных: в художественной литературе, в различных СМИ, включая интернет, на радио и ТВ-передачах, – охвачен максимально широкий спектр различных сфер коммуникации современного человека. Естественно, что данный перечень, во-первых, не является завершённым, открыт для дальнейшего расширения / пополнения, во-вторых, он недостаточно классифицирован, что требует дальнейшего его анализа и осмысления. Отсюда и далеко не полное комментирование понятийно-терминологического аппарата дальнейшего исследования смысла в различных научных парадигмах.

Ниже приводится открытый, сформированный в процессе данного исследования список / реестр / библиотека терминов с компонентом *смысл*, т. е. **структура понятийно-терминологического поля «смысл»**.

1. Определения смысла: авторский; восстановленный; глубинный; декодированный; забытый; (за)расшифрованный; закодированный; затемнённый; затуманенный; имплицитный; интегрирующий; истинный; косвенный; культурный; личностный; метафорический; национальный; непонятный; не восстановленный; новый; обратный; оксюморонный; первоначальный, поверхностный; подлинный; потаённый; прямой; религиозный; символический; скрытый; старый; утраченный; универсальный; эксплицитный; экологический; этнический *смысл* = 37.

2. Эпитеты: горячий; грязный; двойной; дурной; дурнопахнущий; загадочный; здравый; лживый; магический; мистический; многоголосый; огненный; откровенный; подлый; поэтический; правдивый; свободный; тайный; таинственный; токсичный; холодный; эмоциональный *смысл* = 22.

3. Малые синтаксические группы:

3 а) глагол + смысл: задавать; затемнять; находить; (не)понимать; потерять; привить; создавать; творить; терять *смысл* = 10;

3 б) существительное + смысл: глубина смысла; диалогизация смыслов; коммуникация смыслами; манипуляция смыслами (СМИ); наведение смыслов; смысл языка и культуры; примыкание / *пресмыкание* членов предложения (замена смыслов в игровых целях); различие в смыслах (споры, разногласия, дискуссии) («Что ты имеешь в виду?», «В каком смысле?», «В смысле?»); смешение смыслов (препятствие для адекватного восприятия эмоционального и рационального); уровни смысла; уточнение смысла = 12;

3 в) прилагательное + смысл: внутреннее многоголосие смыслов у человека; душевные кризисы человека и их смыслы; медитативный смысл текста; «Территория здравого смысла»; ментальный источник смыслов; смыслы разной глубины, наполняемости; эмоциональные смыслы (а не смысл vs. эмоция; «эмоции выполняют интегрирующую функцию смыслов»); магический смысл слова / символа / текста; эмоциональный смысл слова / текста / высказывания; авторские личностные смыслы = 10;

3 г) разнотипные свободные / устойчивые словосочетания: смысл закона; смыслообразующая функция; смысловое уточнение; смысловой конвой высказываний; смысловая свобода мнений; смысловая открытость текста; смысловое многоголосие; смысловой хаос; эмоционально-смысловая доминанта; смысловое переживание; эмоциональная смысловая структура текста; смысловое разнообразие / варьирование; смысловые: оттенки; ореол; дымка; коннотация; смысловой вкус / привкус; смысловая объёмность; смысловое кольцо; смысловой повтор; смысловой синоним; смысловой перевод; смысловые переживания = 26.

4. Деривация: смыслообразование / смыслопреобразование / смыслофор-

мирование / смыслопорождение; значимость / роль эмоционального компонента в процессе смыслопорождения; бессмыслица; обесмысливание = 8.

Данный перечень терминопонятий с ключевым словом *смысл* и его соответствующими дериватами и словосочетаниями, конечно же, является далеко не исчерпывающим. Его список открыт. Получен он методом сплошной выборки восприятия этого перечня при изучении теоретической литературы, просмотра и прослушивания многочисленных теле- и радиопрограмм, интернет-сайтов в течение 2019 г. Его изучение показывает, что наиболее разнообразным является перечень определений (37), важное место занимают малые синтаксические группы (58), эпитеты (22), дериваты (33), включая словную, семантическую, синтаксическую и т. п. деривацию. Замечу, однако, что, во-первых, я не настаиваю на объективности принципа классификации, а во-вторых, мною не учитывалась частотность встречаемости каждой из моделей. Субъективно отмечу, наиболее частотными были всевозможные эпитеты к слову *смысл*, что вполне логично для речевой коммуникации в качестве определённого конволя высказываний. В-третьих, общее количество варьирования ключевого слова как коммуникативной единицы составляет 125, что, несомненно, указывает на значительное место данной коммуникативной единицы во всех видах человеческого общения как мета-, так и в качестве актуального слова. Это число многократно увеличивается при попытке подсчитать частотность каждой из упомянутых моделей. Необходимо также упомянуть, что в процессе смысловой коммуникации говорящие подозревают и другие разновидности смыслов, которые язык не номинирует, но имплицитно, и говорящие это разнообразие подразумеваемых смыслов понимают. Конечно, необходимы специальные эксперименты, но, к сожалению, соответствующие методики наукой пока не разработаны. А все проводимые до на-

стоящего времени психолингвистические эксперименты не являются достаточно убедительными и совершенно достоверными. И не могут быть перепроверены другими методиками.

Всё более насущной становится возвращение к проблеме, которую выдвинул в конце прошлого века В. Г. Так, о необходимости разработки новых принципов лексикографии. В частности, он говорил о создании ситуативных словарей, один из которых он сумел совместно с французским коллегой ещё при своей жизни разработать и опубликовать¹. Принципом составления данного словаря была идея указать наиболее частотные в современную коммуникативную эпоху значения и смыслы слов и выражений. В словаре насчитывается 37 000 единиц, что позволило осуществить подробное описание особо трудных и наиболее употребительных слов. Цель данного словаря, по мнению составителя, эксплицитно показать соотношения между языком и речью; в отличие от словаря пассивного типа, где правая сторона известна читателю лучше, чем левая, в словаре активного типа необходимо показать пути перехода от системного значения слова к типизированным контекстуальным значениям и их переводам. Т. е. словарь активного типа предполагает выборку слов из наиболее типичных коммуникативных ситуаций.

Упомянутый здесь труд явился первым в отечественной лексикографии словарём нового типа. Но, во-первых, данный словарь не является словарём русского языка и французского отдельно. И уже это ограничивало возможности расширения анализа наиболее типичных ситуаций для каждого языка в отдельности с учётом этнического менталитета и этнической лингвоэкологии. Во-вторых, конечно же, в них не была проведена дифференциация между признаком значения и его потенциальными конкрети-

¹ Так В. Г., Соколова Г. Г., Триумф Ж. Французско-русский словарь активного типа. М.: Дрофа, 2008. 1056 с.

зоторами. А ведь именно в потенциальной сфере семантики зарождаются все новые и новые смыслы, провоцируемые различными коммуникативными ситуациями. Именно поэтому А. Ф. Лосев писал о бесконечных смысловых валентностях (в том числе и слова) [4].

К одному из первых ситуативных словарей может быть отнесён лингвокультурологический словарь английского языка¹, т. к. этнокультура – это тоже коммуникативная среда, а значит, формируемая определёнными типизированными / типичными коммуникативными ситуациями, в которых зарегистрированы, предписаны заданные этнические смыслы для воспроизводства в определённом межкультурном общении.

Самой первой попыткой создания такого словаря может быть Оксфордский словарь английского языка под редакцией Д. Мюррея. В словарь включены все слова, бытовавшие и бытующие в английском языке, начиная с 1150 г. В нём даётся указание этимологии, орфографии, орфоэпии и семантики, в том числе на основе примеров из литературных источников в динамике, т. е. фактически он является ситуативным, так как значения, зарегистрированные в нём, взяты из активного употребления и с иллюстрациями изменений в различные эпохи бытования английского языка. Словарь является серийным, содержит более 2 миллионов цитат и имеет электронную версию². Ещё одной лексикографической новинкой, замечу – уникальной и наиболее репрезентативной для дифференциации возрастных речевых компетенций, является словарь Д. Харпера, изданный в Америке³, в котором через пул, со-

стоящий из различных представителей наиболее распространённых специальностей, куда, конечно же, включены филологи и писатели, представляющие гендерное, возрастное и культурное разнообразие, определены различные значения / смыслы / коннотации одного и того же слова, используемые разными людьми в пределах как минимум четырёх поколений, существующих в один период времени (таково, например, слово *bug* в его различных значениях и смыслах для разных поколений одной временной эпохи и разных профессий). По сути дела, именно этим разнопериодным, разновозрастным, гендерным, культурным различием объясняется недопонимание / непонимание (в том числе и эмоциональное), затруднённое общение людей разных поколений одной временной эпохи. Давно общеизвестны так называемая проблема «отцов и детей», а также важнейший вывод лингвопрагматики о несовпадении прагматики говорящего и прагматики слушающего.

Но такие словари, по моему глубокому убеждению, должны разрабатываться не учёными-одиночками, а специальной научной лабораторией при РАН. К этому, кстати, обращена в настоящее время корпусная лингвистика, которая, к сожалению, ещё не опубликовала ни одного нового ситуативного словаря. Нам представляется, что корпусная лингвистика должна объединить лексикографов, семасиологов, текстолингвистов, коммуникологов, дериватологов, журналистов и самых известных писателей, типа Б. Акунина, В. Пелевина, Т. Толстой, Л. Улицкой, С. Кинга, Д. Брауна и др. Известно, что при переводе художественной литературы переводчики довольно часто при замене смысловых и эмотивных лакунов пользуются собственными креатемами, начинёнными необычными новыми смыслами.

Разумеется, составить чисто ситуативный словарь, который включал бы все возможные коммуникативные ситу-

¹ Longman Dictionary of English Language and Culture. London: Addison Wesley Longman, 1998. 1568 p.

² OED: Oxford English Dictionary [Электронный ресурс] / ed. J. Murrey, et al. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 15.11.2019).

³ Harper Dictionary of Contemporary Usage / ed. W. Morris, M. Morris. Repr. ed. New York: HarperCollins, 1988. 641 p.

ации и, соответственно, все возможные употребления слов в разных значениях, смыслах, коннотациях, человеческому разуму практически невозможно. Полагаю, что это задача для компьютерной лингвистики и искусственного интеллекта будущего. Только такой словарь может (?) зафиксировать все возможные оттенки и смыслы речепроизводства. Пока не ясно, сможет ли такой словарь быть ориентирующим или чисто регистрирующим. Повторю ещё раз, что эта лексикографическая проблема уже стоит во весь рост перед современной корпусной и прикладной лингвистикой.

Особую роль в недопонимании людей друг с другом играет так называемое обесмысливание общеизвестных значений, слов, фраз, текстов песен и публицистических текстов (*Мои мысли – мои скакуны...*; *А вокруг тишина, взятая за основу...* и др.). Особенно во всякого рода политических заявлениях одних лидеров и через некоторое время дезавуировании их высказываний пресс-секретарями (*Меня не так поняли, Мои слова вырвали из контекста* и т. п.).

Для адекватного взаимопонимания очень важен общий культурный код, фон, фонд знаний. Общие книги без всяких усилий создают общие понятия, критерии. Нет общих книг – нет взаимопонимания. Общий культурный фонд, код являются скрепой коммуникативного общества.

Одной из таких скреп очень долгое время был «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Теперь эта скрепа стёрлась, как, впрочем, и очень многие другие классические произведения. В том числе и тургеневский роман «Отцы и дети». Межпоколенный конфликт стал сверхострым из-за значительных расхождений в их языке и психологии и особенно в разносмыслах общих слов: *разномыслие, иномыслие, мыслепреступление, здраво- / дурномыслие* и др. Это же касается и внутрипоколенной коммуникации, для которой стало характерно так называемое

клиповое сознание, соответственно, клиповое мышление и клиповое общение¹.

Современное общение молодых даже друг с другом не имеет общих прочных скреп в виде общих знаний и разобщает их интересы, желания, мотивы и смыслы ими же употребляемых общих слов. К сожалению, происходит разобщение людей, появляется всё больше смысловых лакун, особенно эмотивных [14], при чтении классической литературы, а также и постмодернистской, в духе В. О. Пелевина и др. И прежде всего в сфере межэтнической коммуникации за счёт несоответствующих этнических смыслов. Отсюда закономерным представляется вопрос – есть ли у мозга этнический признак? Мне представляется ответ положительным, поскольку этнический смысл является признаком этнического мозга (ср., напр., коннотации у одних и тех же словопонятий в разных языках: *змея, черепаха, корова, слон* и т. п.).

Такое же разносмыслие / разномыслие наблюдается и между разными временными пространствами, т. е. в диахронии. Напомню, двух-, трёхлетней давности тексты / новости со временем приобретают иное смысловое восприятие, особенно в аспекте их эмоционального резонирования. Аналогично малопонятен теперь смысл художественного произведения «Москва-Петушки» В. Ерофеева: близким и понятным остаётся только мат, который стал доминантой молодёжного сленга. И даже уже не сленга, а разговорной, письменной и художественной нормой для многих коммуникантов. Даже – скрепой этой новой реальности.

Именно этим разносмыслием / разномыслием / инакомыслием и семантико-смысловыми изменениями значений

¹ Шаховский В. И. Ускоренная коммуникация как потребность современного социума // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов. Вып. 20. Материалы XV Березинских чтений, Москва, 25 мая 2018 г. / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой, Н. Н. Германовой. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 285–293.

прежних слов объясняются многочисленными переводами, например, У. Шекспира, на русский язык. Каждое новое издание его произведений увеличивается в объёме из-за комментариев. И не только за счёт изменения внутреннего содержания той же орфоэпической и орфографической нормы, но и за счёт мены культурных реалий в каждой новой эпохе.

Приведу цитату из Евангелия: «Они видя не видят и слыша не слышат, и не понимают; и сбывается над ними пророчество, которое говорит: “Слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите”» (Евангелие от Матфея 13, 13–14).

Воистину Евангелие право. Именно это и есть предвидение того, что происходит в настоящее время со смысловым восприятием и взаимопониманием людьми друг друга. Это одна из новых разновидных реальностей коммуникативного пространства. Отсюда и новая коммуникативная норма, можно сказать, глобальная, в которой доминирует агрессия, особенно в интернет-коммуникации, и которая объясняется именно несопадением смысловых пазлов, соотносимых с одной и той же ситуацией общения разными коммуникантами по-разному. А агрессия токсична, поэтому и появилось новое понятие – *токсичный человек*.

Не менее знаменательной для современной смысловой картины мира является истина: видеть и понимать – разница; читать (складывать буквы в слова) и понимать – разница. Именно в этом и заключаются нестыковка смысловых пазлов современных коммуникативных норм и многоликость их экологических коннотаций. Особенно если войти в сумбурное пространство разномыслий и разночтений, интерпретации и реинтерпретации и даже просто информации о каком-то факте / событии. Сравните многочисленные фейк-ньюсы в бесчисленных современных СМИ, которые запутывают адресата и уводят его из реальной в виртуальную картину мира. Вот поче-

му истину и правду о конкретном факте (реальном или выдуманном), события осмыслить адекватно невозможно, что вызывает нездоровое (неэкологичное) антитерапевтическое воздействие на психику и разум человека и провоцирует, как минимум, недовольство получателя информации и создаёт конфликтные, порой неразрешимые ситуации во всех видах общения людей и стран друг с другом. Всё больше увеличивается количество патовых ситуаций, что разрушает здоровье не только отдельных людей, но и целых социумов, и это может оправдать мнение Н. Хомского о том, что до взрыва остаётся 3 минуты¹.

Особенно это характерно для некоторых современных видов искусства, например, для рэпа. А. В. Минкин прав, когда говорит, что скорость покорила не только пространство и время, но и мозги. Рэп стремителен настолько, что нормальный человек («уходящий из природы») не успеваешь даже разобрать слова, где уж успеть понять образность, юмор, словесную игру и смыслы их песен – всё это у классных рэперов есть, да не про нашу честь (Хаски, Слава КПСС, Децл и др.). Не всегда общепонятны и смыслы произведений С. Шнурова, который синтезировал несколько музыкальных направлений: рэп, рок, поп (группа «Ленинград»).

В современном коммуникативном обществе многие люди не успевают осмыслить не только слова речевого партнёра, но и свои собственные. За счёт так называемого тренда ускоренной коммуникации, а также за счёт разрушения единства формы и содержания: форма явно сейчас отстаёт от содержания², – а

¹ Хомский Н. Мир мчится к пропасти // YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w3yn4vzPeDk> (дата обращения: 16.02.2020).

² См.: Шаховский В. И. Ускоренная коммуникация как потребность современного социума // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов. Вып. 20. Материалы XV Березинских чтений, Москва, 25 мая 2018 г. / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой, Н. Н. Германовой. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 285–293.

также за счёт доминирующего клипового сознания. Только эти два тренда, которые я назвал бы иронично *трендяшки*, зачастую обесмысливают хорошую речь, вынуждают из-за скорости изобретать на ходу креатемы, формирующие «кривую» коммуникацию (см. примеры ниже, а также: *электоральный бандитизм, разновидности новой реальности, энергия протеста, блендомент, фабрика вирусов (дет. сад)* и др.).

В интернет-обществе укрепляется мнение о том, что мы должны двигаться медленно. В этом есть огромный смысл, потому что за скоростью люди не успевают осмыслить ни правдивые, ни фейковые новости по достоинству. Отсюда и такая инновация в теории эмоций, как «смешанные эмоции», когда никому не дано назвать конкретно ни свои переживания, ни переживания коммуникативного партнёра: степень их аппроксимации размыта и потому непонятна, т. е. не осмысленна. Не зря в недавние времена бытовала устойчивая фраза – «Остановиться, оглянуться, обдумать происшедшее». И другая расхожая фраза: «Один шаг вперёд, два шага назад». Сейчас люди не шагают, а летят, и все разговоры и обсуждения происходят на лету. Отсюда и бесконечные ошибки – как в личном, так и в межгосударственном общении, порой с тяжёлыми последствиями.

Естественно, чем мы медленнее в наших движениях и реакциях, тем у нас больше времени для осмысления происходящего, для размышления и для поиска правильных мыслей. Так, вроде бы, логичнее. Но у разных коммуникантов эта истина работает по-разному: некоторые способны принимать правильные решения мгновенно, другим нужны колебания и раздумья. Им эмоциональные взрывы и эмоциональные решения не подходят, т. к. они погружены в бесчисленные смыслы. И надо уметь найти решения, адекватные ситуации и конкретному событию, т. е. некую семантико-лексическую тонкость (семный конкретизатор).

Так, например, лексемы *прославить* и *ославить* – это два слова, но они – не синонимы. Точно так же, как в лексеме *наследить* есть два смысла, «хороший» и «плохой».

Приведу пример: так, в Уголовном кодексе один и тот же закон толкуется иногда в разных судах по-разному, и на основании своего разномыслия судьи выносят различные наказания за, казалось бы, одни и те же преступления. Почему и подаются апелляции, и нередко суды более высокой инстанции меняют предыдущие решения, а суды следующей инстанции могут и второе решение изменить или вернуться к решению суда первой инстанции. По общепринятому мнению это происходит потому, что текст закона о наказании прочитывается разными судами неаутентично. В теории переводоведения различаются такие категории, как адекватность, эквивалентность и аутентичность. Считается, что самым аутентичным текстом является «Устав ООН», который переведён на все языки мира. И всё равно разные государственные деятели в силу их разномыслия и разнорационально-культурной специфики «Устав» пытаются прочитать эквивалентно, адекватно, но не аутентично, отсюда и соответствующие последствия. Вот что значит лингвистическая / коммуникативная точность, а значит, и роль лингвистики в современном международном сообществе.

В современных публикациях и радиопередачах всё чаще и чаще встречаются различные словосочетания со знаковым словом смысл: *глубинный смысл; в разных смыслах; есть / нет смысла; скрытый смысл; в каких / каком смыслах / смысле; в этом / таком смысле; в двух, трёх / во всех смыслах; тонкий / грубый смысл* и др.

Со всем вышесказанным согласуется терминопонятие прошлого века – *коллективное бессознательное*, которое, с одной стороны, содержится в смысловом коде этнического менталитета (исторически), а с другой – может прививаться специ-

альными усилиями пропаганды соответствующей идеологии. Примером может служить формирование такого коллективного бессознательного в фашистской Германии перед началом Второй мировой войны, в начале и в ходе которой немецкие солдаты и офицеры якобы не осознавали всей трагичности их *коллективного бессознательного*. Это является доказательством справедливости утверждения, что мысли могут менять смыслы дел, поступков и текстов / речений.

Другим примером того, как мысли влияют на поступки человека и все его действия, является варьирование игры М. Ульянова в кинофильмах и спектаклях о Г. К. Жукове: он 22 раза играл роль маршала Жукова, и почти во всех сценариях его собственные мысли нередко меняли смыслы самой режиссуры каждого фильма и спектакля и каждого их исполнения. Правда, здесь наблюдается не коллективное, а *индивидуальное бессознательное* (а, может быть, и сознательное). Но даже это индивидуальное бессознательное оказывало влияние на коллективное бессознательное зрителей М. Ульянова. Из-за этого каждое новое исполнение являлось реинтерпретацией замысла режиссёра.

Мысли могут запускать смыслы. Идеи, как известно, овладевают массами, а зачастую, идеи зарождаются изначально у индивидуума (пример – идеи В. И. Ленина). Часто, эти идеи (смыслы) являются ошибочными и даже трагичными, что осознаётся со временем.

Среди многочисленных журналистских и чиновничьих креативов немало почти бессмысленных, как, например, неясен, смутен, затемнён смысл таких креативов, как *высокая экспертиза, реновация, оптимизация, реконструкция, дорожная карта, глубинный народ, суверенная демократия* и т. п. Как видно из примеров, к креативам относятся не только словоформы, но и размытые словосмыслы, что не может не затруднять понимания высказывания/текста и провоцировать неэкологичные эмоциональные рефлексии.

Индивидуальные смыслы могут рождаться в результате игры с языком, например, во вредных советах Г. Остера: *Если ты в своем кармане / Ни копейки не нашел, / Загляни в карман к соседу, – Очевидно, деньги там*. Ещё одним примером могут служить вирши поэтов-футуристов.

Приведённые выше примеры свидетельствуют об игровой функции языка, которая лингвистам известна давно, но которая очень сильно активизировалась в новую ускоренную коммуникативную эпоху и стала чуть ли не доминантной, например, в интернет-коммуникации и в развлекательных шоу-программах. Но наряду с игровой функцией в эпоху ускоренной коммуникации ускорились и некоторые другие функции языка.

Влияние функций языка на смыслообразование в современной коммуникации

Э. Сепир первым описал наиболее значимые для общения функции языка, выделил коммуникативную функцию, но главную – символическую, которая символизирует опыт, обозначает предметы и передаёт их значение, он не назвал [10]. Как известно из трудов Н. Д. Арутюновой и философа А. Ф. Лосева, символы содержат и транслируют как внутр поколенно, так и межпоколенно смыслы. Отсюда и терминопонятие А. Ф. Лосева *эмоциональные валентности*, которые возможны благодаря эмоциональным смыслам слова как конкретизаторам его значения [5; 16].

Покажу многообразие подходов разных лингвистов как одной эпохи (поколения), так и различных, к языку как к лингвистическому объекту в горизонтальной и вертикальной трансляции. Так, Э. Сепира интересовало, как изменяется язык, а Ф. де Соссюра – как устроен язык. Э. Сепира и Р. Якобсона интересовали функции языка (6 функций) [10; 17]. Каждый из них и все последующие лингвисты выделяли разное количество функций

языка. В конце XX в. была выделена эмоциональная функция [13]. С. Т. Золян считает фатическую функцию воздействующей, при этом он выделил ещё и информационную функцию [1]. А вот смысловую функцию языка что-то я пока не встретил в трудах лингвистов, а она, по-моему, присутствует во всех других функциях, как и прагматическая функция, которую выделяют многие текстолингвисты.

Недавно были выделены ещё когнитивная, коммуникативная, регулятивная, конативная, адаптивная функции. Выделяются также ещё и коннотативная и политическая функции языка, которые очень близки к смысловой. Замечу, что некоторые номинации функций различаются лишь формой, но не содержанием. Например, магическая функция может превращаться в политическую и в прагматическую. По мнению В. З. Демьянкова, сходство и различие магической и политической функций проявляется в изменении мира через взаимодействие триады (убеждение – воздействие – действие) [1].

По мнению С. Т. Золяна, именно от различных смысловых комбинаций во время общения людей зависят типы речевых актов, наборы стилистических средств и приёмов, разнообразные тактики и стратегии, особенно в пропаганде.

С. Т. Золян также считает, что есть три рода речей: добро / зло, справедливое / несправедливое, прекрасное / постыдное [1]. И каждое из этих понятий формируется из сложного переплетения голографических смыслов, которые, в том числе, формируют и понятие экологии человеческого общения. Другими словами, смыслы тоже формируют коммуникативную среду и умножают многообразие экологии.

Смыслы участвуют во всех функциях языка. Разные лингвисты выделяют разное их количество и разные их типы. Можно, однако, с уверенностью сказать, что и в воздействующей функции, и в фатической задействованы разные кла-

стеры смыслов. И, возможно, С. Т. Золян прав, что воздействующая функция языка равна фатической.

Смысловое расхождение наблюдается и в толкованиях одних и тех же терминов разными лингвистами. Так, по мнению В. З. Демьянкова, магия языка у Р. Якобсона ритуальная, у Дж. Серля – социальная. Он объясняет этот факт тем, что успех сообщений зависит от институционального статуса говорящего и его авторитета, имиджа. На политическую функцию языка влияет статусная функция, они взаимосвязаны. Они взаимодействуют и влияют на функциональность, они её воссоздают / воздают [1].

Поскольку человек познаёт мир не только через его концептуализацию (т. е. через осмысление, извлечение смыслов), но и через общение с людьми, в том числе и чувственное, то он не только обменивается с ними известными смыслами для всех коммуникантов или только конкретных, но и извлекает из конкретного человека его индивидуальные смыслы с последующим их воспроизведением. Таким образом, происходит взаимное обогащение смысловыми наборами и комбинациями, а также их взаимными реинтерпретациями. Это тоже является одним из источников бесконечной смысловой валентности, особенно в сфере художественной коммуникации, и прежде всего, – в поэзии. Такое явление наблюдается в так называемом *semantic stretching*, а также *semantic reversing*.

По мнению некоторых лингвистов, в языке нет ничего другого, кроме значения [2]. Из того контекста, в котором я встретил эту мысль, непонятно, куда же они включают разные смыслы значения: если исходить из семасиологического понимания значения как признака, а смысла (смыслов) как его/их конкретизатора(-ов). Эта проблема в своё время была поднята семной семасиологией, но, к сожалению, в силу быстро меняющихся научных лингвистических парадигм современная лингвистика очень далеко

от неё ушла. Мне кажется, что именно семная семасиология могла бы развить и углубить теорию смысловых пазлов в современной коммуникации, и прежде всего интернет-коммуникации, где наблюдается больше всего пазловой расстыковки как причины конфликтогенности из-за недопонимания, в том числе, эмоционального.

Подтверждается и давно высказанное И. А. Мельчуком (ещё в 80-х гг. прошлого века) мнение, что естественный язык – это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы [6]. Вот почему лингвистика давно пришла к выводу, что все тексты интертекстуальны, что абсолютно новых текстов быть не может. Все «новые» тексты только кажутся новыми. Феномен кажимости ещё не достаточно осмыслен [9], но уже многим понятно, что весь мир вокруг нас – сплошная кажимость. Многие люди не понимают смысла в современном мире, поэтому я вижу одной из главнейших задач лингвистов через язык объяснять смыслы происходящего в современном мире и пересматривать смыслы прошлых миров.

Философы всегда существовали, чтобы объяснить мир, а задача состоит в том, чтобы его изменить. Это – старое знание. Изменения в мире происходят помимо воли человека, и человек часто не может объяснить их смысл. И поэтому, на мой взгляд, мир живёт неправильно: жить в мире, не стремясь понять его смысл, – всё равно, что расхаживать по огромной библиотеке и не трогать книги. Но, я считаю, что сравнение Д. Брауном мира с библиотекой устарело, т. к. современный человек зачастую не видит живого смысла в книгах, поскольку вокруг него уже не кажущийся, а реальный цифровой мир. В этом новом реальном мире идёт ожесточённая борьба множества мнений и мыслей, и запутанных смыслов, распутыванию которых мешает институциональность.

Дело в том, что смыслы, продуцируемые авторитетами, всегда институциональны. Так же как раньше было печатное слово и слово институционального ТВ: ему обязательно / слепо верили. Теперь же авторитетных смыслов всё меньше и меньше в силу их противоречивости, а порой и «фейковости». В значительной степени это мотивируется бесчисленным множеством информационных источников, разночтением в них одних и тех же событий, фактов, статистики. И особенно за счёт интернет-источников, где информация наиболее несогласованная: управлять мыслями и смыслами становится всё более трудно. Отсюда и *мысль / смысло-преступления*.

До этого любая полемика или дискуссия представляли собой обмен смыслами. У каждого из них есть форма, и есть содержание. Уже известно:

- 1) форма значима;
- 2) бедность формы может характеризоваться богатством содержания;
- 3) форма более статична по сравнению с содержанием;
- 4) содержание может противоречить форме;

5) содержание формируется комбинаторикой смыслов, а результатом этой зависимости является разнообразие действий под влиянием одной и той же формы.

Именно поэтому считаю справедливым мнение о том, что «стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию»¹. Известно, что древние в своих дискуссиях и спорах начинали с выяснения друг у друга их позиций, предпосылок и смыслов: «Правильно ли я Вас понял, что...». После чего говорящий повторял мысль своего оппонента: без уточнения правильности понимания смысла высказанного оппонентом мнения дискуссия не проводилась.

¹ Померанц Г. Догматы полемики и этнический мир // E-LIBRA: электронная библиотека. URL: <https://e-libra.net/read/123085-dogmaty-polemiki-i-etnicheskiy-mir.html> (дата обращения: 24.02.2020).

Правда, сейчас во всех скандальных ТВ-ток-шоу, как правило, никто не уточняет смысла позиции оппонента. В общедоступном общении такая форма тоже очень часто используется.

Многие текстолингвисты уже осознали, что смыслы предыдущих текстов помогают лучше понять смыслы новых текстов. Аналогично, предыдущие новости помогают лучше осмыслить последующие. Всё это указывает на существование единого смыслового пространства параллельно с другими реальными и виртуальными пространствами. Все жизненные и коммуникативные ситуации, события, факты находятся за пределами языка. И, по известному объяснению, этим занимается внешняя лингвистика. Следовательно, мысли тоже находятся за пределами языка, но оформляются языком, извлекаясь из окружающего язык мира. Как и всё, что находится за пределами языка, оязыковляется, т. е. опредмечивается, а для осмысления и трансляции мысли опредмечивается для других. Но, как мы знаем из теории Сепира-Уорфа, языковые мысли могут формировать мир, иной от реального мира. Отсюда, ещё раз, мысли и смыслы, формируемые мыслями, играют огромную роль во всей жизнедеятельности человека. Поэтому обе лингвистики, и внешняя, и внутренняя, должны объединиться в совместном исследовании проблемы смысла общения.

Уверен, что в исследовании смыслообразования / смыслопорождения / смыслопреобразования должна занять достойное место и функциональная лингвистика, ибо смысл является важнейшей функцией и языка, и речи во всех видах и типах общения. Функциональная лингвистика в конце прошлого века доброжелательно приняла в своё лоно эмотиологию (лингвистику эмоций, эмотивную лингвистику), а в начале XXI в. её ответвление – эмотивную лингвоэкологию¹.

¹ См.: Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: монография / Н. Н. Панченко и др. Волгоград: Перемена, 2013. 450 с.

Круг объектов и предметов внимания эмотивной лингвоэкологии очень широк. По сути, все ранее рассматриваемые лингвистикой проблемы постепенно получают новое осмысление, но уже с позиций эмотивной лингвоэкологии.

Так, например, известно, что язык используется для формирования мира и постоянно изменяющейся его языковой картины, в том числе и эмоциональной: мир приспосабливается к словам, а слова отражают / называют и формируют новую реальность и её разновидности – отсюда адаптирующая функция слова и языка². Особую роль в процессе формирования новой языковой картины мира играют креатемы. И все они являются эмоциональными рефлексивами, и чаще всего неэкологичными. Они появляются во многих СМИ почти ежедневно, и уже давно созревает ещё одна лексикографическая проблема – создание словаря креатем по образцу словаря «Медиалингвистика в терминах и понятиях»³. Все креатемы имеют авторов и порождены определённой коммуникативной ситуацией, прежде всего, КЭС, т. е. под влиянием сиюминутных эмоций. Приведу некоторые примеры:

1) *разбухшие / разбухающие реновации* – вместо хрущёвок многоэтажки до 102 м высотой с расширенными квадратными метрами и с доплатой, на которую не рассчитывали переезжающие, что и вызывает у некоторых из них недовольство;

2) *взбунтовавшийся сквер, Ёбург, перетягивание рабицы*. Эти креатемы порождены известными событиями в Екатеринбурге, когда в центре города в сквере без согласования с жителями начали возводить новый храм. Эти креатемы рефлексировать негативные переживания общественности;

² См.: Шаховский В. И. Современные СМИ: ответственность журналиста // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 1 (16). С. 1–12.

³ Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. 440 с.

3) *выселяторы* (судебные приставы, которые выселяют должников из их квартир);

4) *винтилово* (от «винтить» – метафора, означающая разгон митингов, протестных акций с арестом участников и помещением их в автозаки);

5) *агрессивный феминизм*;

6) *электоральная цензура* (необходимость собрать энное количество голосов от имеющихся депутатов – допуск к регистрации);

7) *стресс-секретарь* (пресс-секретарь, провоцирующий стрессы у адресата);

8) *тремор протеста* (фактор объединения, единения протестующих) и др.

Под влиянием эмоций постоянно изменяются не только сам мир, но и его языковая картина. А ещё ранее – концептуальная, т. к. даже всё известное предыдущим поколениям оказывается постепенно трансформирующимся в неизвестное, внутри языковой картины мира происходят перемещения устоявшихся смысловых номинаций из центра в периферию, а оттуда в маргинальную сферу картины мира. Эмоции при этом выполняют не только роль катализатора, деформатора, но и трансформатора.

Активно включились в работу законы сохранения энергии при её одновременной интенсификации. Откуда и всё возрастающая роль экологии этих динамических процессов, которая амбивалентна и даже энантиосемична: любовь – ненависть (*Любовь и ненависть высекаются друг об друга*), добро – зло и т. п. Не зря говорят, что граница между добром и злом проходит внутри сердца каждого человека.

Все креатемы являются результатом языковой игры, игры с языком. Особое внимание к ещё малоисследованным формам игры необходимо было бы уделить постмодернистским играм. Постмодернистские игры замутняют смыслы. Это же можно сказать и о политических играх в их коммуникативном воплощении. Вроде бы звуки и буквы русские и

слова знакомые, а смысл часто не понятен и многожды варьируется в интерпретациях. Очень удобно для пропаганды, контрпропаганды, обещаний для их невыполнения и для непонимания их смыслов.

Лингвистика до сих пор не разобралась до конца, чем отличается смысл от значения. Но уже известно, что это не просто две разные словоформы. Они, несомненно, соотносятся друг с другом, составляя семантическое единство. Но у одного и того же значения могут быть различные, даже противоположные смыслы (например, в случаях амбивалентности и энантиосемии). Кроме этого, одно и то же слово в разных ситуациях может реализовывать разные смыслы, и даже в одной и той же ситуации, но у разных говорящих. Но и, конечно же, с течением времени у слова может не только меняться значение вплоть до противоположного, но и изменяться количественно и качественно набор смыслов. Имеются и другие наблюдения над тем, как смыслы затрудняют или улучшают взаимопонимание между людьми и между государствами. В этом отношении смыслы, как и слова, являются масками, скрывающими, имитирующими, симулирующими, заменяющими конкретную действительность. У эмоциональных масок много функций, в том числе и симулякурная: у масок тоже могут быть разные формы – и физические, и смысловые, и вербальные, и акциональные. Примером такой эмоциональной маски является слово *оппозиция* (*системная / несистемная*).

Сравним также такие номинации одного и того же всемирно известного факта:

ВОВ – Великая Отечественная Война, ВОВ Советского Союза, Вторая мировая война. Референт этих номинаций один и тот же, значение общее, словоформы разные, и, следовательно, смыслы разные. ВОВ, по мнению А. Невзорова, бессмысленное словосочетание, смысловая развилка, потому что, по его мнению, это была отечественная война для Советского Союза только. Для Германии и со-

ветской антикоалиции она не была отечественной. Пожалуй, в этом можно согласиться с А. Невзоровым.

Другой пример, вызывающий разномыслие, – *День Победы*: для ветеранов войны и тех, кто работал для фронта в тылу – это праздник со слезами на глазах, как и для членов их семей, а для молодого поколения – это просто факт из учебника по истории, зачастую не вызывающий никаких эмоций и переживаний, значит, и это словосочетание имеет лексическое значение с обеднённой смысловой наполняемостью. Для совсем юных жителей – это просто игра. Отсюда и переодевание дошкольников и младших школьников в военную форму, военно-патриотические лагеря с игровой тематикой и т. п. Таким образом, у одного и того же содержания может быть несколько форм, а у одной и той же формы могут быть разные значения / коннотация / смыслы. Поэтому можно предположить, что тезис о единстве формы и содержания ошибочен. Точно так же, как и тезис о существовании абсолютных синонимов, т. к. даже они различаются хотя бы стилистическим признаком.

Примером может быть также эволюция смысловой интерпретации сути ЛГБТ и отношения к этому явлению (от уголовной ответственности до свободы однополых браков и усыновления детей, т. е. создания в некоторых странах однополых семьи).

В современный период ускоренной коммуникации, особенно за счёт блендинга, многие слова и фразы в СМИ изменяют свои смыслы либо градуировано, либо по схеме бинарной оппозиции: ср. – системные либералы (либо нейтрально, либо слабо коннотатирующее неодобрение, в зависимости от говорящего и слушающего) – *сислибы* (блендированная форма приобретает явно негативный смысл, как за счёт фоносемантики, так и за счёт синонимичного пейоратива *либерасты*, обозначающего ту же самую партийную принадлежность).

Трансформация / реверсия смысла в противоположный может происходить и за счёт стилистической игры определённой КЭС. Примером может служить диалог двух влюбленных: – *Милый, давай проведем с тобой отличные выходные. // – Давай, любимая, с радостью. // – Ну, тогда до понедельника.*

Другим примером могут быть знания об истории КПСС, о Великой Отечественной Войне Советского Союза, об Отечественной войне 1812 г., о Беслане, о Чернобыльской трагедии, да и вообще, почти обо всех исторических фактах, которые меняются с изменением эпохи и в связи со сменой идеологии государства.

Эта проблема всё более усложняется, и, по сути, ни наука, ни образование, ни государство не работают над её разрешением. А ведь и молодое поколение, и его родителей надо обучать жизненным смыслам, эмоциональному интеллекту и особенно самомотивации и саморегуляции. Как это делал журналист С. Доренко.

С. Доренко в одном из своих выступлений высказал очень разумную, на мой взгляд, мысль о смысле человеческой экспансии, разделив её на внешнюю и внутреннюю. По его мнению, смыслом жизни, о котором я говорил выше, являются самореализация и экспансия, но экспансия не обязательно внешняя, а и внутренняя тоже. Внутренняя экспансия – самопознание, проникновение внутрь себя, в собственный микрокосм (Эфир «Эхо Москвы», 10.05.2019; 09:15). Своей жизнью С. Доренко продемонстрировал его собственную самореализацию, как он и планировал, а его речевое поведение (тексты на ТВ и на радио) явно подтвердило его собственную внутреннюю экспансию. Несмотря ни на что, для многих С. Доренко остаётся самой яркой журналистской личностью со всеми её диалектичными позитивами и негативами, а также противоречиями.

Ещё одним очень ярким аргументом в пользу моего утверждения выше о том, что смыслы играют огромную роль во

всех сферах человеческой деятельности, является новое исследование И. Чубайса. Он историк, и он доказывает динамику смыслов в диахронии в развитии социума [12].

Полагаю, что всем, кто прочтёт новую книгу А. Мовчана¹, она поможет адекватно осмыслить всё или, по крайней мере, большинство того, что происходит в современном мире. Чем больше людей смогут прочитать это исследование, тем больше позитивного единства появится в умах homo confusus и, может быть, тем больше их возвратиться в тип homo sapiens.

А. Кибрик, несомненно, прав, что в лингвистике нет ничего другого, кроме проблемы значений [2]. И я бы добавил – проблемы смысла, ибо значение многослойно: оно – семантический признак слова. У каждого признака обязательно наличествует неопределённое число смысловых конкретизаторов, которые задаются различными коммуникативными ситуациями, и прежде всего КЭС и конкретным коммуникантом, а также его эмоциональным состоянием в момент говорения или его эмоциональной доминантой / индексом [8]. Именно в этом плане корпусная лингвистика и пытается составлять ситуативные словари (см. выше). Ситуации рожают всё новые и новые смыслы, которые трудно зарегистрировать и потому – предписывать в речевой коммуникации.

Хочется верить, что всё заключается в правильном осмыслении человеком своего бытия, в правильных / позитивных смыслах его желаний, дел, поступков. Помоему, другого пути у человечества нет, и, как, надеюсь, видно из вышеизложенного, роль и лингвистики, и самого языка в этом процессе неоспоримо огромна.

Заключение

Как показано в данной работе, в исследовании смыслообразования / смыслопорождения / смыслопреобразования должна занять достойное место функциональная лингвистика, ибо смысл является важнейшей функцией и языка, и речи во всех видах и типах общения, в том числе и в интернете, и в СМИ-дискурсах. Установлено также, что смысл и значение – это не просто две разные словоформы: они, несомненно, соотносясь друг с другом, составляют семантико-суммативное единство.

Проведённое исследование подтверждает справедливость мнения коммуникологов о том, что люди общаются смыслами. На примерах разнovidной реальности разнообразных коммуникативных сред проведено развитие этого утверждения и дана его расширительная аргументация. Показана неоспоримая значимость контрверзы *значение vs коннотация vs смысл*.

Составлена структура понятийно-терминологического поля употребления слова «смысл». В качестве аргументации дана широкая иллюстрация влияния совпадения / несовпадения смысловых пазлов на успешность коммуникации и на её экологический эффект. Более углублённое осмысление факта, события, в том числе и текстового / речевого, приводит к более адекватному пониманию их сути и к адекватным поведенческим реакциям, в том числе и речевым, и акциональным (девербализованным).

В силу широко распространившейся по всему миру фейковой информации СМИ, которая подменяет практические смыслы происходящих событий, искажая их, всё чаще раздаются призывы к их запрету через уголовную ответственность и к возвращению к здравому смыслу объективной информации. Именно поэтому за счёт фейковой информации, различного рода искажений и пропаганды homo sapiens постепенно трансформируется в homo confusus, теряющего ориентацию в смысловых джунглях СМИ. Фейковая

¹ Мовчан А. Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума // AvidReaders: [сайт]. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/rossiya-v-epohu-postpravdy.html> (дата обращения: 12.02.2020).

информация довольно успешно участвует в формировании разновидностей новой / параллельной / иной реальностей, которая не позволяет адресату принимать правильное решение и совершать правильные поступки, в том числе и коммуникативные.

Поскольку человек живёт только в настоящее мгновение, всё остальное или прошло уже, или не известно, будет ли (как в своё время отмечал Марк Аврелий), меняются смыслы одних и тех же событий для людей разных эпох: идёт ускоренный динамический процесс постоянного переосмысления смысла происходившего и происходящего. Это ещё раз подчёркивает знаковую роль меняющегося смысла в меняющихся эпохах и в

меняющейся коммуникации, а также затруднённую адекватность его осмысления, в том числе и из-за множества субъективных факторов.

Перспективным, как явствует из всего хода данного исследования, представляется изучение смыслового общения людей между собой, особенно в плане эмоционального и межэтнического общения и его возможных экологических границ. Исследование показало, что назрела необходимость в более пристальном внимании лингвистов к этнопсихолингвистическим (культурным) смыслам в межэтническом и межконфессиональном общении.

Статья поступила в редакцию 06.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Золян С. Т. О языке в политической функции // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018. С. 156–173.
2. Кибрик А. А., Федорова О. В. О структуре мультимедийного дискурса // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018. С. 180–191.
3. Кислякова Е. Ю. Коммуникативная категория инакости: монография. Волгоград: Перемена, 2018. 250 с.
4. Лосев А. Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 1. С. 3–8.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Московского университета, 1982. 480 с.
6. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
7. Павликис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
8. Пищальникова В. А. Теория эмоций как междисциплинарная концепция исследования речевой деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 143–148.
9. Семёнова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. 237 с.
10. Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи. М., Л.: Соцэкгиз, 1934. 223 с.
11. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 448 с.
12. Чубайс И. Русская история, беседы о смыслах. Новая концепция – без мифов и «белых пятен». М.: Яуза, 2018. 304 с.
13. Шаховский В. И. Коннотация: история, результаты, перспективы // Studia Linguistica. Вып. XXVII. Язык и познание в современной науке / отв. ред. И. А. Щирова. СПб.: Политехника-принт, 2018. С. 9–28.
14. Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. 148 с.
15. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
16. Язык о языке: сборник статей / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. 624 с.
17. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

REFERENCES

1. Zolyan S. T. [About language in political function]. In: Feshchenko V. V., ed. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa* [The images of language and twists of discourse]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2018, pp. 156–173.
2. Kibrik A. A., Fedorova O. V. [On the structure of the multi-channel discourse]. In: Feshchenko V. V., ed. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa* [The images of language and twists of discourse]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2018, pp. 180–191.
3. Kislyakova E. Yu. *Kommunikativnaya kategoriya inakosti* [The communicative category of otherness]. Volgograd, Peremena Publ., 2018. 250 p.
4. Losev A. F. [On the endless semantic valency of a language sign]. In: *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literaturny i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences. Literature and Language Series], 1977, vol. 36, no. 1, pp. 3–8.
5. Losev A. F. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow, Moscow University Publ., 1982. 480 p.
6. Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl-Tekst»* [The study of theory of linguistic models "Meaning-Text"]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1999. 346 p.
7. Pavilenis R. I. *Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka* [The problem of meaning: modern logical-philosophical analysis of language]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 286 p.
8. Pishchal'nikova V. A. [Theory of Emotions as an Interdisciplinary Concept for the Study of Speech Process]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 1 (134), pp. 143–148.
9. Semenova T. I. *Lingvisticheskii fenomen kazhimosti* [The linguistic phenomenon of seemingness]. Irkutsk, Irkutsk State Linguistic University Publ., 2007. 237 p.
10. Sepir E. *Yazyk: Vvedenie v izuchenie rechi* [Language: an introduction to the study of speech]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1934. 223 p.
11. Khintikka Ya. *Logiko-epistemologicheskie issledovaniya* [Logical and epistemological studies]. Moscow, Progress Publ., 1980. 448 p.
12. Chubais I. *Russkaya istoriya, besedy o smyslakh. Novaya kontseptsiya – bez mifov i «belykh pyaten»* [Russian history, talks about the meaning. A new concept – without myths, and “white spots”]. Moscow, Yauza Publ., 2018. 304 p.
13. Shakhovsky V. I. [Connotation: history, results, prospects]. In: Schirova I. A., ed. *Studia Linguistica. Vip. XXVII. Yazyk i poznanie v sovremennoi nauke* [Studio Linguistics. Iss. XVII. Language and cognition in modern science]. St. Petersburg, Politechnika-print Publ., 2018, pp. 9–28.
14. Shakhovsky V. I., Sorokin Yu. A., Tomasheva I. V. *Tekst i ego kognitivno-ektivnyye metamorfozy (mezhekul'turnoe ponimanie i lingvoekologiya)* [The text and its cognitive-emotive metamorphosis (cross-cultural understanding and linguoecology)]. Volgograd, Peremena Publ., 1998. 148 p.
15. Eco U. *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Researches on semiotics of the text]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2005. 502 p.
16. Arutunova N. D., ed. *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 624 p.
17. Jakobson R. [Linguistics and poetics]. In: *Strukturalizm «za» i «protiv»* [Structuralism “for” and “against”]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193–230.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor I. Shakhovsky – Doctor in Philological Sciences, Professor, Leading Researcher at the Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation;
e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаховский В. И. Совпадение смысловых пазлов как условие эффективности современной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 34–52.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-34-52

FOR CITATION

Shakhovsky V. I. Coincidence of sense puzzles as a condition for effective contemporary communication.

In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 34–52.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-34-52

РАЗДЕЛ II. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 821

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-53-59

ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (XVII–XXI ВВ.)

Гаврилов Л. А.

*Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель работы – изучить три периода в развитии языка французской художественной литературы.

Процедура и методы исследования. Используются диахронический, сопоставительный, функциональный методы исследования.

Результаты исследования. Автор приходит к выводу, что первый период в развитии языка французской художественной литературы (XVII–XVIII вв.) связан с жёстким ограничением разговорных форм и доминированием литературного языка, отвечавшего требованиям классицистической теории. Второй (XIX–XX вв.) – с использованием разговорного языка в пределах и за пределами нормы в устной речи персонажей литературных произведений. Третий (XX–XXI вв.) развивается на основе языка, сложившегося во второй период, и характеризуется активным проникновением всех подстилей разговорного языка в авторскую речь.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование позволяет проследить практическое применение языка во французской художественной литературе с XVII в. по настоящее время и выявить основные тенденции его развития. Статья предназначена для широкого круга читателей.

Ключевые слова: авторская речь, классицизм, литературный язык, разговорный язык, речь персонажей, язык художественной литературы¹

FRENCH BELLES-LETTRES LANGUAGE IN DIACHRONIC ASPECT (XVII–XXI)

L. Gavrilov

*Military university of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14 ulitsa Bolshaya Sadovaya, Moscow 123001, Russian Federation*

Abstract.

The purpose of the work is to study three periods in the development of the language of French fiction.

Methodology and Approach. Diachronic, comparative, functional research methods are used.

Results. The author concludes that the first period in the development of the language of French fiction (XVII – XVIII centuries) was associated with a strict restriction of colloquial forms and the dominance of the literary language that met the requirements of the classical theory. In the second period (XIX – XX centuries) the spoken language within and outside the norm was used in the oral speech of characters in literary works. The third (XX – XXI centuries) develops on the basis of the language prevailing in the second period, and is characterized by the active penetration of all sub-styles of the spoken language into the author's speech.

Theoretical and Practical implications. The study allows us to trace the practical use of language in French fiction from the 17th century. to the present and identify the main trends in its development. The article is intended for a wide range of readers.

Keywords: author's speech, classicism, standard (literary) language, characters' speech, belles-lettres language

Язык художественной литературы функционирует не только в пределах характерных для него жанров. Он существует и во времени. Читатель обращается не только к современным художественным произведениям, но и, конечно, к произведениям прошлого. Чтение таких авторов, как Расин и Мольер, Бальзак и Гюго, Стендаль и Флобер, Бодлер и Рембо, Пруст и Ролан, Арагон и Элюар оттачивает его литературный вкус и позволяет лучше, глубже понять современных ему авторов.

Знакомство с литературой прошлого позволяет обнаружить эволюцию языка художественной литературы.

Классицизм (от *classicus* – образцовый) получил распространение в Западной Европе как художественный метод в начале XVII столетия. Во Франции были разработаны строгие классицистические нормативы в иерархии «высоких» и «низких» жанров по античным образцам. По словам Пушкина, классицизм застал французскую поэзию «в ребячестве, без всякого направления, без всякой силы»¹. Он позволил поэзии воспевать гуманистическую веру в добро, требуя от человека стремления сочетать личные интересы с велениями разума и нравственного долга. Во время революции 1789–1794 гг. он проявил себя во всём художественном мышлении революционных лет. Герои, партии и народные массы, по словам

К. Маркса, «осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени – освобождение от оков и установление современного буржуазного общества» [6, с. 120].

Реальный, существовавший в то время разговорный язык, принятый в межличностном общении, использовался в драматургических произведениях довольно ограниченно, и это надо рассматривать не как недостаток, а как объективную необходимость утверждать требования литературного языка в океане далёкой от нормы народной речи, которая была раздроблена на говоры и диалекты. Единой и понятной для всей страны речи уже не было. Бездумное использование, в частности, просторечной лексики делало бы текст художественного произведения непонятным для большинства. Именно поэтому, в соответствии с требованиями классицистической теории, вульгарные формы просторечия и диалектизмы избегались, а арго не употреблялось вовсе. В то время это был тайный язык преступного мира, незнакомый большинству населения, в том числе, по-видимому, и авторам художественных произведений.

Что же касается синтаксической организации речи персонажей, в её основу, как отмечал В. В. Виноградов, были положены «принципы произносимой речи, принципы лёгкого чтения литературного текста, принципы перевода стиха и прозы в звучание, свободное от искусственных интонаций высокого слога» [3, с. 271].

¹ Пушкин А. С. О поэзии классической и романтической // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1959. С. 265.

Классицизм благотворно повлиял на развитие литературного процесса во Франции. С одной стороны, представители этого направления руководствовались определёнными эстетическими и нравственными правилами: простотой, ясностью стиля, подражанием античным авторам, желанием получать и угождать [5, с. 6]. С другой стороны, современники отмечали несвободу французских писателей, излишнюю «строгость» поэзии, жёсткость «правил» и «зависимость» трагедии от поэтической формы [1, с. 229].

В тех исторических условиях стремление угодить приводило к тому, что «Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания, камердинер Мольер при дворе смеялся над придворными, Академия первым правилом своего устава положила хвалу великого короля»¹.

Отметим также чрезмерное ограничение языка прозы и поэзии, которое выразилось в запрете употреблять даже общепринятые слова и выражения в погоне за элегантною стиля. «Французы, – писал А. С. Пушкин, – донныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово *ravé*, помост... И Делиль гордился тем, что он употреблял слово *vache*. Презренная словесность, повинующаяся такой мелочной и своенравной критике!»²

Подобное отношение к языку художественной литературы отмечалось не только во Франции. «Недостойными Пушкина» признал критик Б. М. Федоров [цит. по: 3, с. 147–148] слова из «Евгения Онегина»: «Не гонят уж коров из хлева». Этой мелочной критике Пушкин противопоставлял свободное исполь-

зование наиболее ценных элементов не только книжной, но и разговорной речи. Он писал: «Буало обнаружил свой Коран³, и французская словесность ему покорилась»⁴.

Объяснение действительности и приёмов её художественного воспроизведения было сковано формально-стилистическими категориями, зауженным кругом образов и идей, а также условной «литературностью», которые ограничивали сферу художественного изображения и, соответственно, восприятие действительности. Удовлетворению интеллектуальных потребностей общества мешала чрезмерная «поэтизация» языка прозы. В ряде случаев читателю оставалось довольствоваться «блестящими играми воображения и гармонии» [3, с. 518] вместо того, чтобы находить в текстах пищу для размышления. Всё это привело к тому, что в начале XIX в. устаревшие каноны уже не могли мешать становлению новых литературных направлений – романтизма и реализма. Условную «литературность» сменила литературность в прямом смысле слова. В центре внимания французских писателей оказался человек во всей полноте его деятельности и духовной жизни. Изображение человека отражало многообразие действующих на него противоречий и конфликтов.

Обобщение, которое легло в основу картины реальных жизненных событий, проявилось в языке персонажей, для которого (языка) отбиралось наиболее характерное, типическое. Так, язык художественной литературы выполнял функцию отбора из общенародного языка наиболее для него ценного и существенного. Реализм во французской литературе уже не подражал древним, а обращался к быту людей и их потребностям,

¹ Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1959. С. 411.

² Пушкин А. С. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». Предисловие // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1959. С. 275.

³ Так Пушкин назвал работу Буало «Art poétique», образно подчеркнув тем самым её непререкаемый авторитет у французских поэтов и прозаиков.

⁴ Пушкин А. С. О поэзии классической и романтической // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1959. С. 266.

что приводило к смешению книжных конструкций с уместными в определённом контексте разговорными формами. Их использование позволяло передавать простым, доступным читателю языком глубокие и отвлечённые суждения. Наконец, отказ от «теории трёх стилей» и, соответственно, применения автором *разных стилей* «открывал возможность безмерно углублять и расширять смысловую перспективу изложения посредством постоянных переходов от одного плана и строя речи к другому; посредством пересечения и взаимоотражения разных стилистических сфер» [3, с. 510].

В результате во взаимодействии речи автора, рассказчика, персонажей совершались художественное осмысление и оценка содержания произведения, которое становилось как бы непосредственно изображающим определённую жизненную реальность¹.

После Второй мировой войны вульгарная лексика, использовавшаяся ранее только в кругах представителей преступного сообщества и деклассированных элементов, стала повседневной обыденностью для большинства населения страны и вошла в их разговорный словарь, а затем и закрепилась в нём. Со временем многие вульгаризмы перестали восприниматься носителями языка как нечто из ряда вон выходящее. Постепенно вульгарная лексика начала фигурировать и в художественных литературных произведениях, выступая особенностью речи некоторых героев.

Неприличные слова появляются в произведениях художественной литературы вследствие того, что речь их персонажей должна быть похожа на речь реальных людей, отражать реалии языка конкретного исторического периода. Все составляющие бранной лексики, в том числе вульгаризмы, арготизмы, просторечные формулы, другие разговорные выраже-

ния, подвергаются некоторой авторской переработке, трансформации в соответствии с эстетическими установками и в наиболее подходящем виде вплетаются в контекст. Тем не менее, до этого писатели себе не позволяли употребления обценной лексики. Так, А. Доде говорил о бранных словах, вовсе не используя таковых: «Malheureusement, si Rouget imitait le cri des sauvages très bien, il savait encore mieux dire les gros mots d'enfants de la rue et jurer le nom de Notre-Seigneur. Tout en jouant j'appris à faire comme lui et un jour, en pleine table, un formidable juron m'échappa je ne sais comment. Consternation générale! «Qui t'a appris cela? Où l'as-tu entendu?» Ce fut un évènement. M. Eyssette parla tout de suite de me mettre dans une maison de correction; mon grand frère l'abbé dit qu'avant toute chose on devait m'envoyer à confesse. Grande affaire! Il fallait ramasser dans tous les coins de ma conscience un tas de vieux péchés qui traônaient la depuis sept ans. Je ne dormis pas de deux nuits, c'est qu'il y en avait toute une panerée de ces diables de péchés; j'avais mis les plus petits dessus, mais, c'est égal, les autres se voyaient...»².

Вот какие проблемы могли появиться всего лишь из-за одного неприличного слова. Однако совсем по-другому дела складываются у героя произведения Р. Форлани «Tous les chats ne sont pas en peluche». Сюжет романа разворачивается в наши дни. Мальчик рано вводит в свой разговорный обиход обценную лексику и познаёт реалии незнакомого окружающего мира:

«Manu a tout juste l'âge de raison et ses raisons à lui de vouloir comprendre le monde. Et de le changer. A son idée... Emmanuel se serait appelé Dorothée s'il était devenu une fille.

Ce qui l'aurait bien fait chier.

Comme ça le fait beaucoup chier que maman Dora parte tout le week-end à Lille.

– Tu n'as pas un autre mot que chier?

– Non. J'ai que celui-là, de mot.

¹ Кожин В. Проза // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 297.

² Daudet A. Le Petit Chose. Paris: G. P., 1966. P. 11.

– Je croyais, Manu, que nous avons décidé...

– On a décidé pour con, couille et merde. Pas pour chier.

– menteur. On a décidé de ne plus prononcer aucun gros mot.

– C'est gros, chier? Je savais pas...¹.

Обилие нецензурных слов поражает несведущего читателя. Но в конце XX в. это уже в порядке вещей.

До недавнего времени некоторые бранные слова было принято обозначать только их начальной буквой. Например, в романе М. К. Алданова «Истоки» мы читаем: «Лавров назвал нескольких влиятельных человек, к которым, по его мнению, можно было обратиться. При каждом имени Клемансо отрицательно мотал головой и кратко говорил: "C'est un c..."»². Тенденции современной французской литературы ещё более радикальны.

Дисфемизмы во французской художественной литературе XIX в. значительно отличаются от дисфемизмов, употребляющихся авторами в наше время. Так, например, в «Les trois mousquetaires» А. Дюма отсутствует современная обценная лексика, зато в изобилии представлены слова и выражения, относящиеся к разного рода богохульствам и ныне устаревшие: «A ces paroles, le murmure de l'extérieur devint une explosion: partout on n'entendait que jurons et blasphèmes. Les morbleu! les sanglieu! les morts de tous les diables se croisaient dans l'air»³.

Богохульства и проклятия более не употребляются в речи с той частотой, которая была в середине XIX в. Вместо этой лексики в повседневной жизни и художественной литературе на первый план вышли ругательства и вульгаризмы. Например, «Je ne crois pas avoir proféré un juron depuis au moins quarante cinq

ans. Mais je vais le faire: «Nom de Dieu...»⁴ можно перевести так: «Я, кажется, не ругался, по меньшей мере, сорок пять лет. Но теперь я это сделаю: "Чёрт возьми!"». Перевод последнего предложения представляется неудачным. Здесь важно иметь в виду, что французское "Nom de Dieu!" соответствует английскому "Damn!", итальянскому "Porco Dio!", немецкому "Herr Gott Sacrement!" и т. д. и расценивается носителями этих языков как богохульство, которое абсолютно не соответствует русским выражениям «Чёрт возьми!» и «К чёрту!». Именно поэтому при переводе с русского на французский переводчики в ряде случаев просто заменяют некоторые русские чертыханья на иные выражения, чтобы переведённый текст звучал более естественно. Так, эту тенденцию можно обнаружить при сравнении текстов романа К. М. Симонова «Живые и мёртвые» в оригинале и в переводе, например: «А, черт! – выругался Зайчиков». – «Ah! bon Dieu, jura Zaitchikov»; «Расстреляйте их к чертовой матери!» – «Les charognes! Fusillez-les!» [4, с. 60].

Если же говорить о переводе с французского на русский, то в данном случае происходит противоположный процесс: французские вульгарные бранные слова превращаются в русские чертыханья. Так, в оригинале романа Р. Кено «Zazie dans le métro»⁵ всего четыре французских «чертыханья» ("Nom de Dieu!"), однако в его русском переводе⁶ их почти в десять раз больше и, соответственно, на порядок меньше неприличных слов.

Следует особо отметить, что в наше время не только персонаж, но и рассказчик и даже иногда автор произведения говорят на языке, производящем полное впечатление парижского противоречия, очень престижной для многих французских форм народно-разговорного языка.

¹ Forlani R. Tous les chats ne sont pas en peluche. Paris: Gallimard, 1988. P. 7.

² Алданов М. К. Истоки. Т. 1. М.: Известия, 1991. С. 178.

³ Dumas A. Les trois mousquetaires. Paris: Garnier, 1963. P. 213.

⁴ Sulitzer P.-L. Popov. Paris: Gallimard, 1990. P. 227.

⁵ Queneau R. Zazie dans le métro. Paris: Gallimard, 1994. 224 p.

⁶ Кено Р. Зази в метро. М.: Московский рабочий, 1992. 157 с.

В ряде случаев такой язык используется на протяжении всего текста «от и до». При этом речь персонажей и речь автора (авторская речь) стилистически не различаются или почти не различаются. И автор, и его герои не просто фиксируют свои мысли и чувства, а передают читателю логику и движение устной речи, показывают, как путём проб и ошибок говорящий (часто это сам автор), наконец, всё-таки что-то формулирует. Часто такая речь остаётся недосказанной, и читателю остаётся лишь гадать, что же ему сообщило говорящее лицо. Форма выражения мысли оказывается совсем не похожей на то, что мы видим в тексте на литературном языке. Так, Л. Селин, имитируя народно-разговорный стиль, вводит в предложение местоимение, которое дублирует рядом стоящее существительное, и выносит на значимое место слово, наиболее важное для говорящего по содержанию и эмоциональному воздействию. Вот некоторые фразы из романов Л. Селина, которые приводит О. Соважо в своей работе «*Français écrit, français parlé*» [7]:

– *Ma mère, elle répandait rien.*

– *Mon père, le truc des marchés, ça lui disait rien que vaill.*

– *Gorloge il s'appelait, il demeurait rue Elzévir, un appartement au cinquième.*

В ряде случаев автор создаёт у читателя впечатление, что не только его персонажи, но и он сам в авторской речи не заботится о форме выражения, и потому она небрежна:

Parapine, ce qu'il a trouvé d'abord en me voyant, c'est que j'avais pas bonne mine.

Как отмечал Ш. Балли, такая манера говорить характеризуется, в первую очередь, ограниченностью и несовершенством речи в силу свойственной ей

быстроте и непосредственности высказывания [2, с. 326].

Подобное спонтанное выражение мыслей и чувств невольно вызывает у читателя некое ощущение причастности к живому разговорному общению, тем более что некоторые его синтаксические особенности выполняют вполне определённую смыслообразующую роль и демонстрируют в целом ряде случаев особенности речевого поведения носителей языка.

Таким образом, подобные речевые формы прижились во французской языковой среде не случайно. Во-первых, сам французский разговорный язык изменился. Он стал, по сути, единым для всех носителей французского языка. Из него практически исчезли территориальные говоры и диалекты, а социальные диалекты в известной мере потеряли свой флёр таинственности. Арго, например, бывший язык преступного мира, стал сегодня экспрессивной базой разговорного, а иногда и книжно-письменного языка. Во-вторых, формы разговорного языка оказались очень эффективными для самых различных ситуаций речевого общения, особенно в неофициальной обстановке. Многие из них были ассимилированы книжно-письменным литературным языком и стали приемлемыми в ряде случаев для самых строгих пуристов.

В-третьих, сегодня формы разговорного языка стали гораздо шире и чаще использоваться в художественной литературе, чем раньше, в XVII–XIX вв. Взаимодействуя с формами книжно-письменного литературного языка, они реально обогащают изобразительные и выразительные возможности языка современной французской художественной литературы.

Статья поступила в редакцию 12.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л. Г., Козлова Н. П., Косинов Г. К. История французской литературы. М.: Высшая школа, 1987. 543 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2001. 392 с.
3. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. 620 с.

4. Гаврилов Л. А. Французский язык. Стилистика. Основные современные функциональные стили французского языка. М.: СГУ, 2000. 70 с.
5. Лиходкина И. А. Направления во французской художественной литературе XVII–XXI вв. М.: «Элитус», 2018. 62 с.
6. Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957. С. 115–217.
7. Sauvageot A. Français écrit, français parlé. Paris: Larousse, 1962. 235 p.

REFERENCES

1. Andreev L. G., Kozlova N. P., Kosinov G. K. *Istoriya frantsuzskoi literatury* [The history of French literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 543 p.
2. Bally Ch. *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow, URSS Publ., 2001. 392 p.
3. Vinogradov V. V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's Style]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1941. 620 p.
4. Gavrilov L. A. *Frantsuzskii yazyk. Stilistika. Osnovnye sovremennye funktsional'nye stili frantsuzskogo yazyka* [The French language. Stylistics. The main functional styles of modern French language]. Moscow, SGU Publ., 2000. 70 p.
5. Likhodkina I. A. *Napravleniya vo frantsuzskoi khudozhestvennoi literature XVII–XXI vv.* [Trends in French literature of the XVII–XXI centuries]. Moscow, «Elitus» Publ., 2018. 62 p.
6. Marx K. [18 Brumaire of Louis Bonaparte]. In: *Marx Ch., Engels F. Sochineniya. T. 8* [Marx and Engels. Works. Vol. 8]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957, pp. 115–217.
7. Sauvageot A. Français écrit, français parlé. Paris: Larousse, 1962. 235 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилов Лев Алексеевич – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка Военного университета Министерства обороны Российской Федерации;
e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lev A. Gavrilov – PhD in Philological Sciences, Professor at the Department of the French Language, Military university of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гаврилов Л. А. Язык французской художественной литературы в диахроническом аспекте (XVII–XXI вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 53–59.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-53-59

FOR CITATION

Gavrilov L. A. French belles-lettres language in diachronic aspect (XVII–XXI). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 53–59.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-53-59

РАЗДЕЛ III. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-60-70

ВОЛШЕБНЫЙ ОНОМАСТИКОН АВСТРАЛИЙСКОЙ ЭТИОЛОГИЧЕСКОЙ СКАЗКИ

Ощепкова В. В., Соловьева Н. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель работы – установление лингвокультурологических характеристик спеллонимов, функционирующих в ономастическом пространстве австралийской этиологической сказки.

Процедура и методы исследования. Произведён анализ корпуса австралийских этиологических сказок. В качестве методов исследования привлекались описательный, словообразовательный и этимологический анализ, метод лингвокультурологической реконструкции исходного содержания спеллонимов, элементы статистического метода.

Результаты исследования. По итогам исследования авторами предложена типология спеллонимов, включающая 5 тематических групп, установлены происхождение и структура рассмотренных номинаций.

Теоретическая и практическая значимость состоит в пополнении системы знаний о фольклорном тексте и функционировании в нём спеллонимов как знаков, насыщенных национально-культурными смыслами, и их роли в создании художественных образов.

Ключевые слова: фольклор, миф, этиологическая сказка, сказка о животных, волшебный ономастикон, спеллоним

MAGIC ONOMASTICON OF AUSTRALIAN ETIOLOGICAL TALE

V. Oschepkova, N. Solovyeva

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Purpose. The study establishes linguocultural characteristics of spellonyms in the onomasticon of the Australian etiological tale.

Methodology and Approach. The authors analyze the corpus of Australian etiological tales. The chosen research methods include descriptive, word-building and etymological analyses, a method of linguocultural reconstruction of spellonym meanings as well as elements of the statistical method.

Results. According to the results of the study, the authors proposed a typology of spellonyms, including 5 thematic groups; the origin and structure of the considered nominations are established. **Theoretical and Practical implications.** The undertaken research replenishes the pool of knowledge about folklore texts and the functions of spellonyms as signs saturated with national and cultural meanings as well as their role in creating artistic images.

Keywords: folklore, myth, etiological tale, tale about animals, magic onomasticon, spellonym

Введение

Фольклорные произведения тесно связаны с национальными и региональными традициями общества, воплощают ценности и видение своих создателей, выступают движущей силой для творчества и инноваций. Как и многие другие культуры, Австралия и Новая Зеландия обладают богатым и разнообразным по происхождению фольклорным наследием, однако до сих пор не проводилось официальной каталогизации фольклорных произведений, бытующих в этих странах [7, p. 12]. Между тем академические исследования фольклора способствуют пониманию мировоззрения того или иного этноса и тем самым ослаблению социальной напряжённости, устранению культурных разногласий.

Статус фольклора уникален: с одной стороны, он выступает в роли транслятора знаний и наблюдений, накопленных этносом; с другой стороны, он существует вне общепринятых каналов обмена информацией в обществе – образования, религии, средств массовой информации и правительственных источников. Для коренных народов Австралии и Новой Зеландии тотемические мифы, предания о происхождении тех или иных обычаев, этиологические сказки и легенды по-прежнему носят сакральный характер. Их роль заключается в передаче последующим поколениям правил, социальных норм и знаний, описывающих создание мира и установление в нём законов, управляющих повседневной жизнью человека. Более того, речь идёт о динамической системе знаний, меняющейся вместе с человеком и окружающей его средой, что представляет ещё больший интерес для исследователя.

Корпус фольклорных повествований, бытующих в Австралии и Новой Зеландии, неоднороден. Повествования австралийских аборигенов связаны с Dreamtime / Dreaming – «временем сновидений» или «сновидениями» – сложной системой знаний, веры и практик, вытекающих из историй творения и определяющих духовные и физические аспекты жизни аборигенов [2, с. 276]. Как замечает Е. М. Мелетинский, время в этом случае рассматривается как внеисторический феномен, эпоха изобилия, воссоздающаяся в снах и обрядах, исполнители которых отождествляются с мифическими тотемными предками [3, с. 3]. Особенностью событий, разворачивающихся во «время сновидений», становится отсутствие гиперболизации: в центре внимания не вселенная, а конкретная территория, на которой обитают тотемные предки. Многие из сновидений предназначены только для мужчин или только для женщин, для их пересказывания необходимо получить разрешение старейшин племени. Эта практика также распространяется на произведения искусства и изображения, выступающие хранилищами духовных знаний¹.

Мифо-религиозные верования маори имеют сходства с верованиями других полинезийских народов и воплощают представления о происхождении вселенной и, следовательно, богов, людей и всех природных явлений и живых существ. Эти более древние верования дополняются традициями переселения и расселения, созданными маори уже на терри-

¹ См.: Australian and Aotearoan / New Zealand Fairy Tales // Haase D. The Greenwood encyclopedia of folktales and fairytales. Vol. 1. A–F. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2008. P. 84.

тории Новой Зеландии. Устная традиция определила и утвердила социальную иерархию, владение территорией и отношения между племенами¹.

Помимо фольклора, бытующего в среде коренного населения и имеющего выраженный сакральный характер, в Австралии и Новой Зеландии бытует и фольклор европейских поселенцев. Он в значительной степени обусловлен возникшим социальным расслоением между заключёнными и свободными эмигрантами и отражает историю расширения европейских поселений на территории Австралии и Новой Зеландии. Героями фольклорных произведений европейских поселенцев выступают разбойники, золотодобытчики и погонщики скота.

Рассуждая о жанрах фольклорных произведений европейских поселенцев, фольклорист Б. Скотт выделяет народные песни, баллады, басни, суеверия и городские легенды, но указывает на отсутствие жанра сказки в его традиционном понимании². В отношении фольклора коренного населения Д. Хаазе высказывает сходную мысль: «...термин “народная сказка” неуместен применительно к мифическим или легендарным повествованиям, бытующим в обеих культурах коренных народов, их нельзя рассматривать просто как развлечение»³.

Отличающееся мнение высказывает Е. М. Мелетинский, ссылающийся на работы немецкого этнографа К. Штрелова и утверждающий, что сами аборигены различают мифы и сказки [3, с. 5]. Собираательство стало возможным прежде всего потому, что часть повествований утрати-

ла сакральный смысл и стала выполнять роль развлекательного или устрашающего рассказа для непосвящённых.

Теоретические предпосылки исследования

Ключевая фигура в австралийской фольклористике – К. Лангло Паркер, автор классических сборников “Australian Legendary Tales: Folk-lore of the Noongahburrachs as Told to the Piccaninnies”⁴ и “More Australian Legendary Tales”⁵. Оба сборника включают предисловия видного британского этнографа Э. Лэнга, проявившего огромный интерес к сделанным записям. Тексты, включённые в сборники, обозначены автором как легендарные сказки. Вероятно, это название было выбрано, поскольку записи были сделаны со слов женщин и детей, т. е. непосвящённых и не прошедших обряд инициации. По сравнению с мифами, легендарная сказка «легко обогащается новыми бытовыми деталями, острыми сюжетными положениями, живыми характеристиками действующих лиц и в таком виде удовлетворяет как любознательность, так и стремление к развлечению» [3, с. 10].

Безусловно, мы можем отметить целый ряд весомых исследований австралийского и новозеландского фольклора: в 1932 г. появился сборник мифов и легенд австралийских аборигенов У. Рэмси Смита “Myths and Legends of the Australian aboriginals”⁶; в 1989 г. было опубликовано фундаментальное исследование Г. Сила “The Hidden Culture: Folklore in Australian Society”⁷; в 1993 г. вышла энциклопедия

¹ См.: Australian and Aotearoan / New Zealand Fairy Tales // Haase D. The Greenwood encyclopedia of folktales and fairytales. Vol. 1. A–F. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2008. P. 86.

² Scott B. Lies, Flies and Strange Big Fish: Tall Tales from the Bush. St. Leonards, New South Wales: Allen & Unwin, 2000. P. 31.

³ См.: Australian and Aotearoan / New Zealand Fairy Tales // Haase D. The Greenwood encyclopedia of folktales and fairytales. Vol. 1. A–F. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2008. P. 83.

⁴ Langloh Parker K. Australian Legendary Tales: Folklore of the Noongahburrachs as Told to the Piccaninnies. London, Melbourne: David Nutt, Melville, Mullen & Slade, 1896. 132 p.

⁵ Langloh Parker K. More Australian Legendary Tales. London, Melbourne: David Nutt, Melville, Mullen & Slade, 1898. 150 p.

⁶ Ramsey Smith W. Myths and Legends of the Australian aboriginals. New York: Farrar and Rinehart Publishers, 1932. 358 p.

⁷ Seal G. The Hidden Culture: Folklore in Australian Society. Melbourne: Oxford University Press, 1989. 180 p.

австралийского фольклора "The Oxford Companion to Australian Folklore"¹, обобщившая результаты исследований, опубликованных в журнале *Australian Folklore* и представленных на конференциях Австралийского фольклорного общества (the Australian Folk Trust). Помимо перечисленных работ, выделим работу Р. М. Берндт и К. Х. Берндт, посвящённую мифам австралийских аборигенов², энциклопедию мифов и легенд маори М. Орбелл³, сборник историй буша, собранных Б. Скоттом⁴.

Наше исследование посвящено волшебному ономастикону австралийских легендарных или этиологических сказок. Позволим себе вслед за О. В. Беловой и Г. И. Кабаковой использовать термин «этиологическая сказка / легенда» применительно к повествованиям, рассказывающим о происхождении мира, человека, природных объектов и культурных реалий, а также о возникновении обычаев, предписаний и социальных институтов, определяющих уклад жизни общества⁵. По утверждению авторов, в этиологических текстах интегрированы разные фольклорные жанры (миф, легенда, сказка), выполняющие функции поучения и развлечения. Критерии разграничения жанров довольно размыты: то, что служило предметом веры, со временем может приобрести развлекательный характер; содержащееся в фольклорном тексте нравоучение может утратить актуальность.

¹ Davey B., Seal G. *The Oxford Companion to Australian Folklore*. Melbourne, New York: Oxford University Press, 1993. 381 p.

² Berndt R. M., Berndt C. H. *The Speaking Land: Myth and Story in Aboriginal Australia*. Ringwood, Victoria: Penguin Books, 1989. 480 p.

³ Orbell M. *A Concise Encyclopedia of Maori Myth and Legend*. Christchurch: Canterbury University Press, 1998. 220 p.

⁴ Scott B. *Lies, Flies and Strange Big Fish: Tall Tales from the Bush*. St. Leonards, New South Wales: Allen & Unwin, 2000. 196 p.

⁵ См.: Белова О. В., Кабакова Г. И. У истоков мира: русские этиологические сказки и легенды. М.: ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2014. С. 5.

Сходную точку зрения высказывают М. Морфорд и Р. Дж. Ленардон⁶, утверждающие, что миф и сказка в «чистом» виде не существуют, их элементы взаимопроникают, сказками становятся раздробленные на фрагменты мифы [6, с. 79–80].

Отличительной чертой этиологических текстов является их тесная связь с этнографическим контекстом. Многие сюжеты, в центре которых сотворение мира и человека, поясняют мотивы религиозных и бытовых обрядово-ритуальных действий, характерных для той или иной национальности.

Методология и материалы исследования

В качестве предмета исследования нами были выбраны спеллонимы, аккумулирующие не только лингвистическую, но и историческую, географическую, этнографическую и социологическую информацию. Изучение спеллонимов, под которыми мы понимаем «названия персонажей сказки, принимающих непосредственное участие в её сюжете, создающих "рисунок" текста, перемещающихся и трансформирующихся в пределах сказочного мира» [5, с. 74], не только даёт ключ к пониманию верований аборигенов, но и позволяет оценить разнообразие сюжетов и лингвокреативность, проявившуюся в номинации персонажей австралийской народной поэзии, проследить эволюцию мифа в направлении сказки, в частности, сказки о животных. Мифологические образы сохранились прежде всего в этом виде сказки, поскольку, как замечает Е. В. Женевская, животный мир Австралии обладает высоким «символизирующим потенциалом» [1, с. 152], воплощающимся в тотемах, их свойствах и функциях.

Материалом исследования послужили сборники "Australian Legendary Tales"⁷

⁶ Morford M., Lenardon R. G. *Classical Mythology*. New York, Oxford: Oxford University Press, 2007. 894 p.

⁷ Langloh Parker K. *Australian Legendary Tales*. Charleston: Nabu Press, 2011. 132 p.

и “More Australian Legendary Tales”¹ Кэти Лангло Паркер, включающие записи австралийских этиологических сказок, переведённые на английский и сопровождающиеся этнографическим комментарием.

В качестве методов исследования привлекались описательный, словообразовательный и этимологический анализ, метод лингвокультурологической реконструкции исходного содержания спеллонимов, элементы статистического метода.

Типология наименований

Первый этап исследования был посвящён изучению специфических черт корпуса австралийских этиологических сказок. Проведённый анализ позволил выделить ряд характерных особенностей:

1) погружённость в реальный мир, выражающуюся в изображении фантастических мест по образу и подобию реально существующих мест;

2) разнообразие явлений, которым даётся объяснение: появление небесных тел и элементов ландшафта, повадки живых существ, истоки обрядовых действий;

3) ведущую роль водной стихии;

4) важную роль тотемных животных и охоты, причём в качестве объекта охоты выступают животные – эндемики;

5) обязательное упоминание сакральных для аборигенной культуры предметов и танцев.

На следующем этапе исследования был составлен корпус спеллонимов, включающий 103 единицы. Анализ выборки позволил распределить спеллонимы на несколько тематических групп (проценты для каждой из групп приводятся от общего числа выборки): наименования божеств разной природы (71,8 %); наименования небесных тел, возникших в результате превращения представителей племени (5,8 %); наименования предметов культа и магических обрядов (6,8 %);

наименования природных явлений волшебной природы (7,8 %); наименования волшебных существ (7,8 %).

Религия коренного населения Австралии, как и многие другие религии, характеризуется наличием бога или богов, чьи образы часто фиксируются в некой материальной, узнаваемой форме. Люди окружены доказательствами существования и силы божеств: окружающий пейзаж точно повторяет пейзаж во «Времени Сновидений», повседневная деятельность в значительной степени воссоздаёт действия предков². Проведённое исследование позволяет нам разделить наименования божеств в этиологических сказках на две категории: наименования божеств-творцов, создавших людей и окружающую среду (2,9 %), и наименования предков, в виде тотемов-животных пришедших на территорию племени, научивших их охотиться и добывать пищу, установивших ритуалы и священные места (68,9 %).

В группу наименований божеств-творцов входят: *Byamee*, *Eingana*, *Birrahgnooloo*. *Byamee* – бог-творец, спустившийся на землю с неба и создавший реки, горы, леса. В сказках встречаются два варианта наименования *Baiame* и *Byamee*, причём вместе с наименованием может использоваться прилагательное *old*, подчёркивающее мудрость бога. В сказке “The Borah of Byamee”, описывающей собрание племён и обряд инициации (*borah*), бог-творец называется великим волшебником (*Wirreenun*): “*Old Byamee, who was a great Wirreenun, said he would take his two sons, Ghindahindahmoe and Boomahoomahnowee, to the gathering of the tribes...*”³. Нами также зафиксированы две перифрастические номинации бога: *the mightiest of Wirreenun* и *doctor of the tribe*.

² Belief and Aesthetic Values // Encyclopaedia Britannica: [сайт]. URL: <https://www.britannica.com/topic/Australian-Aboriginal/Beliefs-and-aesthetic-values> (дата обращения: 04.05.2020).

³ См.: The Borah of Byamee // Langloh Parker K. Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 94.

¹ Langloh Parker K. More Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. 152 p.

Уклад жизни бога напоминает уклад жизни людей. Он – старейшина племени и семейный человек, приводящий своих людей на собрание племён: “...Vyamee and his tribe, Vyahmul the black swans tribe, Oooboon the blue tongued lizards tribe, and many other chiefs and their tribes, each had their camp on a different point”¹. Первая супруга бога-творца *Eingana* ответственна за создание людей и существ, обитающих в водоёмах. Вторая супруга *Birrahgnooloo* – богиня плодородия и наводнений. Заметим, что с водной стихией и существами, обитающими в водоёмах, связаны обе богини, что подтверждает наши выводы о значимости водной стихии в фольклорной картине мира коренных жителей.

Тотемные божества, объединяющие в себе антропоморфные и зооморфные качества, покровительствуют членам племени. В сказках наименования тотемных божеств наиболее многочисленны: *Dinewan the emu; Oolh the lizard; Quarrian the parrot; Wayarnbeh the turtle; Wurrunnunah the bees; Googarh the iguana; Moodai the opossum; Vyahmul the pelican* и др.

Как видно из приведённых примеров, первая часть наименования представляет собой транскрипцию оригинального названия на языке аборигенов, а вторая часть – его перевод. Большинство наименований соответствует структуре N the N, которая в отдельных случаях может быть распространена до структуры N the Adj + N: *Oooboon the blue tongued lizard; Beereean the small, prickly lizard; Bilber the soft-furred sandhill rat; Bubburr the giant brown and yellow snake*. Заметим также, что некоторые номинации исконного происхождения образованы редупликацией: “Beereean the lizard wanted to marry Bullai Bullai the green parrot sisters...”². Одна номинация исконного происхождения возникла в результате звукоподражания, так как представители племени ворон (*Wah*

the crow) произносили звукоизобразительное слово *Wah* во время охоты.

Антропоморфная природа тотемных божеств проявляется в их обязательном олицетворении. В текстах сказок наименования соотносятся с местоимениями *he, she, they* и существительными *daens / blacks / black fellows*, обозначающими представителей коренного населения: “GOONUR was a clever old woman-doctor, who lived with her son, Goonur, and his two wives. The wives were Guddah the red lizard, and Beereean the small, prickly lizard”³.

Как и их потомки – люди, божества, представляющие один тотем, живут вместе, уважая правила племени. В случае невозможности их соблюдения, они покидают племя и живут в одиночестве. Так, в сказке об орле, превратившемся в утреннюю звезду, одноимённый герой покидает племя из-за своей приверженности каннибализму: “Mullyan the eagle hawk was a cannibal. That was the reason of his living apart from the other blacks”⁴.

В сказках обнаруживаются многочисленные отклонения от правила, согласно которому представители разных племён (тотемов) не могут вступать в брак. Например, орёл и опоссум, создавшие семью на земле, воссоединяются и на небе как две звезды: “Mullyan the eagle hawk lives in the sky as Mullyangah the morning star, on one side of which is... a larger star, which is Moodai the opossum, his wife”⁵.

Другой интересной особенностью считаем то, что номинации птиц (*emu, magpie, crane, parrot, hawk, eagle, mockingbird, pigeon, pelican, wagtail, curlew, mopeke, crow, turkey, swan, heron, sea-gull, red-breast*) в составе спеллонимов численно превосходят номинации млекопитающих

¹ Там же.

² См.: Beereean the Mirage Maker // Langloh Parker K. More Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 31.

³ См.: Goonur, the Woman-Doctor // Langloh Parker K. Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 77.

⁴ См.: Mullyangah the Morning Star // Langloh Parker K. Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 62.

⁵ См.: Mullyangah the Morning Star // Langloh Parker K. Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 64.

и земноводных существ (*lizard, snake, porcupine, ant-eater, water rat, kangaroo, iguana, opossum, flying squirrel, dog, platypus, turtle, frog*), а также насекомых и арахнидов (*bee, fly, butterfly, spider*). Предположительно, птицы как существа, обитающие на земле и поднимающиеся в небеса, в большей степени ассоциируются с божественным началом.

К наименованиям небесных тел относятся: *Yhi the sun; Meamei / the Pleiades; Gwaibillah / the Red Star / Mars; Ghindamaylannah / the Laughing Star / Venus, Bahloo the moon; Brahlghah the Clouds of Magellan*. Небесные тела – это изменившие облик тотемные божества. Некоторые из них являются людям в антропоморфном образе, например, *Yhi* – солнце предстаёт в образе женщины: “*Yhi rules in the land until the storms are over and have cooled her*”¹.

Bahloo – луна принимает облик мужчины, который может спускаться на землю, вести беседы с людьми и возвращаться на небо. В сказке “*Bahloo the Moon and the Daens*” он просит людей перенести его собак через ручей, но те отказываются, так как видят змей вместо собак. Разозлённое божество самостоятельно переносит собак через ручей и в наказание посылает множество змей на землю.

Другие небесные тела первоначально имели зооморфную форму. Плеяды *Meamei / the Pleiades* – семь сестёр из племени бандикут, ставшие свидетельницами церемонии посвящения юношей и по этой причине превратившиеся в звёзды: “...if you look, you may see the seven sisters together. You perhaps know them as the Pleiades, but the black fellows call them the Meamei”².

Планета Марс – *Gwaibillah / the Red Star* возникла, когда две жены из племени ящериц погибли от руки мужа. Красный

цвет символизирует нанесённые раны: “...they are now known as Gwaibillah, the red star, so called from its bright red colour, owing...to the red marks left by the stakes on the bodies”³.

Brählgah the Clouds of Magellan – Магеллановы Облака – это галактики-спутники Млечного Пути, возникшие, когда *Brählgah* – журавли, сопровождающие коренных жителей (*native companion birds, large cranes*), вознеслись на небо.

Спеллонимы, именующие сакральные предметы и обряды, включают: *Minggah, Oodoolay, boomerang, bubberah, Gubberah, Song of the Setting Emu, corroboree*.

В описании обрядов волшебника используются спеллонимы: *Minggah* (spirit tree), обозначающий священное дерево, в котором волшебник может спрятать предметы культа; *Gubberah* – магические камни волшебника, представляющие собой прозрачные кристаллы; *Oodoolay* – вызывающий дождь камень, в котором заключены души предков.

Песня ожидающего потомство эму (*Song of the Setting Emu*) исполняется в период гнездования, когда представителям племени впервые удаётся обнаружить птицу, высиживающую птенцов. Подчеркнём важность певческого искусства в жизни аборигенов. Во «Временах Сновидений», когда возникли земля и формы жизни на ней, боги-создатели перемещались по «Тропам песен», покрывающим континент в виде разветвлённой системы. Песни, исполняемые в определённой последовательности, выполняли роль своеобразного пропуска для жителя, путешествующего по территориям различных племён [4, с. 96]. Подтверждение важности песен как обрядового искусства находим и в сказке, героини которой – представители племени попугаев – поют для своего двоюродного брата – грома, стремясь вызвать дождь: “We will sing to our cousin Dooloomai the Thun-

¹ См.: Mayrah, the Wind That Blows the Winter Away // Langloh Parker K. Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 116.

² См.: Meamei the Seven Sisters // Langloh Parker K. Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 46.

³ См.: Goonur, the Woman-Doctor // Langloh Parker K. Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 82.

der; he will hear us and break a rain cloud for us”¹.

Спеллоним *boomerang* – бумеранг и спеллоним *bubberah*, обозначающий возвращающийся бумеранг, встретились нам в сказке о мальчиках из племени сов, вызвавших вихрь своими бросками. Согласно Dictionary of Australasian Words, одной из версий происхождения слова *boomerang* является слово *boomori* – ветер², что подтверждает способность сакрального предмета вызывать природные явления.

Спеллоним *corrobboree* / *korroboree* / *karabari* / *caribberie* обозначает сакральный праздничный танец, название которого произошло от *korobra* – танцевать (язык Камиларои). Согласно данным Dictionary of Australasian Words, *boroya* / *beria* также используется в значении *печь*³.

Наименования природных явлений, обнаруженные нами в текстах сказок, используются преимущественно в народной поэзии, как отмечает К. Лангло Паркер в своём комментарии⁴: *U e hu*, *Wurrawilberoo*, *Mayrah the wind*, *Gheeger Gheeger the cold west wind*, *Yarrageh the spring wind*, *Gunyahmoo the south-east wind*, *Mundehwuddah the north-west wind*, *Dooloomai the Thunder*.

U e hu – номинация дождя, используемая только в сказках и песнях.

Wurrawilberoo – вихрь, в центре которого находится дьявол.

В сказке “*Beereun the Mirage Maker*” нами зафиксирован спеллоним *Dooloomai the Thunder* для обозначения грома, представленный структурой N the N. В тексте упоминается родство природного феномена и тотемных божеств. Вероят-

но, по этой причине спеллоним получает структуру, характерную для номинации тотемных божеств.

Mayrah the wind – весенний ветер, прогоняющий зиму, ассоциируется с пробуждением. В сказке “*Mayrah, the Wind that Blows the Winter Away*” для весеннего ветра используются два перефразистических эпитета: *the lover of all* и *the bringer of plenty*. Синонимичная номинация включает атрибутив *spring* – *Yarrageh the spring wind*.

Спеллоним *Gheeger Gheeger the cold west wind* – холодный западный ветер представляет собой многочленную структуру, включающую удвоенную исконную основу и английское атрибутивное словосочетание. Здесь также обнаруживаются антропоморфные качества, поскольку в тексте сказки номинация соотносится с личным местоимением *she*.

Спеллонимы *Gheeger Gheeger the cold west wind*, *Yarrageh the spring wind*, *Gunyahmoo the south-east wind*, *Mundehwuddah the north-west wind* используются для обозначения природных явлений, собирающихся на празднества и танцующих подобно людям: “*Twice a year the winds all meet, holding great corroborees and wild revellings*”⁵.

Наименования существ волшебной природы можно разделить на наименования обитателей природных объектов и наименования духов, не имеющих конкретного места обитания. Представители первой группы интегрированы в окружающую среду: *Bunyip* – чудовище, обитающее в водоёмах; *Mulloka* – дьявол, обитающий в ручьях; *Yawkyawk* – русалка; *Mimi* – духи, обитающие в скалах⁶. Для обозначения духов, не связанных с конкретной территорией, нами зафиксировано четыре номинации: *Yara-Ma-Yha-Who* – вам-

¹ См.: Weedah the Mocking Bird // Langloh Parker K. More Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 34.

² См.: Boomerang // Morris E. Austral English: A Dictionary of Australasian Words. Sydney: Forgotten Books, 2012. P. 103.

³ См.: Corrobboree // Morris E. Austral English: A Dictionary of Australasian Words. Sydney: Forgotten Books, 2012. P. 137.

⁴ См.: Glossary // Langloh Parker K. Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 130–132.

⁵ См.: Gheeger Gheeger the Cold West Wind // Langloh Parker K. More Australian Legendary Tales. Charleston: Nabu Press, 2011. P. 18.

⁶ См.: Australian Aboriginal Mythology // Bane Th. Encyclopedia of beasts and monsters in myth, legend and folklore. Jefferson: McFarland, 2016. P. 226.

пироподобное существо; *Mullee Mullee* – дух сновидений, оказывающий покровительство; *Wallahgooroonbooran* – дух-посланец бога-создателя *Byamee*; *Wondah / Wundah* – злой дух.

В одном из контекстов спеллоном *Wondah* заменяется на эпитет *the white devil*, противопоставляющийся в контексте обозначению представителя коренного населения – *the black fellow*, что, предположительно, в иносказательной форме передаёт напряжённые отношения между коренными жителями и европейскими поселенцами.

Выводы

Проведённое исследование позволило нам сделать ряд выводов относительно фольклорной картины мира коренного населения Австралии и наименований волшебных существ, наполняющих её.

1. Степень интеграции реального и волшебного крайне высока: пространственно-временные характеристики волшебного мира, его общественное устройство во многом повторяют пространственно-временные характеристики и общественное устройство реального мира, а большинство существ волшебной природы рассматриваются скорее как прародители, нежели обитатели иного мира, что объясняется тотемистическими представлениями коренного населения.

2. Природа волшебных существ двойственна, они способны преобразоваться, меняя своё физическое состояние: антропоморфные и зооморфные свойства сочетаются в тотемистических божествах, число которых превалирует в текстах этиологических сказок; небесные тела также сочетают в себе антропоморфные, зооморфные и астроморфные свойства. Предполагаем, что подобная размытость физической формы отражает размытость и неопределённость границ сказочного мира.

3. Все номинации австралийских волшебных существ имеют исконное происхождение, однако в случае с наименованиями тотемистических божеств,

волшебных небесных тел и природных явлений исконная номинация дополняется английским аналогом, образуя структуру N the N или её менее распространённый вариант N the Adj + N. Использование определённого артикля в обобщающей функции перед вторым компонентом номинации указывает на представителя целого класса объектов, прародителя, что согласуется с ролью божества. В отдельных случаях спеллонимы заменяются перифразистическими эпитетами с выраженной положительной коннотацией.

4. Мужской или женский облик волшебного существа специально не фиксируется в номинации, однако, в тексте сказки присутствуют языковые средства (личные местоимения), указывающие на принадлежность к мужскому или женскому полу. На основании этого мы можем утверждать, что количество «мужских» и «женских» номинаций сопоставимо.

Заключение

Для культуры любого этноса свойственно стремление объяснить мироустройство, определить силы, властвующие над природой и человеком. Проведённое исследование подтвердило, что коренному населению Австралии в меньшей степени свойственно дуалистическое мировоззрение, противопоставляющее материальный, видимый мир нематериальному, неосознаемому миру. «Этот» и «иной» миры интегрированы, что отчётливо прослеживается в фольклорных текстах, насыщенных культурнозначимой информацией. Спеллонимы как лексические средства сказочности насыщены национально-культурными смыслами, декодирование которых позволяет не только определить их роль в создании художественных образов, но и подтвердить, что единой фольклорной картины мира в сознании людей не существует, а существуют её особые, независимые друг от друга формы, входящие в национальные картины мира.

Статья поступила в редакцию 08.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Женеvская Е. В. Лингвокультурная модель символаобразования в австралийской и новозеландской картинах мира // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2016. № 4. С. 150–155.
2. Иванов В. В. Тропою песен // Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5. Мифология и фольклор. М.: Знак, 2009. С. 269–276.
3. Мелетинский Е. М. Фольклор австралийцев // Лангло-Паркер К. Мифы и сказки Австралии / пер. с англ. С. А. Любимова и И. Ф. Курдюкова; отв. ред. предисл. Е. М. Мелетинский. М.: Наука, 1965. С. 3–24.
4. Ощепкова В. В. Встраивание аборигенного концепта “walkabout” в национальную австралийскую картину мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 94–104.
5. Ощепкова В. В., Соловьева Н. В. Спеллонимы в системе мифонимов британской народной сказки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 2. С. 73–87.
6. Соловьева Н. В. Оппозитивность как текстообразующая лингвистическая категория. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 171 с.
7. McCarron R. Reflections on Story-telling Among Immigrant Families in Australia // *Play and Folklore*. 2009. No. 51. P. 12–18.

REFERENCES

1. Zhenevskaya E. V. [Linguocultural model of symbol formation in Australian and New Zealand world views]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskije nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series: Philological Sciences], 2016, no. 4, pp. 150–155.
2. Ivanov V. V. [Following the song line]. In: Ivanov V. V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 5. Mifologiya i fol'klor* [Selected works on semiotics and history of culture. Vol. 5. Mythology and folklore]. Moscow, Znak Publ., 2009, pp. 269–276.
3. Meletinsky E. M. [The folklore of Australians]. In: Langloh Parker K. *Australian Legendary Tales* (Russ. ed.: Lyubimov S. A., Kurduykov I. F., trans. *Mify i skazki Avstralii*. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 3–24).
4. Oshchepkova V. V. [Incorporation of aboriginal concept “WALKABOUT” into the national Australian worldview]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 94–104.
5. Oshchepkova V. V., Solov'eva N. V. [Spellonyms in the mythonym system of the British folk tale]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 2, pp. 73–87.
6. Solov'eva N. V. *Oppozitivnost' kak tekstoobrazuyushchaya lingvisticheskaya kategoriya* [Oppositivity as a text-forming linguistic category]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019. 171 p.
7. McCarron R. Reflections on Story-telling Among Immigrant Families in Australia. In: *Play and Folklore*, 2009, no. 51, pp. 12–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ощепкова Виктория Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: oschep2014@yandex.ru

Соловьева Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: natavs@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktoriya V. Oschepkova – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: oschep2014@yandex.ru

Nataliya V. Solovyeva – PhD in Philological Sciences, Assistant Professor at the Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: natavs@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ощепкова В. В., Соловьева Н. В. Волшебный ономастикон австралийской этиологической сказки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 60–70.
DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-60-70

FOR CITATION

Oschepkova V. V, Solovyeva N. V. Magic onomasticon of Australian etiological tale. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 60–70.
DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-60-70

УДК 811.11

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-71-82

ВЫРАЖЕНИЕ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В КОРПОРАТИВНЫХ ИЗДАНИЯХ ДЛЯ ПЕРСОНАЛА

Гвозданная Н. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель работы – определение способов выражения экспрессивности в корпоративных изданиях для персонала. Такие корпоративные журналы публикуются компанией, чтобы информировать персонал о её текущей деятельности и укреплять свою репутацию у сотрудников.

Процедура и методы исследования. Тексты выпусков корпоративного журнала “Agenda” для сотрудников транснациональной компании “Volvo” за 2013–2014 гг. были проанализированы при помощи описательного, интерпретационного методов, метода сплошной выборки, обобщения материала, текстового и лингвостилистического анализа.

Результаты исследования. Выявлены и систематизированы характеристики медиатекстов этого типа. В текстах журнала для сотрудников широко используются коннотативные языковые средства, технологии выразительного сторителлинга, иллюстрации и образность. Для усиления экспрессивности медиатекста используются языковые и неязыковые средства и коммуникационные технологии.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование позволяет дополнить существующие представления о способах выражения экспрессивности. Результаты анализа могут быть использованы при подготовке материалов для корпоративных изданий.

Ключевые слова: экспрессивность, корпоративное издание, корпоративные ценности, сторителлинг, грамматический уровень языка, лексический уровень языка

THE EXPRESSION OF EXPRESSIVENESS IN MAGAZINES FOR EMPLOYEES

N. Gvozdannaya

*Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract.

The purpose. The paper is aimed at identifying the ways of expressiveness manifestation in employee magazines. Such magazines are published by a company to provide personnel with information about corporate activities to build its reputation with staff.

Methodology and Approach. Descriptive, interpretive methods, as well as methods of continuous sampling, generalization of material and textual and linguistic analysis were used to analyze the issues of the employee magazine “Agenda” of the multinational corporation “Volvo” for 2013–2014 in order to identify the textual features of the media texts to explain why they are written the way they are.

Results. Employee magazine focuses on connotative verbal means, high-impact storytelling, illustration and imagery. Both verbal and non-verbal means, as well as communication technologies are used to emphasize expressiveness in the media texts to shape personnel’s loyalty to the company.

Theoretical and Practical implications. This research helps to supplement the theoretical material about the ways of expressing expressiveness. The results of the analysis can be used in preparing materials for employee magazines.

Keywords: expressiveness, personnel magazines, corporate values, storytelling, grammatical level of the language, lexical level of the language

Экспрессивность – одна из движущих сил развития языка, т. к. способствует созданию новых средств, служащих для более полной передачи мыслей и чувств говорящего / пишущего. С учётом значимой роли, которую играют корпоративные издания в процессе деловой коммуникации и создании единого корпоративного информационного пространства, вопрос о способах выражения экспрессивности в корпоративных журналах представляет определённый интерес.

Понятие экспрессивности языковых средств привлекало внимание исследователей на протяжении всего XX-го столетия. В настоящее время в отечественном и зарубежном языкознании накоплен значительный объём знаний, касающихся экспрессивности текста, её внешнего и внутреннего проявления. Однако до сих пор научное сообщество не пришло к единому мнению о природе экспрессивности. Так, И. В. Арнольд, В. Г. Гак, В. К. Харченко, Р. Якобсон, Ш. Балли рассматривают категории «эмоция» и «экспрессия», «эмоциональность» и «экспрессивность» как абсолютные синонимы, а В. И. Шаховский, М. Я. Блох, В. Н. Телия, Г. Я. Солганик считают эти категории частично сходными, но автономными явлениями.

Цель настоящего исследования – рассмотрение способов выражения экспрессивности в корпоративных журналах для сотрудников.

Учитывая многоаспектность исследования, в работе применялись описательный и интерпретационный методы, методы сплошной выборки, обобщения материала, текстового и лингвостилистического анализа.

Термин «экспрессивность» употребляется в лингвистике в двух смыслах – широком и узком. В **широком** пони-

мании экспрессивность рассматривается как свойство речи и приравнивается к выразительности. В **узком** смысле экспрессивность трактуется как явление языка, как семантический признак слова и лексико-семантический вариант [8, с. 14].

Экспрессивность изучается с точки зрения функционального или языкового подхода. При **функциональном подходе** экспрессивность рассматривается как способ придания речи своеобразия и особой выразительности, как «ненейтральность речи, отстранение, деавтоматизация, придающие речи необычность и изобразительность» [6, с. 15]. «Необычность» проявляется в образности, использовании знаков в переносных значениях.

При **языковом подходе** определение понятия «экспрессивность» зависит от того, с каких позиций она рассматривается. Как стилистическую категорию экспрессивность трактуют И. В. Арнольд, Ю. М. Скребнев, Э. С. Азнаурова и др., выделяя описание экспрессивных средств языка, их стилистического значения и функций экспрессивных единиц в различных стилях и жанрах речи [1].

Часть исследователей считают экспрессивность семантической категорией и исследуют не-нейтральные семантико-стилистические средства языка, которые отражают и выражают сознательное, целенаправленное и эмоциональное отношение адресанта к адресату. Основное внимание авторов сосредоточено на структуре экспрессивного лексического значения языковых единиц [4; 15].

Подчеркнём, что экспрессивность выражает отношение субъекта речи к адресату / действительности и не только выполняет функцию сообщения, но и оказывает

усиленное воздействие, направленное на реципиента [18, с. 13; 19]. Более того, экспрессивность служит для усиления восприятия сообщения за счёт эмоциональной реакции, вызванной его образностью, и оказания эмоционального воздействия на получателя сообщения [16].

Экспрессивность в тексте появляется, когда текст включается в процесс общения, т. е. при наличии реципиента, способного воспринять сообщение в текстовой форме. Иначе говоря, экспрессивность – это целенаправленное воздействие на слушателя с точки зрения впечатляющей силы высказывания, его выразительности и эстетической характеристики, т. е. экспрессивность – это категория, ориентированная на адресата [13], которая выражается в речи при помощи различных фонетических, лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических средств.

Корпоративная пресса выпускается для различных целевых аудиторий (сотрудников, партнёров, клиентов и т. д.). Но конечная цель корпоративного издания всегда одна – формирование приверженности клиентов и сотрудников, т. к. успешная деятельность организации во многом зависит от степени эффективности её взаимодействия с общественностью.

Гарантом эффективности деятельности компании служит её персонал. Любая компания функционирует в сложной и многокомпонентной окружающей среде, в состав которой входят конкуренты, партнёры, инвесторы, СМИ, государственные и общественные органы и т. д. Поэтому компания, опирающаяся на сплочённый коллектив, состоящий из единомышленников, развивается динамично, становится конкурентоспособной и вносит весомый вклад в жизнь общества. Кроме того, такая компания обладает внутренней гармонией [11, с. 3–5].

Корпоративное издание для персонала призвано выполнять ряд функций: формирование единого коммуникатив-

ного пространства внутри организации, сплочение трудового коллектива, разбросанного порой на тысячи километров, продвижение и популяризация организационной и корпоративной культуры компании, формирование позитивного имиджа компании, информирование о текущих проектах и их поддержка, обеспечение понимания целей и задач организации всеми сотрудниками, мотивация сотрудников. Здесь издание выступает как главный проводник информации, позволяющий знакомить читателя с главными лицами компании, её текущими задачами, идеологией и философией и служить средством обратной связи. Кроме того, внутрикорпоративная пресса играет большую роль в процессе информирования персонала о конкурентной ситуации на рынке, контроля коммуникаций и адаптации новых сотрудников [11, с. 222–224].

Переходя к анализу способов выражения экспрессивности в журналах для сотрудников, начнём с описания компании, корпоративное издание которой послужило эмпирическим материалом, – транснациональной компании “Volvo Group”, поскольку дискурсивный анализ предполагает чёткое представление об адресанте, адресате и контексте коммуникации.

В настоящее время концерн “Volvo” представляет собой шведского производителя грузовиков, автобусов и строительного оборудования, систем морских двигателей, космических компонентов и финансовых услуг. Концерн делится на 9 производственных компаний и 11 бизнес-подразделений. Продукция “Volvo Group” производится в 18 странах мира. Сегодня в компании работает 82 000 человек. Для сплочения трудового коллектива, продвижения единой корпоративной культуры компании, информирования о текущих проектах и об их поддержке, а также для мотивации всех сотрудников компания выпускает журнал формата b-2-p “Agenda Magazine”, выходящий 4–5

раз в год на шведском, английском, голландском и китайском языках и распространяемый среди производственного персонала концерна.

Volvo Group заявляет о себе как о компании, сконцентрированной в первую очередь на людях. Забота о людях и их безопасности, о мире, в котором они живут, – это миссия корпорации и сущность её бизнеса.

Ключевыми корпоративными ценностями компании, которые представлены на её сайте, являются безопасность, качество и забота об окружающей среде.

Безопасность служит образцом для подражания при выполнении работ: *Core Value Statement – Safety: Volvo Car Group is regarded as the role model for traffic safety based on our products and our commitment to safety. To strengthen our commitment to, and maintain leadership in safety, we aim for top performance, in real traffic situations as well as in official safety ratings*¹.

Качество продукции и услуг – это цель, к которой стремится компания. Качество продукции позволяет покупателям чувствовать особое отношение компании и проявление заботы: *Core Value statement – Quality: Our core value, Quality, is an expression of our goal to provide products and services designed around people's needs, giving them an experience that makes them feel that we care for them, and simplify their lives*².

Забота об окружающей среде трактуется компанией как забота о здоровье и эффективном использовании ресурсов, что является частью бизнес-стратегии и всегда учитывается при принятии бизнес-решений. Улучшения на каждом этапе, соблюдение действующего законодательства и других требований становятся неотъемлемой частью производственного процесса на каждом этапе работы: *Core Value Statement – Environment: People's health, en-*

*ergy efficiency and resource efficiency are the main areas of our focus. Our environmental work is based on respect and concern for the individual, society and nature. The environmental efforts within our company shall always be part of our business strategies and relevant decisions. Continuous business driven improvements shall be fundamental requirements of all our operations, as well as compliance with applicable legislation and other demands, such as prevention of pollution*³.

Подчеркнём, что ретрансляция перечисленных корпоративных ценностей непрерывно проходит через все материалы выпусков корпоративных публикаций. Раскрывая в публикациях конкретные примеры реализации каждой корпоративной ценности, компания приобретает к ним своих сотрудников.

Так, корпоративная ценность «Качество» раскрывается в статье “Stepping up Quality”, посвящённой организации процесса производства и улучшению качества выпускаемой продукции: *“Car build quality has improved and when a fault occurs, it takes less time to correct”*. Чтобы улучшить качество производимой продукции, компания запустила новый проект под названием “Quality Transformation”, который позволил ей не только повысить качество выпускаемых машин, но и отслеживать соответствие стандартам компании на каждом этапе производства: *“Quality Transformation consists of 14 work streams that to get her cover virtually all the company's operations... the possibility of sounding the alarm and as a last resort stopping the assembly line has given the operators a tool for doing their work as they want... without quality-related faults. There is considerable focus on details and broad understanding of the importance of doing things right... And the results can already be seen. Among the improvements that have been achieved is the fact that problems are solved much faster and build quality has improved”*⁴.

¹ См.: Our core values // Volvo Group: [сайт]. URL: <https://www.volvogroup.com/en-en/about-us/company-values.html> (дата обращения: 10.02.2020).

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Hansson S. Stepping up Quality // Agenda Magazine. 2013. No. 1. P. 5.

Реализация соответствия содержания публикации конкретной корпоративной ценности осуществляется через специально подобранную лексику, которая организована в синтагмы, нацеленные на оказание манипулятивного воздействия на адресата. В приведённом примере такие синтагмы выделены подчёркиванием.

Следует отметить, что в публикациях этого рода широко представлена технология сторителлинга, т. е. информационно-коммуникационная технология, основная цель которой – формирование определённого поведения целевой аудитории с помощью воздействия на её сознание. Истории – неотъемлемая часть корпоративного управления, т. к. такой формат повествования служит в качестве актуальной технологии выстраивания внутренних и внешних корпоративных коммуникаций. При этом истории (любые сюжетно связанные повествования) представляют собой метафорическое выражение определённого принципа или ценности компании. Очевидно, что история в корпоративном сторителлинге предстаёт как «конденсированный ряд инструкций и правил по упорядочиванию и конституированию» [3, с. 94] корпоративных ценностей и знаний, успешных действующих в данной компании.

Согласно исследованиям, важнейшими компонентами корпоративных историй являются:

- сюжет или развитие событий – корпоративная история должна быть короткой и ясной;
- конфликт или проблема, требующая решения, – проблемы должны побуждать сотрудников к определённым действиям;
- герой или герои, с которыми читатель может себя ассоциировать;
- послание или вывод, который должен сделать слушатель, – такое послание всегда требует чёткой и ясной формулировки [12].

Так, небольшая заметка “*Olofstrom: Safety benchmark*” составлена в соответ-

ствии с классическими правилами написания корпоративного сторителлинга. В ней рассматривается проблема безопасности производства и качества выпускаемой продукции: “*In 2011 the plant had a quality result of 183 PPM (Parts Per Million rejected components. Safety is measured in LTCR (Lost Time Case Rate) where the number of work-related injuries causing absence from work is divided by 200.000 working hours. In 2011 the figure was 2.0)*”¹.

Герои, топ-менеджер по качеству (*senior quality manager*) Хелена Ленегард, применившая на производстве новую систему управления, и руководитель отдела производства (*production supervisor*) Йонас Фрид, изменивший систему работы сотрудников, сумели найти решение проблемы (развитие событий): “*It’s all about our behaviour. Everyone does their bit, from top management to operator... We discuss safety every day. And we’re good at reporting accidents and incidents. We aren’t embarrassed to discuss even awkward incidents... If faults are brought into the open then the risk of accidents is methodically excluded from the system”*.

Вывод (послание), к которому приходит читатель, – совместная работа всего коллектива, понимание проблемы и её открытое обсуждение на всех уровнях управления помогают значительно улучшить безопасность на рабочем месте и, соответственно, показать более качественные результаты производства: “*Positive safety trend is largely a result of increased awareness. ... This year the team has only had one single injury. Last year there were a handful of incidents... So far this year the PPM figure is 100... In 2013 LTCR figured windled to 0.48*”².

Выделенные синтагмы выражают две темы, которые соотносятся с корпоративными ценностями компании «Безопасность» и «Качество».

Восприятие любого текста – сложный процесс, в организации которого важную

¹ См.: Olofstrom: Safetybenchmark // Agenda Magazine. 2013. No. 3. P. 31.

² Там же.

роль играют компоненты, отвечающие за связь с адресатом, специально ориентированные на него, способствующие выстраиванию стратегии внедрения адресата в сферу дискурса и направленные на построение его деятельности по интерпретации. К ним в первую очередь относятся заголовки статей.

Удачный заголовок не только выполняет большую информационную нагрузку, представляя собой своего рода краткое описание содержания статьи, но и несёт побудительный заряд высказывания. Он также участвует в формировании эмоционального воздействия статьи на адресата, выполняя важную оценочно-экспрессивную функцию, нацеленную на убеждение реципиента в определённых положениях и внушение ему требуемых установок.

Подчёркнём, что заголовки «скорее ориентированы на восприятие, чем являются заявкой об определённой информации, содержащейся в статье» [10, с. 53]. Рассмотрим, как этот принцип реализуется на практике.

Прежде всего, отметим, что заголовки корпоративного издания всегда позитивны, например: *“Loss was turned into profit”*, *“Focus on similarities, not differences”*, *“Everyone’s a winner”*, *“Winning tactics at home”*, *“Winning concept in three parts”*¹.

Так же, как и статьи в целом, заголовки ретранслируют корпоративные ценности компании. Так, ценность «качество» (*Quality*) отражается через заголовки: *“Stepping up quality”*², *“Quality steadily improving”*³. О ценности «безопасность» (*Safety*) свидетельствуют такие заголовки, как: *“Olofstrom safety benchmark”*⁴, *“High safety delivers results”*⁵, *“Safety Jubilee”*⁶, *“Safety study in mega-cities”*⁷.

¹ См.: Agenda Magazine. 2014. No. 1. P. 6, 10, 14, 33, 35.

² См.: Agenda Magazine. 2013. No. 1. P. 5.

³ См.: Agenda Magazine. 2014. No. 1. P. 21.

⁴ См.: Agenda Magazine. 2013. No. 3. P. 31.

⁵ См.: Agenda Magazine. 2014. No. 1. P. 25.

⁶ См.: Agenda Magazine. 2014. No. 2. P. 13.

⁷ См.: Agenda Magazine. 2014. No. 2. P. 47.

Иногда с помощью одного заголовка ретранслируются сразу несколько ценностей: *“Air quality thanks to multi-filter”*⁸ – ценности «качество» и «окружающая среда»; *“Eco-competition”*⁹ – ценности «окружающая среда» и «безопасность».

Корпоративные ценности проводятся и через так называемые лиды – первые абзацы текста, которые вводят читателя в курс проблемы или события и побуждают его обратить внимание на статью [7, с. 96].

Лид-абзацы практически всегда выделены в тексте другим шрифтом, позволяя с самого начала настроить читателя на определённое восприятие материала. Например, заголовок статьи *“Sharper Shapes”* не транслирует корпоративных ценностей, но лид-абзац сразу обращается к ценности «качество»: *“Six renewed cars. Volvo Cars has never previously implemented such a comprehensive change to its model range. “We’ve improved quality in every single respect and prioritized those parts that make a difference to our customers”. Says Patrik Widerstrand, chief project manager”*¹⁰.

Статья занимает полтора разворота, причём заголовок и лид-абзац, сопровождаемые иллюстрацией продукции, занимают страницу. Ключевое сообщение дополнительно выделено жирным шрифтом и дано в другом цветовом решении. Это сразу обращает внимание читателя на важность излагаемой информации и побуждает его продолжить чтение.

Большинство лид-абзацев – это либо цитаты [7, с. 99–103], т. е. включают в себя высказывание конкретного человека, отражающее основную мысль статьи, либо резюме, кратко излагающее содержание статьи. В качестве иллюстрации цитатного лид-абзаца можно привести пример из статьи *“One Finance piece by piece”*: *“Long experience mixed with an innovative approach form the basis for the renewal process at Finance... We can design the financial control system we*

⁸ См.: Agenda Magazine. 2013. No. 1. P. 36.

⁹ См.: Agenda Magazine. 2013. No. 2. P. 42.

¹⁰ См.: Hansson S. Sharper Shapes // Agenda Magazine 2013. No. 1. P. 9–11.

want, the best solution for Volvo Cars. **This is an almost unique situation for a company of our size, a dream for every economist**", says Hans Oscarsson, Chief Finance Officer¹.

Примером резюмирующего лид-абзаца является первый абзац статьи "One-Touch Connection", в которой рассказывается о новой системе интерактивных приложений для более комфортного вождения: "Full connectivity to the Internet and access to 20 or so smart apps. With Sensus Connected Touch, Volvo Car Group is taking the fast road to the future... In May this year, the connectivity package will be available as an accessory for both new and used Volvos"².

Комбинация заголовка и лид-абзаца, представляет собой заголовочный комплекс, который может включать в себя также подзаголовок и названия рубрик. Рубрики журнала также ретранслируют корпоративные ценности. Так, есть рубрика «Трансформация качества» (*Quality Transformation* – корпоративная ценность «Качество»), рубрика «Производство» (*Manufacturing*), в которой публикуются материалы, отражающие корпоративные ценности «Качество» и «Безопасность».

В статье "Safety Jubilee"³ речь идёт о новом поколении детских кресел, выпускаемых компанией (ценность «Безопасность»). Помимо описания нового продукта, отвечающего последним требованиям удобства и безопасности детей, в конце статьи применяется инфографика – иллюстрированная временная шкала модификаций детских кресел со времён выпуска первого кресла до последней новой разработки. Так, в статье ещё и наглядно представлена работа компании над обеспечением безопасности для пассажиров. Таким образом, вербально выраженная экспрессивность усиливается невербальным компонентом медиа-текста.

Большая часть материалов в журнале представляет собой статьи, очерки и заметки, изложенные в повествовательной манере. Однако все материалы обязательно включают в себя высказывания людей, дающих необходимые пояснения, представленные в виде прямой речи.

В первую очередь это проявляется в слове редактора, которое представляет собой обращение к аудитории и занимает особое место в издании [9, с. 133]. Дело в том, что колонка редактора обладает особой значимостью для целевой аудитории, т. к. редакторское слово воспринимается читателями не только как личное мнение, но и как точка зрения всего редакторского коллектива [17, с. 78]. Редактор обладает особым статусом в глазах читателя, т. к. определяет лицо издания, а редакторское слово соотносится с мнением редакции [2, с. 83].

Вступительное слово президента компании "Volvo" открывает каждый номер журнала. На первой странице издания обращение главы компании к сотрудникам всегда сопровождается его фотографией и личной подписью, что важно при восприятии информации: с первых страниц сотрудники знают человека, который к ним обращается. Вступительным словом президент формирует у целевой аудитории – коллектива компании – представление о «повестке дня». Так, в первом номере журнала за 2013 г., слово президента компании опубликовано под заголовком «Важная веха на пути к будущему» ("A mile stone on the road to the future"). Логично предположить, что статья будет посвящена обзору итогов прошедшего года и достижениям компании в ушедшем году. Действительно, президент отмечает такие важные достижения, как:

– представление информации об обновленном портфолио компании, получившем прекрасные отзывы: "Marking a crucial milestone on our road to the next generation of Volvo models... we recently unveiled the biggest-ever renewal of our product portfolio. We decided to invite the international media... so we could provide a more in-

¹ См.: Hansson S. One Finance piece by piece // Agenda Magazine. 2013. No. 3. P. 6.

² См.: Tiger J. One-Touch Connection // Agenda Magazine. 2013. No. 1. P. 27.

³ См.: Safety Jubilee // Agenda Magazine. 2014. No. 2. P. 13.

depth presentation of our cars. This resulted in more than 1,800 news articles and many positive comments about our new models”;

– новый проект одновременного производства шести новых моделей: *“Six new cars at one and the same time, with a total of 4,000 new parts, is a major industrial project”*;

– увеличение продаж: *“With increased revenues we can continue to balance financial investments and technological advances for the future, thus growing as a company”*;

– высокий спрос на модели, которые компания уже производит: *“The V40, V40 Cross Country and V60 Plug-in Hybrid attract considerable attention and sales are healthy. For the V40 the forecast right now is above planned annual volume... and for the Plug-in Hybrid, there is greater demand than we can presently meet”*.

Все значимые события года, отмеченные президентом компании, отражаются затем в материалах номера.

Экспрессивность вступительного слова главы компании проявляется и в повествовании от первого лица. Используя местоимение первого лица единственного числа, автор, а в данном случае это глава компании, придаёт личностный оттенок речи, что усиливает её действенность: *“I have considerable faith in the collective experience we have in house...”; “I’m happy to confirm that your performance will be rewarded...”; “I believe we can grow by a good 5 percent this year...”*¹.

В большей части вступительного слова используются личные и притяжательные местоимения первого лица множественного числа, что создаёт эффект обобщения и единения автора и его аудитории: *“We are taking steps to reverse this and I am confident we will succeed...”; “In order to succeed we must all raise our sights and see the whole picture...”; “Our team in China is growing and it is more important than ever that we maintain a constant and open dialogue, one that befits a global operation such as our”*².

¹ См.: Samuelsson H. A milestone on the road to the future // Agenda Magazine. 2013. No. 1. P. 2.

² Там же.

Интервью с сотрудниками компании, демонстрирующие активность сотрудников и рядовых работников, вовлекают читателя в диалог о разных аспектах деятельности компании и представляют собой ещё одну личностную форму повествования. Интервью – беседа между журналистом и героем интервью, который является главным лицом в диалоге и представляется авторитетным человеком для целевой аудитории [5, с. 1109].

Интервью с сотрудниками компании “Volvo” публикуются под рубрикой «Пять вопросов» (“5 questions for”). Каждое интервью занимает одну страницу, всегда сопровождается большой фотографией человека, с которым оно проводилось. Кроме того, всегда указываются и персональные данные – не только занимаемая должность в компании, но и место рождения, состав семьи, интересы и любимая марка машины компании. Таким образом, достигается эффект сокращения дистанции между читательской аудиторией и руководством компании. Руководитель компании воспринимается не только как начальник, но и как человек, живущий по соседству, имеющий семью, увлекающийся кулинарией, музыкой или рыбалкой и тоже водящий Volvo.

Такой подход играет важную роль в объединении сотрудников компании. Он облегчает процесс управления персоналом, доведения до него важной информации, продвижения корпоративной культуры, т. к. проблемы, обсуждаемые в интервью, рассматриваются уже не как приказы свыше, но как ценный опыт более компетентного коллеги.

С точки зрения синтаксиса в анализируемых текстах можно выделить следующие приёмы выражения экспрессивности:

1) инверсия: *“Just how are we to know what decisions we are taking”; “At the front of each box are motion detectors lights that register if the correct part has been picked”*;

2) эмфатические конструкции: *“It is we who create our future”; “It was an idea*

that prompted some surprise"; "...it is the customer's wishes that are in firm focus in the project";

3) парцелляция: "XC60, S60, V60, S80, V70, XC70. Six renewed cars"; "Tauter, more robust, more urban feel. A clearer stance";

4) лексическая анафора: "We asked ourselves how we would fit it all in time-wise and how we would manage to focus on so many cars at the same time"; "...it's better for Volvo Cars, better for our dealers and much better for the customer";

5) эпифора: "Is that what you're talking about? I was talking about this!"; "Customers are calling, friends are calling, former friends are calling – and to be honest, they don't only call me";

6) риторический вопрос: "Is this good enough? Is this something on which we want to put the Volvo seal of approval?";

7) парантеза (вводные конструкции и предложения): "The range of wheels – an important market sector for the company – has been expanded".

Один из способов выражения экспрессивности на лексическом уровне – использование фразеологизмов, т. е. устойчивых словосочетаний, постоянных по лексическому составу, грамматической структуре и значению (переносно-образному), которое не выводится из значения составляющих фразеологизм компонентов, а также воспроизводимых в речи в качестве готовых и целостных единиц: "Those companies that are successful have built up their operations brick by brick"; "...wear securing the company's transformation step by step"; "...focus on cost means that we are now back in black figure"; "The scene is now set for a successful launch of the all-new XC90 later this year".

Кроме того, обращает на себя внимание использование прилагательных, которые благодаря неопределённому предметно-логическому значению и большой модальной нагруженности обладают высокой экспрессивностью.

Заметим, что в анализируемых текстах активно используются «субъективно-оценочные прилагательные широкой семантики» [14, с. 376] (*wonderful, crucial, significant, nice, great* и др.), обладающие, кроме предметно-логических, экспрессивно-усилительными значениями ("intensives"). Часто используется прилагательные и наречия в сравнительной степени: *Lower material costs, higher quality, greater tolerance, more efficient, more powerful, more intelligent*.

Подводя итог, укажем, что в корпоративных журналах для сотрудников экспрессивность выражается как языковыми, так и неязыковыми способами. Грамматически экспрессивность выражается на синтаксическом уровне при помощи различных стилистических фигур и неопределённо-личных синтаксических конструкций. Экспрессивность на лексическом уровне выражена при помощи прилагательных, обладающих экспрессивно-усилительными значениями, степеней сравнения прилагательных и наречий, фразеологизмов. Кроме того, экспрессивность выражается варьированием форм повествования и использованием коммуникативной технологии сторителлинга.

На всех языковых уровнях экспрессивность служит акцентированию ценностных характеристик корпоративных отношений. Тематический анализ историй, их структуры показывает, что в журналах для сотрудников экспрессивность носит этический характер и подчёркивает высокие моральные качества компании и её персонала.

Таким образом, цель экспрессивности в журналах для сотрудников – оказание манипулятивного воздействия на целевую аудиторию (сотрудников). Экспрессивность используется как средство создания положительного имиджа организации и формирования лояльного к ней отношения персонала.

Статья поступила в редакцию 03.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка: сборник научных работ. Л.: ЛГПИ, 1975. С. 3–24.
2. Баловнева И. Н. Колонка редактора: возвращение жанра // Наука и современность. 2010. № 4–2. С. 82–86.
3. Варакин В. С. Сторителлинг как инструмент информационного моделирования социальной действительности // Социальная миссия журналистики: реалии и прогнозы: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. Архангельск : САФУ, 2014. С. 92–99.
4. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 349–371.
5. Долгина Е. С., Веснина М. А. Интервью: понятие, цель, задачи, функции // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 1109–1111.
6. Зотова А. Б. К вопросу о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 6 (50). С. 14–17.
7. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. М.: МГУ, 2008. 192 с.
8. Лукьянова Н. А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. 1979. Вып. 8. С. 13–16.
9. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Как уходят жанры: передовая статья // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. Пермь: Изд-во Пермского государственного университета, 2009. С. 132–138.
10. Менджерицкая Е. О. Особенности национального публицистического дискурса // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 9. М.: МГУ, 1999. С. 52–58.
11. Минаева Л. В. Внутрикорпоративные связи с общественностью. Теория и практика. М.: Аспект-Пресс, 2010. 287 с.
12. Новичкова А. В., Воскресенская Ю. В. Сторителлинг как современный инструмент управления персоналом // Наукоедение: интернет-журнал. 2014. № 6 (25). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/39EVN614.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).
13. Писарев Д. С. Функционирование восклицательных предложений в современном французском языке и их прагматический аспект // Прагматические аспекты функционирования языка. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 114–125.
14. Скидан О. Г. Лексические особенности выражения экспрессивности в английском языке // Культура народов Причерноморья. 2003. № 37. С. 375–378.
15. Стернин И. А. О трех видах экспрессивности слова // Структура лингвистилистики и ее основные категории: межвузовский научный сборник статей. Пермь: Пермский госуниверситет, 1983. С. 123–127.
16. Телия В. Н. Семантика экспрессивности // Семантические категории языка и методы их изучения. Ч. 1. Уфа: Башкирский государственный университет, 1985. С. 85–86.
17. Тертычный А. А. Колонка редактора. Слово о главном // Журналист. 2003. № 4. С. 78–81.
18. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. 190 с.
19. Шевченко С. Е. Функциональная категория экспрессивности и ее реализация модификатора // Вопросы филологии. 2000. Вып. 6. С. 81–85.

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. [Interpretation of a literary text: types of extension and the problem of expressivity]. In: *Ekspressivnye sredstva angliiskogo yazyka* [Expressive means of the English language]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 1975, pp. 3–24.
2. Balovneva I. N. [Editor's column: the return of the genre]. In: *Nauka i sovremennost'* [Science and Modernity], 2010, no. 4–2, pp. 82–86.
3. Varakin V. S. [Storytelling as a tool for information modeling of social reality]. In: *Sotsial'naya missiya zhurnalistiki: realii i prognozy* [Social mission of journalism: realities and prospects: proceedings of academic conference]. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University Publ., 2014, pp. 92–99.

4. Gak V. G. [Statement and situation]. In: *Problemy strukturnoi lingvistiki. 1972* [Issues of structural linguistics. 1972]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 349–371.
5. Dolgina E. S., Vesnina M. A. [Interview: concept, goal, objectives, functions]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2015, no. 7, pp. 1109–1111.
6. Zotova A. B. [On the correlation of the categories “emotionality”, “emotiveness”, “expressiveness”]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2010, no. 6 (50), pp. 14–17.
7. Kolesnichenko A. V. *Prakticheskaya zhurnalistika* [Practical journalism]. Moscow, Moscow State University Publ., 2008. 192 p.
8. Luk'yanova N. A. [On semantics and types of expressive lexical units]. In: *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Main issues of lexicology and word formation], 1979, no. 8, pp. 13–16.
9. Maidanova L. M., Chepkina E. V. [How genres disappear: editorial]. In: *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Vip. 13* [Stereotype and creativity in the text. Iss. 13]. Perm, Perm State University Publ., 2009, pp. 132–138.
10. Mendzheritskaya E. O. [Features of national journalistic discourse]. In: *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya. Vip. 9* [Language. Consciousness. Communication. Iss. 9]. Moscow, Moscow State University Publ., 1999, pp. 52–58.
11. Minaeva L. V. *Vnutrikorporativnye svyazi s obshchestvennost'yu. Teoriya i praktika* [Intracorporate public relations. Theory and practice.]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2010. 287 p.
12. Novichkova A. V., Voskresenkaya Yu. V. [Storytelling as Modern Personnel Management Tool]. In: *Naukovedenie: internet-zhurnal* [Studying of Science: e-journal], 2014, no. 6 (25). Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/39EVN614.pdf> (accessed: 20.03.2020).
13. Pisarev D. S. [The functioning of exclamatory sentences in modern French and their pragmatic aspect]. In: *Pragmaticheskie aspekty funktsionirovaniya yazyka* [Pragmatic aspects of the functioning of the language]. Barnaul, Altai State University Publ., 1983, pp. 114–125.
14. Skidan O. G. [Lexical features of expressiveness in English]. In: *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Black Sea peoples], 2003, no. 37, pp. 375–378.
15. Sternin I. A. [About three types of word expressiveness]. In: *Struktura lingvostilistiki i ee osnovnye kategorii* [The structure of linguistic stylistics and its main categories]. Perm, Perm State University Publ., 1983, pp. 123–127.
16. Teliya V. N. [Semantics of expressivity]. In: *Semanticheskie kategorii yazyka i metody ikh izucheniya. Ch. 1* [Semantic categories of language and methods of their study. Part 1]. Ufa, Bashkir State University Publ., 1985, pp. 85–86.
17. Tertychnyi A. A. [Editor's column. A word about the main]. In: *Zhurnalist* [Journalist], 2003, no. 4, pp. 78–81.
18. Shakhovskiy V. I. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1987. 190 p.
19. Shevchenko S. E. [Functional category of expressivity and its implementation by modifiers]. In: *Voprosy filologii* [Questions of Philology], 2000, no. 6, pp. 81–85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гвозданная Надежда Вячеславовна – старший преподаватель кафедры международной коммуникации факультета мировой политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

e-mail: gvozdannaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda V. Gvozdannaya – senior lecturer, department of international communication school of world politics, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: gvozdannaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гвозданная Н. В. Выражение экспрессивности в корпоративных изданиях для персонала // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 71–82.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-71-82

FOR CITATION

Gvozdannaya N. V. The expression of expressiveness in magazines for employees. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 71–82.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-71-82

УДК81`42

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-83-91

МЕДИАТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА “FOREIGN AFFAIRS”)

Хафизова А. А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель исследования – изучение использования стилистических выразительных средств в аналитических статьях американского издания “Foreign Affairs”.

Процедура и методы исследования. Проведён анализ языкового материала, выделены группы оценочной лексики, тематические группы, определена частотность их использования. Рассмотрены примеры употребления лексических и синтаксических средств в целях воздействия на читателя. В качестве методов исследования избраны методы контент-анализа, стилистического, семантического и аналитического анализа.

Результаты исследования. Сделан вывод о влиянии содержательной направленности издания на лексико-стилистические характеристики медиатекста. Ориентация на образованного читателя и чёткое следование корпоративной этике издания обуславливают использование метафор, аллюзий, фразеологических единиц.

Практическая и теоретическая значимость работы заключается в выявлении воздействующего потенциала стилистически окрашенной лексики и особой организации синтаксиса. Статья адресована лингвистам, изучающим средства выразительности в медиатексте.

Ключевые слова: медиастилистика, политический дискурс, медиатекст, политическая лингвистика, международные отношения

MEDIA TEXT AS AN OBJECT OF LEXICAL STYLISTIC RESEARCH (BASED ON ANALYTICAL ARTICLES OF “FOREIGN AFFAIRS” JOURNAL)

A. Khafizova

*Kazan Federal University
18 ulitsa Kremlyovskaya, Kazan 420008, Russian Federation*

Abstract.

The purpose of the research is to study the use of stylistic expressive means in the American journal “Foreign Affairs”.

Methodology and Approach. The analysis of linguistic material was conducted, groups of evaluative vocabulary and thematic groups were formed, frequency of their usage was determined. Examples of lexical and syntactical stylistic devices used to produce a certain impact on the reader are presented. The research methods applied are methods of content analysis, stylistic, semantic and analytical analysis.

Results. The result of the study is that the policy and content of the journal defines the lexical stylistic features of the media text. Addressing to a well-educated reader and sticking to corporate culture of the journal determines the usage of metaphors, allusions and phraseological units.

Theoretical and Practical implications. The research defines the impact potential of stylistically coloured vocabulary and syntax. The article is addressed to those who study expressive means of a media text.

Keywords: media stylistics, political discourse, media text, political linguistics, international relations

Введение

Массовая коммуникация – социально-значимая сфера общественно-речевой практики, где средства массовой информации (далее – СМИ) выступают в роли посредника в восприятии человеком окружающего его мира. Мир символов и стоящих за ними образов, создаваемый СМИ, должен восприниматься читателем как непосредственно ощущаемая и переживаемая им действительность [3, с. 5]. Известно, что цель СМИ – это в первую очередь воздействие на сознание читателя. И процесс коммуникации можно считать успешным, если эта цель достигнута.

Как отмечает Н. И. Клушина, медиадискурс – это совокупность текстов, созданных журналистами и транслируемых на массовую аудиторию через различные медийные каналы (газеты, журналы, телевидение, радио, интернет); т. е. медиадискурс – это система медиатекстов. Интенция медиадискурса: информировать, убеждать или развлекать [2, с. 31–32].

Для формирования общественного мнения используются различные лингвистические стратегии и тактики. Коммуникативным стратегиям и тактикам, применяемым в медиадискурсе, посвящён ряд научных работ (Т. А. Воронцова, О. С. Иссерс, М. Н. Кормилицина, О. Н. Паршина и др.), в которых подробно представлены коммуникативно-стилистические способы достижения запланированного адресантом (журналистом или политиком) перлокутивного эффекта [2, с. 107].

Тексты СМИ отличает их документальный характер. Вместе с тем реальность, отражённая в медиатексте, не есть сама эта реальность. Автор публикуемого материала преподносит факты действительности с учётом различных факторов. Картина мира, воссоздаваемая

языковыми средствами, интерпретируется с учётом личной позиции и взглядов автора, политических установок издания, для которого написана статья (т. н. корпоративной этики издания). Таким образом, СМИ выполняют определённый социальный и политический заказ [3, с. 15]. Например, Н. И. Клушина делит публицистические тексты на тексты оппозиционные (в которых доминирует стратегия дискредитации), комплиментарные (с выраженной апологетической стратегией) и нейтральные (с невыраженной стратегией или же с имплицитной) [2, с. 108]. Медиатексты нередко обретают форму идеологий, способных активно воздействовать на человека. Как утверждает О. В. Тимашева, информационное манипулирование сознанием является наиболее динамичным и претендующим на глобальный эффект интегральным антипозитивным способом взаимодействия культур. Расчёт делается на интеллектуальную неразборчивость получателя информации, формирование нужной картины мира при этом усиливается с помощью знаковых средств, в частности, стилевых и лексических особенностей языка [5, с. 179].

Знаковые формы воплощения идеологических установок, общественно-политических настроений общества в текстах СМИ вызывают закономерный исследовательский интерес. В связи с этим изучение медиатекстов с точки зрения стилистики остаётся актуальным. Цель данного исследования состоит в выявлении и систематизации стилистических выразительных средств в медиадискурсе на примере аналитических статей издания “Foreign Affairs”. С одной стороны, язык СМИ обладает определённым единством, целостностью, что обусловлено особенностями речепотребления в сфе-

ре массовой коммуникации, заданностью форм, устойчивой тематической структурой, а с другой – для него характерна достаточная степень функционально-стилевой разнородности, что отражает универсальность тематики, открытость и подвижность текста массовой информации в смысле его взаимодействия с другими сферами речеупотребления. Именно такая двойственность, как конструктивное единство и функционально-стилистическое разнообразие, и составляет важнейшую особенность языка массовой информации вообще, которая позволяет определить его как особый вид функционально-стилевых единств. Язык СМИ стилистически неоднороден, синкретичен в плане использования устной и письменной форм речи, характеризуется взаимопроникновением стилей и их разновидностей, размытостью стилиевых границ [1, с. 28–29]. В стилистической системе литературного языка он занимает особое, среднее, центральное положение [6, с. 11].

Лексические характеристики медиатекста

Различные издания общественно-политического характера содержат официальные материалы, освещают широкий круг вопросов внутренней, внешней и международной политики. Часто они рассчитаны на высокообразованного читателя, вместе с тем медиакommunikация осуществляется с учётом идеологических, коммерческих или иных целей самого СМИ [3, с. 15]. В связи с этим издание “Foreign Affairs” – американский журнал по тематике международных отношений и внешней политики США – представляет интерес для лингвистического исследования. Журнал имеет давнюю историю, был основан в 1922 г. и является одним из авторитетных в вопросах внешней политики США. Издание представляет собой международный форум для анализа и дискуссии наиболее значимых общественных и политических вопросов.

Материалом послужили аналитические политические статьи, опубликованные в 2018 г., отражающие такие злободневные мировые проблемы, как борьба с терроризмом, ситуация на Ближнем Востоке, геополитическая расстановка сил великих держав, защита киберпространства, а также влияние экологических проблем на мировую экономику и международные отношения. В ходе исследования были использованы методы контент-анализа, стилистического анализа, семантического и аналитического анализа.

Обратимся к текстовым примерам. Статья, посвящённая такому явлению, как изменение климата, начинается с перечисления проблем, которые угрожают мировому порядку. *“The world seems to be in a state of permanent crisis. The liberal international order is besieged from within and without. Democracy is in decline. A lackluster economic recovery has failed to significantly raise incomes for most people in the West. A rising China is threatening U.S. dominance, and resurgent international tensions are increasing the risk of a catastrophic war”*¹. – «Мир, кажется, находится в состоянии перманентного кризиса. Либеральный международный порядок осаждаётся изнутри и снаружи. Демократия находится в упадке. Восстановление застойной экономики не смогло обеспечить значительного роста доходов для большинства жителей Запада. Преуспевающий (нарастающий) Китай угрожает доминированию США, а набирающие силу международные напряжённые ситуации повышают риск катастрофической войны» (здесь и далее перевод наш – А. Х.).

Автор статьи обращается к такому стилистическому приёму, как градация, используя эмоциональную лексику пейоративного значения, представляя настоящее положение дел в чрезвычайно негативном свете. Так, перманентный кризис

¹ Busby J. Warming World. Why Climate Change Matters More Than Anything Else // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. No. 4. P. 49.

неизбежно приведёт к катастрофической войне, демократия придёт в упадок, восстановление застойной экономики не увенчалось успехом, а либеральный миропорядок осаждается со всех сторон.

В силу особой содержательной направленности издания, освещающего актуальные проблемы современных международных отношений, для статей журнала характерно наличие эмоционально-оценочной лексики, преимущественно пейоративного значения (*to implode* – терпеть крах, *disordered* – неупорядоченный, *stagnant* – застойный, *destitute* – бедный, обнищавший, *grinding poverty* – ужасающая нищета, *popular frustration* – недовольство населения, *popular insurgencies* – массовые беспорядки, *to be convulsed by internal turmoil and poverty* – содрогаться от внутренних беспорядков и бедности, *barbaric and self-destructive leader* – варварский и саморазрушительный лидер, *to be disillusioned* – быть разочарованным, *unprepossessing start* – невзрачный старт, *to confound expectations* – не оправдать ожиданий и др.). Наиболее распространённым синтаксическим соединением в данной группе является конструкция ‘прилагательное’ + ‘существительное’.

Тематические группы лексических единиц

В результате анализа статей журнала “Foreign Affairs” были выделены различные тематические группы лексических единиц, например, слова и выражения, обозначающие соперничество, демонстрацию силы и власти, оппозицию порядок / беспорядок.

Следующие лексические единицы можно причислить к оппозиции порядок / беспорядок: *to stem the unrest* – сдерживать беспорядок, *to generate new frustrations* – вызвать новые беспокойства, *to undermine the rest* – подорвать порядок, *disordered* – неупорядоченный, *to dissolve* – распасться, *to exacerbate divisive consequences* – обострить, усугубить раскольнические последствия, *popular insurgencies*

– массовые беспорядки, *to be convulsed by internal turmoil and poverty* – содрогаться от внутренних беспорядков и бедности.

К тематической группе «война и конфликт» можно отнести следующие выражения: *to devolve into civil war* – превратиться в гражданскую войну, *upheaval* – переворот, *proxy conflicts* – опосредованные конфликты, *flash points* – точки возгорания, горячие точки, *proxy struggles* – опосредованная борьба, *to wage war with clean hands* – вести войну чистыми руками, *atrocities* – кровавые преступления, *insurgencies* – беспорядки, *to turn into a rout* – превратиться в бунт, *to bloody an ally* – запачкать кровью союзника, *to be embroiled in civil war* – быть втянутым в гражданскую войну, *an open-ended war* – бесконечная война, *military coup* – военный переворот, *a clash with smb.* – конфликт, столкновение с кем-либо, *to stumble into war* – ввязаться в войну, *to be entrapped in a wider conflict* – быть втянутым (заманить в ловушку) в больший конфликт и т. д. Данная группа является наиболее многочисленной, очевидно, в силу содержательной направленности издания “Foreign Affairs”.

Среди лексических единиц можно выделить тематическую группу «соперничество»: *rivalries* – борьба, соперничество, *competitors* – соперники, *challengers* – соперники, *antiestablishment movements* – оппозиционные движения, *internal contradictions* – внутренние противоречия, *to confront the other as a peer* – противостоять на равных, *to make inroads into its opponent's turf* – пробиться на рынки (в зону влияния) соперника, *all-encompassing rivalry* – всеохватывающее соперничество, *intense economic competition* – напряжённое экономическое соперничество, *to fall at each other's throats* – вцепиться друг другу в глотку, *political betrayal* – политическое предательство.

Группу «сила и мощь» можно представить следующими лексическими единицами: *to power forward* – мощно наступать, *an economic takeoff* – рывок в экономике, *to*

seize by force – захватить силой, *to overturn apartheid* – свергнуть апартеид, *to harvest globalization's benefits* – пожинать плоды глобализации, *to turbocharge the process* – дать толчок, *global military domination* – всемирное военное доминирование, *to project power in all directions* – демонстрировать военную силу во всех направлениях, *robust liberal democracy* – крепкая либеральная демократия, *intrgrated world* – объединённый мир, *to project power abroad* – демонстрировать военную мощь за границей, *to gain the upper hand* – получить преимущество, *to exercise a magnetic pull on other countries in the region* – демонстрировать угрозу другим странам региона, *relentlessly recaptured territory* – безжалостно вновь захватить территорию, *displacement* – смещение, *a hint of retreat* – намёк на отступление.

Сравнительно небольшую группу составляют слова тематической группы «преимущество»: *to leap at the opportunity* – ухватиться за возможность, *to garner support* – получить, заручиться поддержкой, *to gain the upper hand* – получить преимущество, *authoritarian competitors gain ground* – авторитарные соперники укрепляют своё положение, *to move onward and upward* – прогрессировать.

В литературе о медиадискурсе выделяют термин «медиаобраз», который можно определить как совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ. Медиаобраз является отражением реального мира в сознании автора статьи, переданным средствами медиакommunikации в форме медиатекста. Медиаобраз может оказывать экспрессивное воздействие на чувства и разум адресата, в сознании которого складывается картина мира, не всегда имеющая много общего с реальной действительностью [4, с. 155]. Весьма интересно в издании “Foreign Affairs” представлены описания политических режимов той или иной страны. Например, Китай характеризуется, как страна жестокого и корумпирован-

ного авторитарного режима (*thuggish and corrupt authoritarian regime*), Россия – как страна бандитской клептократии (*regime of gangster kleptocracy*), а китайский государственный и политический деятель Мао Цзэдун назван журналом “Foreign Affairs” одним из наиболее саморазрушительных лидеров в истории (*one of the most barbaric and self-destructive leaders in history*)¹. Как утверждают исследователи, подобные сравнения часто гиперболичны, сопровождаются прилагательными или наречиями в превосходной степени и нацелены на то, чтобы вызвать чувство страха и беспокойства у адресата [7].

Экспрессивные средства создания перлокутивного эффекта

Будучи ориентированными на образованного читателя, авторы статей используют метафорическое переосмысление известных понятий, обращаются к аллюзиям, фразеологическим единицам, часто подвергая их контекстуальным трансформациям, делая медиатекст более богатым и эмоционально насыщенным, тем самым достигая поставленной задачи, а именно – воздействия на сознание адресата.

В статье “Realist World. The Players Change, but the Game Remains”, посвящённой геополитической расстановке сил великих держав, автор обращается к такому приёму, как аллюзия, описывая оппозиционные движения: “*And in the decade following, antiestablishment movements have grown like Topsy*”². Ссылаясь на популярный роман XIX в. американской писательницы Гарриет Бичер Стоу «Хижина дяди Тома» (1852), автор статьи упоминает юную героиню – рабыню Топси, которая говорила, что «просто взяла и выросла». Выражение *to grow like Topsy*

¹ Kotkin S. Realist World. The Players Change, but the Game Remains // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. No. 4. P. 10–15.

² Kotkin S. Realist World. The Players Change, but the Game Remains // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. No. 4. P. 11.

стало означать быстрый, часто неконтролируемый рост: *to grow very fast, particularly in an unplanned or uncontrolled way*¹. Выражение *'just grew (like Topsy)'* в "Oxford Dictionary of English Idioms" трактуется следующим образом: *'(saying) a person, institution, custom etc. has come into existence nobody knows when and how'*².

В этой же статье автор использует метафорический перенос, называя Тайвань процветающим Азиатским тигром (*the thriving Asian tiger*). И продолжая эту тему, подчёркивая привлекательность Тайваня для Китая, автор задаёт вопрос: *"Will an increasing powerful Beijing stand by and watch its long-sought prize slip away?"*³ – «Будет ли набирающий обороты Пекин стоять в сторонке и наблюдать, как ускользает его долгожданный приз?»

Ряд интересных авторских лингвистических решений представляют собой следующие примеры: *a "cyber – Pearl Harbor"* – обширная цифровая атака, которая может парализовать критически важные объекты инфраструктуры; *China's Great Firewall* – Золотой Щит или Великий межсетевой защитный экран, который отслеживает, что читают пользователи в интернете (по аналогии с Великой Китайской Стеной); *"halal net"* – система ограниченного доступа в интернет в Иране.

Авторский намёк на общеизвестные литературные, в нашем случае на мифологические, персонажи представлен в следующих примерах: *some fundamentally new chimera* – некая совершенно новая несбыточная мечта (фантазия); *only a few Cassandras pointed out that culture was more powerful* – лишь немногие прорицатели указывали на то, что культура является более влиятельной; сочетание

исторического образа гладиатора и сленга демонстрирует следующий пример: *For today's gladiators to buck the odds and avoid falling at each other's throats like most of their predecessors did, how ever, four things will be necessary*⁴. – «Однако сегоднешним гладиаторам понадобится четыре вещи, чтобы попытаться искушить судьбу и не вцепиться друг другу в глотку, как большинство их предков».

С целью усиления экспрессивной окраски публицистического текста авторы статей нередко обращаются к фразеологии.

*Officials quickly learn that they stand a better chance of being heard and carrying the day*⁵. – «Чиновники быстро понимают, что у них есть хорошие шансы, быть услышанными и одержать победу».

*The natural response of authoritarian regimes in crises is to tighten their grip at the top*⁶. – «Естественной реакцией авторитарных режимов на кризисы является усиление хватки на верхах».

*The United Arab Emirates took a back seat in Syria*⁷. – «ОАЭ заняли скромное положение (отошли на задний план) в Сирии».

Стоит отметить, что авторы статей обращаются к фразеологическим единицам (далее – ФЕ) довольно часто: *to run rough shop over other countries* – держать в ежовых рукавицах, *to buck the odds – sl.* искушать судьбу, *to get its house in order domestically* – навести порядок у себя (внутри страны), *to call one's future power into question* – ставить под сомнение будущую власть, *a stark choice* – суровый, неизбежный.

¹ См.: *Grow like Topsy* // The Free Dictionary: [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/grow+like+Topsy> (дата обращения: 16.01.2020).

² См.: *Just grew (like Topsy)* // Cowie A. P. Oxford Dictionary of English Idioms. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 327.

³ Kotkin S. Realist World. The Players Change, but the Game Remains // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. No. 4. P. 13.

⁴ Kotkin S. Realist World. The Players Change, but the Game Remains // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. No. 4. P. 15.

⁵ Malley R., Finer J. The Long Shadow of 9/11. How Counterterrorism Warps U.S. Foreign Policy // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. No. 4. P. 65.

⁶ Kotkin S. Realist World. The Players Change, but the Game Remains // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. No. 4. P. 14.

⁷ Lynch M. The New Arab Order Power and Violence in Today's Middle East // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. No. 5. P. 112.

ный выбор, *authoritarian competitors gain ground* – авторитарные соперники укрепляют своё положение, *to move onward and upward* – прогрессировать, *to gain the upper hand* – получить преимущество, *to test the waters* – разведать обстановку, *but that ship has sailed* – но поезд ушёл. Названные ФЕ принадлежат к сфере политики и власти.

Введение в текст журнальной статьи контекстуально-трансформированных ФЕ позволяет обыграть устойчивые выражения, обнаружить новые смыслы, передать дополнительную информацию, вызвать новые ассоциации и эмоции у читателя. Подобная творческая обработка фразеологизмов придаёт им новую экспрессивную окраску, усиливает их выразительность. В следующем предложении использован приём замены компонента: *Australia happens to be smack in the path of China's expansion*¹. *Smack in the eye* – неудача, неприятность, досада.

Замена компонента характерна и для ФЕ *hack-by-hack approach* (досл. атака за атаку), при описании кибер-атак в интернете; ФЕ образована по аналогии известного выражения *око за око* или *eye for eye, tooth for tooth*.

Изменение привычной сферы обращения выражения *rules of the road* (досл. правила дорожного движения) происходит под влиянием общего контекста статьи, посвящённой мерам безопасности в интернете. Как утверждает автор статьи, теперь под этим выражением следует понимать нормы поведения в интернет-пространстве в мирное время *'norms of conduct in cyberspace during peacetime'*².

Особая организация синтаксиса в политических статьях также способствует созданию экспрессивности и отражению проблемного разнопланового характера

раскрываемой тематики. Для журнала "Foreign Affairs" характерно наличие параллельных конструкций, в частности, антитезы, градации и др. Постановка предложений в вопросительной форме подчёркивает неоднозначный характер исследуемого явления и заставляет читателя искать ответы на поставленные задачи.

Употребление контекстуальных антонимов способствует раскрытию противоречивой сущности предметов и явлений, выразить контраст и показать полноту охвата явлений, придать яркую экспрессию и усилить эмоциональность медиатекста: *To understand the world of tomorrow, look back to yesterday. / Diminished but enduring Russian power in Eurasia. / Germany at the core of a strong but feckless Europe. / A distracted U.S. giant, powerful enough to lead but wavering about doing so. / Chinese power collapsed and American power skyrocketed. / Authoritarianism is all-powerful yet brittle, while democracy is pathetic but resilient. / Right now, the United States' debasement is giving China a boost. / And although the United States has brought the Sunni Gulf States into increasingly open alignment with Israel, this effort has been undermined by the Emirati and Saudi clash with Qatar.*

Заключение

Проанализированный материал позволил сделать следующие выводы.

1. Медиатексты, представленные в издании "Foreign Affairs", выполняют функцию информирования, воздействия, нацелены на манипулирование сознанием читателей.

2. Содержательный анализ рассмотренных аналитических статей позволяет выделить следующие тематические группы лексических единиц: соперничество, демонстрация силы и власти, оппозиция порядок / беспорядок, сила и мощь, преимущество, война и конфликт (является наиболее многочисленной). Освещение актуальных проблем международных отношений определяет наличие эмоци-

¹ Kotkin S. Realist World. The Players Change, but the Game Remains // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. No. 4. P. 14.

² Flournoy M., Sulmeyer M. Battlefield Internet. A Plan for Securing Cyberspace // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. No. 5. P. 44.

онально-оценочной лексики преимущественно пейоративного значения.

3. На содержательном и стилистическом уровне большую роль играет представление информации в медиатексте, а именно: освещение основных с точки зрения редакции издания материалов (событий, проблем, персоналий) под определённым аналитическим взглядом, т. е. влияние корпоративной этики журнала на содержание материалов статей. Таким образом, можно сказать, что статьи “Foreign Affairs” сочетают материалы оппозиционного, комплиментарного и нейтрального (часто вуалированного) характера, отражая современную геополитическую обстановку. Происходит выстраивание собственной медиареальности, способной с помощью медиainterпретации событий формировать общественное мнение, влиять на ход политической жизни, оказывать идеологическое воздействие, создавать имидж политических деятелей и стран.

4. Ориентация на образованного читателя определяет широкое использование метафорического переосмысления известных понятий (особенно в назывании стран или событий), аллюзий, основанных

на образах из литературы и мифологии, часто оригинальных и нетривиальных.

5. Лексико-семантические и синтаксические стилистические средства играют важную роль в оказании воздействия на читателя. Наиболее распространённым в журнале “Foreign Affairs” является использование: контекстуальных антонимов, приёмов антитезы, градации, с целью выражения контраста, придания экспрессии; фразеологических единиц, в том числе контекстуально-трансформированных, что способствует созданию новых ассоциаций и усиливает выразительность медиатекста.

6. Выявление воздействующего потенциала стилистически окрашенной лексики и особой организации синтаксиса определяют теоретическую и практическую значимость проведённого исследования. В качестве перспективы дальнейшего изучения можно наметить рассмотрение типологии метафор, аллюзий, эвфемизмов, в том числе в сравнительном аспекте на основе медиатекстов на других языках, а также особенностей их перевода.

Статья поступила в редакцию 14.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 203 с.
2. Клушина Н. И. Медиастилистика: монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 184 с.
3. Мардиева Л. А. Виртуальная действительность: вербальные и невербальные репрезентации образов визуального поведения в текстах средств массовой информации. Казань: Отечество, 2015. 278 с.
4. Минаева Л. В. Речь в мире политики: монография. М.: Аспект Пресс, 2019. 224 с.
5. Тимашева О. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2016. 192 с.
6. Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Издательство Московского университета, 2012. 952 с.
7. Flusberg St. J., Matlock T., Thibodeau P. H. War Metaphors in Public Discourse // *Metaphor and Symbol*. 2018. Vol. 33. Iss. 1. P. 1–18.

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya T. G. *Medialinguvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of language media]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008. 203 p.
2. Klushina N. I. *Mediastilistika* [Medialinguistics]. Moscow, FLINTA Publ., 2018. 184 p.

3. Mardieva L. A. *Virtual'naya deistvitel'nost': verbal'nye i neverbal'nye reprezentatsii obrazov vizual'nogo povedeniya v tekstakh sredstv massovoi informatsii* [Virtual reality: verbal and non-verbal representations of images of visual behavior in the media]. Kazan, Otechestvo Publ., 2015. 278 p.
4. Minaeva L. V. *Rech' v mire politiki* [Speech in the world of politics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2019. 224 p.
5. Timasheva O. V. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoj kommunikacii* [Introduction to the theory of intercultural communication]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 192 p.
6. Solganik G. Ya., ed. *Yazyk SMI i politika* [Language of media and politics]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2012. 952 p.
7. Flusberg St. J., Matlock T., Thibodeau P. H. War Metaphors in Public Discourse. In: *Metaphor and Symbol*, 2018, vol. 33, iss. 1, pp. 1–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хафизова Алсу Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета;

e-mail: alsou-f@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alsu A. Khafizova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of foreign languages in the sphere of international relations, Kazan Federal University;

e-mail: alsou-f@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хафизова А. А. Медиа-текст как объект лексико-стилистического исследования (на материале аналитических статей журнала “Foreign Affairs”) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 83–91.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-83-91

FOR CITATION

Khafizova A. A. Media text as an object of lexical stylistic research (based on analytical articles of “Foreign Affairs” journal). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 83–91.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-83-91

РАЗДЕЛ III. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-92-99

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФАНТАСТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ЖАНРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ»)

Низовцева Т. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель работы – исследование фантастических реалий в творчестве Стругацких.

Процедура и методы исследования. Специфика предмета исследования и поставленные задачи обусловили применение в работе описательно-аналитического, семантико-стилистического и сравнительно-сопоставительного методов.

Результаты исследования. Проведённый анализ повести «Пикник на обочине» показал, что используемые писателями фантастические реалии способствуют восприятию вымышленного мира. В статье обобщён новый материал по исследуемой теме, в научный оборот введены авторские фантастические реалии.

Теоретическая значимость состоит в систематизации представлений о переводе фантастических реалий на примере повести Стругацких «Пикник на обочине», уточнении такого понятия, как «фантастические реалии», а также в детальном анализе реалий на примере творчества Стругацких. **Практическая значимость** работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в курсах теории и практики перевода, сопоставительной лексикологии русского и английского языков, стилистики перевода.

Ключевые слова: фантастика, реалии, фантастический мир, писатели-фантасты, Стругацкие, «Пикник на обочине»

TRANSLATION OF FANTASTIC REALITIES FROM RUSSIAN INTO ENGLISH IN SCIENCE FICTION (BASED ON THE STORY BY A. AND B. STRUGATSKY “ROADSIDE PICNIC”)

T. Nizovtseva

Moscow Region State University

24 ulitsa Vera Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

The purpose of this paper is to study the fantastic realities in the work of the Strugatskys.

Methodology and Approach. the specifics of the subject of the study and the tasks set led to the use of the following methods: descriptive and analytical; semantic-stylistic and comparative.

Results. The analysis of the novel "Roadside Picnic" showed that the fantastic realities used by the writers contribute to the perception of a fictional world. The article summarizes new material on the topic under study, the author introduced fantastic science realities.

Theoretical and Practical implications. The theoretical significance lies in the systematization of ideas about the translation of fantastic realities on the basis of the Strugatskys' story "Roadside Picnic"; clarification of the concept "fantastic realities", as well as in a detailed analysis of realities in the work of the Strugatskys. The practical significance of the work lies in the fact that research materials can be used in courses of theory and practice of translation, comparative lexicology of Russian and English languages, and stylistics of translation.

Keywords: science fiction, realities, science fiction world, science fiction writers, Strugatsky, "Roadside Picnic"

Введение

Писатели Аркадий Натанович и Борис Натанович Стругацкие вошли в литературу как основатели философской фантастики. Как утверждает Ф. Тодоров, акцентируя внимание на особенностях фантастического повествования, характерным условием, определяющим стиль фантастики, являются «необычные события и явления»¹. Исследователь творчества Стругацких М. Амусин выделяет в их произведениях тему будущего, выражающуюся в конкретной смысловой нагрузке, определяемой реалиями [2, с. 53].

Постановка проблемы исследования. Поскольку в литературном произведении реалии создают колорит места и времени, отражают материальную обстановку и социальные условия жизни народа на конкретном историческом этапе развития [4; 5, с. 53], можно говорить о том, что анализируемые лексемы несут определённую смысловую и стилистическую нагрузку и требуют их детального исследования. Задачей исследования является изучение фантастических реалий в творчестве Стругацких, особенностей

адекватного переноса содержания и жанрового своеобразия повести «Пикник на обочине» с одного языка на другой с помощью основных методов перевода.

Цель исследования – провести переводческий анализ особенностей перевода фантастических реалий в повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине».

Для реализации поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) рассмотреть сущность понятия «реалии», выделив категорию «фантастические реалии»;

2) исследовать особенности и способы перевода фантастических реалий в современном языкознании;

3) провести анализ способов перевода фантастических реалий в повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и её переводе на английский язык.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые исследованы фантастические реалии в творчестве Стругацких с точки зрения лингвистических особенностей их межъязыковой передачи.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации представлений о переводе фантастических реалий на примере повести Стругацких «Пикник на

¹ Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Сто строк о фантастике // Знамя юности (Минск). 1985. 19 мая.

обочине», уточнении таких понятий, как «реалии» и «фантастические реалии», а также в детальном анализе реалий на примере творчества Стругацких при создании фантастического образа с применением описанных ранее способов перевода.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в курсах теории и практики перевода, стилистики и лексикологии английского языка, сопоставительной лексикологии русского и английского языков, стилистики перевода.

В работе применены следующие методы: описательно-аналитический использован для систематизации и классификации реалий, выделения группы фантастических реалий; семантико-стилистический применялся для проведения анализа языковых средств и стилистических особенностей жанрового своеобразия писателей-фантастов; сравнительно-сопоставительный использован для определения авторского подхода к передаче фантастического замысла при сопоставлении реалий.

Практический анализ фантастических реалий в творчестве братьев Стругацких

В произведениях Стругацких фантастические реалии – это новые смысловые единицы, позволившие фантастам осуществить переход от фантастики как средства пропаганды научных идей к фантастике как литературе, что и отличало жанровое своеобразие их произведений.

Фантастическая идея произведений Стругацких трактуется как способ лучшего выявления чувств, характеров и мыслей героев произведения, а фантастические реалии позволяют усилить данную идею.

Как подчёркивает И. В. Неронова, фантастические элементы в произведениях Стругацких влияют на описание героев, понимание фантастического замысла [6, с. 163].

Межъязыковая передача реалий фантастического мира в произведениях Стругацких осуществляется различными методами, к которым можно отнести транскрипцию, транслитерацию, описание и калькирование [1, с. 600].

Исследователем Е. М. Божко разработана классификация [3, с. 188], которую можно использовать при рассмотрении фантастических реалий произведений Стругацких. Теория классифицирования реалий и способов их перевода использована для детального анализа повести «Пикник на обочине» и подтверждения роли реалий при создании фантастического образа. Это произведение выбрано для анализа, так как в нём используется большое количество фантастических реалий, представляющих различные виды (см. также [7]).

В повести реалии придают эмоциональную нагрузку многоуровневому тексту с оригинальным взглядом на образ некоего пикника «на обочине космической дороги» [6, с. 52].

Общий корпус выявленных реалий составил 85, однако в ходе анализа было рассмотрено 22 реалии русского языка в переводе на английский язык, которые были отобраны как реалии, создающие точный фантастический образ (см. табл. 1).

Особого внимания заслуживают единицы, создающие семантический фон, но при этом не создающие фантастический образ. Указанные реалии передаются посредством транскрипции:

*«А вы, все прочие, стервятники, жабы, пришельцы, костлявые, **квотерблады**, паразиты, зелененькие, хрипатые...».*

Представленный пример содержит реалию **квотерблады**, которая выступает как способ передачи образа полицейских, охраняющих зону отчуждения от сталкеров, нарушающих запреты. Перевод реалии, предложенный Антониной Буи, делает текст более понятным, что обусловлено прозрачностью английской этимологии: *“And as for all of you, buzzards, toads, Visitors, Boneses, **Quarterblades**, bloodsuckers, greenbackers, Throaties”.*

Таблица 1 / Table 1

**Примеры фантастических реалий из повести «Пикник на обочине» /
Examples of fantastic realities from the story “Picnic on the roadside”**

№	Оригинал ¹	Перевод ²	Способ перевода
1	Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана? (с. 3)	I suppose that your first serious discovery, Dr. Pilman, should be considered what is now called the Pilman Radiant?	транслитерация
2	Денеб – это альфа созвездия Лебедя. (с. 4)	Deneb is the alpha star in Cygnas.	транслитерация
3	Дорогие хармонцы! (с. 4)	Dear Harmonities!	транслитерация
4	В КОПРОПО я вместе со своими коллегами представляю международную научную общность, когда заходит речь о контроле за выполнением решения ООН относительно интернационализации Зон Посещения. (с. 7)	On the commission my colleagues and I represent the international scientific community when questions come up on implementing UN decisions regarding the internalization of the Zones.	описательный способ
5	Вы, вероятно, имеете в виду сталкеров? (с. 7)	You probably mean stalkers?	транскрипция
6	...один сейф загрузил, запер и опечатал, теперь другой загружает – берет с транспортера «пустышки» , каждую со всех сторон осматривает... (с. 9)	...and sealed one safe and was loading up the other one – taking the empties from the transporter , examining each one from every angle...	описательный способ
7	В девять я закажу пропуска и «галошу» , а в десять благословясь выйдем. (с. 12)	I'll order the passes and the boot for nine and we'll set off at ten and hope for the best.	калькирование
8	Последний раз ночью я в Зону ходил три месяца назад, хабар уже весь почти сбыл и деньги почти все растратил. (с. 16)	The last time I had gone into the Zone at night was three months ago, and I had gotten rid of most of the stuff and had spent almost all of my money.	описательный способ
9	Желтая порода конусами, кауперы на солнышке отсвечивают, рельсы, рельсы, рельсы, на рельсах паровозик с платформами... (с. 21)	Yellow ore piled up in cone-shaped mounds, blast furnaces gleaming in the sun, rails, rails, and more rails, a locomotive with flatcars on the rails.	описательный способ
10	Это «ведьмин студень» из подвалов дышит. (с. 27).	That's the witches jelly breathing in the cellars.	описательный способ
11	Или «комариная плешь» где-нибудь здесь объявится – тут не то что костей, мокрого места не останется. (с. 34)	Or maybe the mosquito mangle would appear somewhere around here, then there wouldn't even be a little damp spot left of you.	описательный способ

¹ Здесь и далее текст произведения приводится по изданию: Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Пикник на обочине. М.: АСТ, 2015. 256 с. В скобках указаны номера страниц.

² Здесь и далее английский вариант текста представлен по источнику: Strugatsky Arkady and Boris. The Roadside Picnic / transl. A. W. Bouis. New York: MacMillan Publishing Co., 1977 // Lingualeo: [сайт]. URL: <http://lingualeo.com/ru/jungle/arkady-and-boris-strugatsky-roadside-picnic-439260#/page/1> (дата обращения: 21.06.2019).

Окончание таблицы 1

№	Оригинал	Перевод	Способ перевода
12	Гравиконцентраты ищешь? (с. 34)	Are you looking for graviconcentrates ?	транскрипция
13	...есть у нее такое устройство, курсограф , что ли, которое ведет «галошу» по тому же курсу, по какому она сюда шла. (с. 41)	...it has a mechanism, a course-graph , I guess you'd call it, that controls the boot and drives it exactly along the course it took coming in.	транскрипция
14	Короче говоря, выбрались мы из Зоны, загнали нас с «галошей» вместе в « вошебойку », или, говоря по-научному, в санитарный ангар. (с. 42)	In short, we got out of the Zone, and we were sent into the delouse – the scientists call it the medical angar.	описательный способ
15	Какого Вы мнения о турбоплатформах ? (с. 48)	How do you feel about turboplatforms ?	калькирование
16	Что в предзоннике делал? (с. 51)	What were you doing in the Pre-zone Area ?	калькирование
17	Аккумуляторы, «зуда», « черные брызги » и прочая бижутерия ему не нужна. (с. 63)	Batteries, itchers , black sprays , and other such baubles do nothing foe him.	описательный способ
18	А « смерть лампа » ему, случайно, не нужна? (с. 63)	How about some death lamps while he's at it?	описательный способ
19	А что Вы слышали о « рачьем глазе »? (с. 151)	And what have you heard about lobster eyes ?	описательный способ
20	Ну, а что Вы знаете о « тремучих салфетках »? (с. 151)	And what about rattling napkins ?	описательный способ
21	Торгует поддержанными автомобилями, и потом у него мастерская по переоборудованию автомашин на питание от « этаков ». (с. 153)	He sells used cars and he has a shop that converts cars to run on so-so's .	описательный способ
22	А вы, все прочие, стервятники, жабы, прищельцы, костлявые, квотерблады , паразиты, зелененькие, хрипатые... (с. 24).	And as for all of you, buzzards, toads, Visitors, Boneses, Quarter-blades , bloodsuckers, greenbackers, Throaties...	транскрипция

Источник: составлено автором.

В реалиях фантастического мира, переведённых способом транслитерации в повести «Пикник на обочине», отсутствует скрытый смысл, который требуется передать:

«**Денеб** – это альфа созвездия Лебедя, где реалия слова Денеб – звезда, самая яркая в созвездии». Реалия «**Денеб**» передана способом транслитерации “**Deneb is the alphastarin Cugnas**”.

Таким примером является и словосочетание «**радиант Пильмана**» в контексте «Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует

считать так называемый **радиант Пильмана?**» – “**Pilman Radian!**”. В данном примере представлена транслитерация как способ перевода.

При переводе авторского неологизма «**Этаков**» в контексте «Торгует поддержанными автомобилями, и потом у него мастерская по переоборудованию автомашин на питание от **этаков**» используется аналог, передающий внутреннюю форму авторского неологизма. Реалия «**этаков**» образована от английского “**so-so**”, поэтому при передаче реалии для сохранения фантастического образа ис-

пользуется следующий перевод контекста “*He sells used cars and he has a shop that converts cars to run on so-so’s*”.

Калька является ещё одним способом перевода реалий фантастического мира Стругацких.

Так, в контексте «*В девять я закажу пропуска и “галошу”, а в десять благословясь выйдем*» реалия «галоша» передана при точном воспроизведении словесной структуры “*boot*”: “*I’ll order the passes and the boot for nine and we’ll set off at ten and hope for the best*”. Переводчик воспринял слово *boot* в буквальном смысле, однако при внимательном прочтении понятно, что речь идёт не об обуви, а о летательном аппарате.

Реалия «КОПРОПО» представляет собой аббревиатуру, переведена на английский язык при помощи описательного приёма “*On the commission my colleagues and I represent the international scientific community when questions come upon implementing UN decisions regarding the internalization of the Zones*”, где реалия “*commission*” означает «комиссия».

Ещё один пример описательного приёма перевода:

«*Это “ведьмин студень” из подвалов дышит*» / “*That’s the witches jelly breathing in the cellars*”.

«**Вошебойка**» – это исходная реалия, которая является авторской, образована из соединения двух слов. При передаче реалии переводчик использует “*delouse*”, что означает «избавлять от вшей». При переводе использован описательный приём, который позволяет добиться большей точности лексической единицы. Чтобы сохранить элемент фантастичности места, а именно санитарного ангара, Стругацкие применяют авторский неологизм для воплощения идеи создания фантастического мира: «*Короче говоря, выбрались мы из Зоны, загнали нас с “галошей” вместе в “вошебойку”, или, говоря по-научному, в санитарный ангар*». Аналогичный пример можно рассмотреть в контексте «*Что в предзоннике делал?*»,

где перевод реалии представлен как “**Prezone Area**” – «зона предзоны», что определяет способ калькирования.

Слово «**сталкер**» / *stalker* функционирует и в английском языке со значением «охотник» или «упорный преследователь». Оно придумано не Стругацкими, однако они его наполнили иным содержанием: сталкеры – профессиональные правонарушители, проводники по Зоне Посещения, напичканной опасными ловушками, охотники за инопланетными артефактами.

“*You probably mean stalkers?*”. При переводе данной реалии использовалась транскрипция.

Заключение

В настоящее время научно-фантастическая литература всё больше завоёвывает признание во всём мире. Она даёт читателю представление о развитии науки и техники [3, с. 189; 8]. С помощью научных знаний, и используя безграничные возможности воображения, автор моделирует действительность, создавая новый мир, фантастичность которого и привлекает читателя. Несмотря на то, что данный жанр принято относить к художественной литературе, он всё же выходит за её рамки, что проявляется в наличии элементов научной литературы.

Проведённый анализ фантастических реалий позволил сделать вывод, что исследуемые единицы придают авторскому восприятию мира фантастичность, но вместе с тем элементы фантастики создают правдоподобные образы, позволяя читателю погрузиться в этот мир.

Был проведён сопоставительный анализ с целью обнаружения факторов, влияющих на выбор переводческих приёмов. Была выявлена зависимость применения переводческого приёма от соответствующего вида реалии. Отмеченные в ходе исследования особенности передачи различных видов фантастических реалий позволяют сделать вывод об изменении подходов переводчиков к проблеме пере-

дачи данного слоя национально-специфичной лексики на иностранный язык.

Таким образом, исследование показывает, что фантастический мир, который создали Стругацкие, состоит из реалий вымышленных, созданных фантазией авторов. Перевод реалий на английский

язык в основном осуществлялся описательным способом (12 примеров), калькированием (3 примера), транслитерацией (3 примера) и транскрипцией (4 примера).

Статья поступила в редакцию 04.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова А. С. К вопросу о классификации реалий научной фантастики и способах их перевода // Молодой учёный. 2015. № 17 (97). С. 599–601.
2. Амусин М. Братья Стругацкие. Очерк творчества. Израиль: Бесэдер, 1996. 192 с.
3. Божко Е. М. Квазиреалии мира фэнтези, их классификация и роль в воздействии текста перевода на получателя // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 3 (131). С. 188–191.
4. Ивлева А. Ю., Куликова К. С. Реалии национальной культуры как объект переводческого исследования // Гуманитарные научные исследования: электронный научно-практический журнал. 2017. № 2. URL: <http://human.snauka.ru/2017/02/20310> (дата обращения: 28.06.2019).
5. Мороз Н. А. Адекватная передача реалий русской культуры в художественном переводе // Молодой учёный. 2015. № 15–2 (95). С. 53–54.
6. Неронова И. В. Художественный мир и его конструирование в творчестве А. Н. и Б. Н. Стругацких 1980-х годов: дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2015. 209 с.
7. Низовцева Т. В. Особенности перевода бытовых реалий с русского языка на английский в произведениях фантастического жанра (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и её перевода на английский язык) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 107–114.
8. Malmgren C. D. *Worlds Apart: Narratology of Science Fiction*. Bloomington: Indiana University Press, 1991. 224 p.

REFERENCES

1. Agafonova A. S. [The question of classification of the realities of science fiction and the ways of their translation]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2015, no. 17 (97), pp. 599–601.
2. Amusin M. *Brat'ya Strugatskie. Oчерk tvorchestva* [The Strugatsky Brothers. Essay on creativity] Israel, Beseder Publ., 1996. 192 p.
3. Bozhko E. M. [Quasi-realias of the fantasy world, their classification and role in impact of the target text on the recipient]. In: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences], 2011, no. 3 (131), pp. 188–191.
4. Ivleva A. Yu., Kulikova K. S. [National realia as an object of translation research]. In: *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya: elektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal* [Humanities scientific research: scientific and practical e-journal], 2017, no. 2. Available at: <http://human.snauka.ru/2017/02/20310> (accessed: 28.06.2019).
5. Moroz N. A. [Adequate transfer of the realities of Russian culture in literary translation]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2015, no. 15–2 (95), pp. 53–54.
6. Neronova I. V. *Khudozhestvennyi mir i ego konstruirovaniye v tvorchestve A. N. i B. N. Strugatskikh 1980-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk* [The world of fiction and its construction in the works of A. N. and B. N. Strugatsky of the 1980s: PhD thesis in Philological Sciences]. Yaroslavl, 2015. 209 p.
7. Nizovtseva T. V. [Translation of everyday realia from Russian to English in science fiction (study of the novel “Roadside picnic” by A. and B. Strugatski and its English translation)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 4, pp. 107–114.
8. Malmgren C. D. *Worlds Apart: Narratology of Science Fiction*. Bloomington, Indiana University Press, 1991. 224 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Низовцева Татьяна Владиславовна – аспирант кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета;
e-mail: tatianaawesome@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Nizovtseva – Postgraduate student at the Department of Theory of Language and English Studies, Moscow Region State University;
e-mail: tatianaawesome@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Низовцева Т. В. Особенности перевода фантастических реалий с русского на английский язык в произведениях фантастического жанра (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 92–99.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-92-99

FOR CITATION

Nizovtseva T. V. Translation of fantastic realities from Russian into English in science fiction (based on the story by A. and B. Strugatsky “Roadside Picnic”). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 92–99.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-92-99

УДК 81`33

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-100-106

КОНЦЕПТЫ *КИСЛЫЙ* / *SOUR* / 酸 В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Сюй И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация.

Цель работы – выявить сходства и различия концептов *КИСЛЫЙ* / *SOUR* / 酸 в русской, английской и китайской лингвокультурах.

Процедура и методы исследования. Рассматриваются лексические значения вербализаторов концептов и анализируются устойчивые выражения с этими лексемами. Методами исследования являются концептуально-семантический, сопоставительный и прототипический анализ.

Результаты исследования показывают, что представление о кислом вкусе совпадает в трёх лингвокультурах. Различия состоят в прототипах вкуса. *Кислый* ассоциируется с печалью и болью. Кроме того, в русской лингвокультуре также наблюдаются признаки 'неудовольствие', 'тоска', 'уныние'; в английской – 'offense (обида)', 'disappointment (разочарование)', 'anger (гнев)', 'trouble (неприятность)', 'failure (неудача)'; а в китайской – '悲 (печаль)', '痛 (боль)', '无力 (бессилие)', '嫉妒 (ревность)', '迂腐 (педантизм)', '穷 (бедность)'.

Теоретическая и практическая значимость. Сделанные выводы позволяют представлять семантическую структуру концептов *КИСЛЫЙ* / *SOUR* / 酸 с точки зрения сопоставления, а также способствуют пониманию особенностей познания мира и вербализации информации у соответствующих народов.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, лингвокультура, вкус, кислый, русский, английский, китайский

THE CONCEPTS *SOUR* / *KISLYI* / *SUAN* IN RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE LINGUOCULTURES: A COMPARATIVE ASPECT

Y. Xu

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russian Federation

Abstract.

The purpose is to identify the similarities and differences of the concepts *KISLYI* / *SOUR* / *SUAN* in Russian, English and Chinese linguocultures.

Methodology and Approach. The lexical meanings of the concepts verbalizers are taken into account, as well as set phrases which contain these lexemes. The research methods are conceptual-semantic, comparative and prototype analyses.

Results. The results prove that the general idea of the sour taste coincides in those three linguocultures. The differences are observed in the taste prototypes. Besides, in all these linguocultures *sour* is associated with sadness and pain. In addition, in the Russian linguoculture the features of 'displeasure', 'sorrow' and 'depression' are observed; in the English linguoculture – 'offense', 'dis-

appointment', 'anger', 'trouble' and 'failure'; and in the Chinese linguoculture – 'sadness', 'pain', 'powerlessness', 'jealousy', 'pedantry' and 'poverty'.

Theoretical and Practical implications. The results of the research allow to present the semantic structures of the concepts KISLYI / SOUR / SUAN from a comparative perspective and can guarantee a better understanding of perceptual experiences and verbalization processes of the Russian, English and Chinese nations.

Keywords: comparative linguistics, linguoculture, taste, sour, Russian, English, Chinese

Многоязычие и межкультурные коммуникации – вызовы нашей эпохи. Они непосредственно связаны с процессами глобализации, интернационализации и интеграции, происходящими в самых разных сферах, особенно при культурном обмене. В настоящее время эффективная межкультурная коммуникация должна обеспечиваться теоретической лингвокультурологической основой. *Лингвокультурология* – одно из направлений современной лингвистики, складывающееся в рамках антропоцентрической парадигмы. Она как наука возникла в последние десятилетия XX в. на стыке лингвистики и культурологии. На зарождение лингвокультурологии как самостоятельной дисциплины оказывает влияние идея В. фон Гумбольдта о том, что «разные языки по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями... своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [3, с. 370–377]. Следовательно, разные языки отражают различное восприятие, интерпретацию и видение мира говорящих на них народов.

Лингвокультурологические исследования соответствуют общей тенденции современной лингвистики, т. е. переходу от лингвистики «имманентной», структурной к лингвистике антропологической, рассматривающей явления языка в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью [2, с. 6]. Она системно анализирует общую тенденцию современной культурной концепции и пытается посредством

языка изучать отражённую в нём национальную культуру.

В лингвокультурологии одним из основополагающих компонентов исследования является *концепт*. Однако у данного термина не наблюдается единого определения. В лингвокультурологическом направлении концепт рассматривается как ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой. Н. Д. Арутюнова считала, что концепты – это понятия практической (обыденной) философии, возникающие в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей [1, с. 3]. В. И. Карасик, поддерживая эту мысль, определил концепт как многомерное культурно-значимое социопсихическое смысловое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [5, с. 109]. Ю. С. Степанов трактовал его как «стусок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека»¹. Таким образом, можно считать, что лингвокультурный концепт отражает все возможные смыслы и репрезентируется в языковых формах, в том числе в формах слов и устойчивых сочетаний. Он имеет ментальную природу, формируется на основе образа и обладает эмоциональным, образным и чувственным компонентами [4, с. 10–11].

¹ См.: Концепт // Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 40.

Палитра перспективных исследований концептов включает и подход к анализу языка как системно-структурного образования, способного отразить этнические, гендерные, возрастные, статусные и психологические особенности передачи информации индивидами как внутри своих социумов и культур, так и в процессе взаимодействия с представителями иных социальных и культурных групп. Концепты дают возможность зафиксировать результаты познавательной деятельности этноса по восприятию мира [7, с. 35].

В последние годы концепт ВКУС вошёл в сферу внимания лингвистов вследствие развития нейробиологии, органолептики и других наук. Однако тема сопоставительного изучения данного концепта в лингвокультурологическом направлении детально не раскрыта. Исследование концепта ВКУС обладает значимостью и перспективой в связи с тем, что, с одной стороны, этот концепт считается универсальным, ведь вкус как физиологическое явление существует у всех людей вне зависимости от национальной принадлежности. С другой стороны, данный концепт одновременно можно считать и этноспецифическим, поскольку в реальной жизни восприятие вкуса сопровождается принятием пищи. В качестве еды мы принимаем далеко не все вещества, а, во-первых, съедобные для человека, и, во-вторых, принятые и излюбленные в определённой культуре, т. е. «отобранные» национальной культурой. Исходя из этого, исследование концепта ВКУС позволяет в значительной степени раскрыть особенности определённой лингвокультуры.

Кислый – один из основных вкусов наряду со сладким, солёным и горьким. Такой вкус присущ фруктам, ягодам, некоторым сортам овощей и квашеным продуктам. Существует ряд работ, посвящённых концепту КИСЛЫЙ и его вербализаторам в разных языках. Так, А. В. Куценко исследовал семантическую структуру и сочетаемость англий-

ских *sweet, bitter, sour* и их эквивалентов в русском языке [6]. Х. Дин сопоставила семантику лексем *sour* и 酸 в английском и китайском языках [10], а Ш. Ли и Ю. Ян изучили явление полисемии слов *sour* и 酸 с точки зрения фреймовой семантики [11]. Е. Ю. Яровая же сравнила концепт КИСЛЫЙ в русской, французской и английской лингвокультурах [9].

В настоящей работе рассматриваются прямые и переносные значения единиц *кислый / sour / 酸* в русском, английском и китайском языках, а также анализируются фразеологические единицы, содержащие эти лексемы. На этой основе выделяются прототипы данных концептов, имеющие в качестве основного когнитивный признак КИСЛЫЙ / SOUR / 酸, их семантические структуры, сходства и различия с целью обеспечения понимания особенностей познания русского, английского и китайского народов и способствования межкультурной коммуникации.

Итак, прилагательные *кислый / sour / 酸* в прямых значениях толкуются следующим образом:

1) в словаре русского языка С. И. Ожегова прилагательное *кислый* определяется как «обладающий своеобразным острым вкусом (напр. вкусом лимона, клюквы)»¹; а в Большом толковом словаре русского языка – как «имеющий своеобразный острый вкус, напоминающий вкус лимона, уксуса, клюквы и т. п.»²;

2) в Кембриджском словаре прилагательное *sour* определяется как «*having a sharp, sometimes unpleasant, taste or smell, like a lemon, and not sweet / имеющий острый и иногда неприятный вкус или запах, свойственный лимону; не сладкий*»³; а

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 28.09.2019).

² Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. С. А. Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 28.09.2019).

³ Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 28.09.2019).

в Оксфордском словаре – как «*having an acid taste like lemon or vinegar / имеющий едкий вкус, напоминающий вкус лимона или уксуса*»¹;

3) в словаре Синьхуа прилагательное 酸 объясняется как «*像醋的气味或味道 / вкус или запах, напоминающий уксус*»².

Сопоставляя прямые значения приведённых выше прилагательных, отметим, что, во-первых, прототипы *кислого* вкуса различаются в трёх лингвокультурах: в русской лингвокультуре – лимон, клюква и уксус; в английской лингвокультуре – лимон и уксус; а в китайской же – лишь уксус. Во-вторых, в английской и китайской лингвокультурах *кислый* обозначает и вкус, и запах одновременно, а в русской – только вкус. В-третьих, данный вкус обладает нейтральными оттенками в русской и китайской лингвокультурах, а в английской же он также ассоциируется с неприятностью.

Кроме прямых значений, лексемы *кислый / sour / 酸* активно употребляются в следующих переносных значениях³:

1) *кислый*:

– уныло-тоскливый, выражающий неудовольствие, без всякого подъёма, воодушевления (*кислое настроение; кислое выражение лица*);

– наводящий тоску, уныние; тоскливый (*кислый день*);

2) *sour*:

– чувствующий или выражающий обиду, разочарование, гнев (*He gave her a sour look*);

– неприятный (*sour weather; a sour experience*);

– больше не удачный или приятный (*a sour housing market*);

3) 酸:

– печальный (酸楚; 辛酸);

– чувствующий слабую боль или бессилие из-за усталости или болезней (酸痛; 腰酸腿疼);

– ревнивый (в отношениях) (酸意);

– педантичный (酸腐)

– бедный (穷酸).

Проанализировав вторичные значения приведённых выше прилагательных, делаем выводы, что, во-первых, в сопоставляемых лингвокультурах концепты КИСЛЫЙ / SOUR / 酸 ассоциируются с печалью, тоской, болью, болезнями, т. е. с некими неприятными эмоциями или ощущениями. Во-вторых, в русской лингвокультуре наблюдаются признаки 'неудовольствие', 'тоска' и 'уныние'; в английской – 'обида', 'разочарование', 'гнев', 'неприятность' и 'неудача'; а в китайской же – 'печаль', 'боль', 'бессилие', 'ревность', 'педантизм' и 'бедность'.

Помимо вышеизложенного, вербализаторы концептов КИСЛЫЙ / SOUR / 酸 также употребляются в составе устойчивых сочетаний и фразеологических единиц. Поскольку в языковом сознании концепт представлен как многомерная сеть значений, выражающихся лексическими и фразеологическими единицами, хотя в них лексические значения вербализаторов не всегда отражаются, паремнологический фонд как один из составляющих любого языка наиболее точно передаёт ключевые ценности, убеждения и стереотипы того или иного этноса [8, с. 95–96]. Кроме того, ассоциативные ряды (в данном случае объединяющиеся языковые единицы по логико-семантическому признаку) способны отражать психологические точки зрения, жизненные взгляды и особенности мышления носителей соответствующих языков. В данное исследование включают фразеологические единицы, которые в настоя-

¹ Oxford living dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 28.09.2019).

² 在线新华字典 [Электронный ресурс]. URL: <http://xh.5156edu.com> (дата обращения: 28.09.2019).

³ На этапе анализа и сопоставления переносных значений к источникам эмпирического материала относятся 4 толковых словаря русского языка (Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, Словарь русского языка С. И. Ожегова, Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова, Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова), 4 толковых словаря английского языка (Cambridge Dictionaries, Oxford Living Dictionaries, Dictionary by Marriam-Webster, Collins online Dictionary), 2 толковых словаря китайского языка (在线新华字典, 现代汉语词典).

щее время употребляются в трёх лингвокультурах, т. е. выражения, которые могут считать репрезентативными¹:

1) в русской лингвокультуре:
– профессор *кислых щей* (некомпетентный и не разбирающийся в предмете разговора человек);

– *сделать кислую гримасу / кислую мину* (выражать недовольство);

– *путать / спутать (мешать / смешать) кислое с пресным* (смешивать что-либо противоположное, несовместимое);

2) в английской лингвокультуре:

– *sour grapes* (негативное отношение к чему-то недоступному);

– *leave a sour taste in (one's) mouth* (постоянно оказывать негативное влияние на кого-либо после того, как инцидент закончился);

– *go / turn sour* (становиться менее приятным, плохо получаться);

– *sour note* (особенно неприятная или противная тема новостей, информации или разговоров);

– *on a sour note* (в неприятном способе);

3) в китайской лингвокультуре:

– *尖酸刻薄* (колючий, саркастичский, резкий, въедливый);

– *酸文假醋* (напускать на себя вежливый учёный вид);

– *酸眉醋眼* (ревниво относиться к кому-либо / чему-либо);

– *姜是老的辣, 醋是陈的酸* (старый конь борозды не испортит);

– *盐从哪里咸, 醋从哪里酸* (надо понимать основную причину проблемы);

– *十个梅子九个酸, 十个官儿九个贪* (большинство слив – кислые, большинство чиновников – нечистые).

Исходя из упомянутых выше выражений, отметим, что в сопоставляемых лингвокультурах концепты КИСЛЫЙ / SOUR / 酸 ассоциируются с разными негативными эмоциями, ситуациями и положениями. Кроме того, в китайской лингвокультуре данный концепт также ассоциируется с опасностью, причиной и неприличным поведением.

В целом, сделаем следующие выводы:

1) общее представление о кислом вкусе как физиологическом ощущении совпадает у носителей русского, английского и китайского языков, но прототипы данной категории различаются в трёх лингвокультурах: в русской лингвокультуре прототипы кислого вкуса – *лимон, клюква и уксус*; в английской лингвокультуре – *лимон* и *уксус*; а в китайской же – *уксус*, т. е. в русской лингвокультуре наблюдается больше разнообразия, а в китайской лингвокультуре сравнительно меньше;

2) во всех сопоставляемых лингвокультурах концепты КИСЛЫЙ / SOUR / 酸 ассоциируются с неприятностью, неудовольствием, печалью, болью;

3) помимо этого, в каждой из них встречается и ряд других когнитивных признаков. Объём семантики вербализаторов данного концепта различается в трёх лингвокультурах – в китайской он сравнительно шире, чем в остальных двух за счёт метафорического и метонимического переносов значений.

В целом вышеизложенные факты являются показателем того, что концепты КИСЛЫЙ / SOUR / 酸 формируются не единообразно в русской, английской и китайской лингвокультурах, несмотря на общность физического ощущения. Таким образом, сопоставительное изучение данных концептов в лингвокультурологиче-

¹ На этапе анализа и сопоставления фразеологических единиц эмпирический материал происходит из 5 русских фразеологических словарей (Фразеологического словаря современного литературного русского языка А. Н. Тихонова, Фразеологического словаря русского языка А. И. Молоткова, Фразеологического словаря русского языка В. М. Мокиенко, Фразеологического словаря современного русского языка Ю. А. Ларионова, Словаря русских пословиц и поговорок В. П. Жукова), 1 англо-русского фразеологического словаря (Большого англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунина), 1 русско-английского фразеологического словаря (Современного русско-английского фразеологического словаря Д. И. Квеселевича), 2 английских фразеологических словарей (Cambridge International Dictionary of Idioms, Oxford Dictionary of Idioms), 1 китайского фразеологического словаря (在线成语词典) и поисковых систем Google, Яндекс, 百度.

ском аспекте способствует выявлению их ментальных репрезентаций и раскрытию особенностей познавательных процессов разных этносов. Полученные результаты позволяют принимать функционально значимые признаки и обеспечивают от-

ражение существенных особенностей когнитивных и ценностных лингвокультурных ориентаций вербальными средствами.

Статья поступила в редакцию 18.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3–6.
2. Воробьев В. П. Лингвокультурология (теория и метод). М.: РУДН, 1997. 331 с.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
4. Ефимова А. Д. Соотношение объема значения, структуры и сферы употребления терминов «понятие» и «концепт» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 1. С. 6–13.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Куценко А. В. Семантическая структура прилагательных-вкусообозначений и их лексическая сочетаемость в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 228 с.
7. Левицкий А. Э., Конов И. З. Соотношение объема семантики концепта как проблема сопоставительного изучения языков (на материале русского и английского языков) // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы III Международного научного конгресса / под ред. Е. В. Полховской. Симферополь: Ариал, 2018. С. 33–37.
8. Улиско К. А. Репрезентация образного компонента концепта «tax» / «налог» в паремиологии английского и русского языков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 2. С. 94–104.
9. Яровая Е. Ю. Лингвокультурологические особенности концепта «вкус» в русской, французской и английской концептосферах // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 184–191.
10. 丁慧. 英汉语味觉词“酸”的语义特征之比较 // 科技信息, 2010, № 8, 162–163 页。
11. 李书卿, 杨跃. 框架语义学理论下的多义词研究——英汉“酸”的对比研究 // 时代文学, 2013, № 3, 187–189 页。

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. [Introduction]. In: *Logicheskii analiz yazyka: Mental'nye deistviya* [Logical analysis of language: Mental actions]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 3–6.
2. Vorob'ev V. P. *Lingvokul'turologiya (teoriya i metod)* [Linguoculturology (theory and method)]. Moscow, RUDN Publ., 1997. 331 p.
3. Humboldt W. von. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [The language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1985. 451 p.
4. Efimova A. D. [The terms “notion” and “concept”: the meaning volume, structure and sphere of usage]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 1, pp. 6–13.
5. Karasik V. I. *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p.
6. Kutsenko A. V. *Semanticheskaya struktura prilagatel'nykh-vkusoooboznachenii i ikh leksicheskaya sochetnost' v angliiskom i russkom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk* [The semantic structure of adjectives- taste designations and their lexical compatibility in English and Russian: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1979. 228 p.
7. Levitskii A. E., Konov I. Z. [Correlation of the volume of concept semantics as a problem of comparative study of languages (based on Russian and English languages)]. In: Polkhovskaya E. V., ed. *Inostrannaya filologiya. Sotsial'naya i natsional'naya variativnost' yazyka i literatury: materialy III Mezhdun-*

- arodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign Philology. Social and National Variability of Language and Literature: Proceedings of the III International Scientific Congress]. Simferopol, Arial Publ., 2018, pp. 33–37.
8. Ulisko K. A. [Representation of the metaphoric component of the concept “tax” / “nalog” in English and Russian paremiology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2017, no. 2, pp. 94–104.
 9. Yarovaya E. Yu. [On linguacultural features of the concept “taste” in Russian, French and English national conceptual spheres]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [ISLU Philological Review], 2013, no. 3 (24), pp. 184–191.
 10. 丁慧。英汉语味觉词“酸”的语义特征之比较 // 科技信息, 2010, № 8, 162–163页。
 11. 李书卿, 杨跃。框架语义学理论下的多义词研究——英汉“酸”的对比研究 // 时代文学, 2013, № 3, 187–189页。
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сюй Идань – аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: milaxu@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yidan Xu – Postgraduate student at the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: milaxu@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сюй И. Концепты кислый / *sour* / 酸 в русской, английской и китайской лингвокультурах: сопоставительный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 100–106.
DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-100-106

FOR CITATION

Xu Y. The concepts *sour* / *kislyi* / *suan* in Russian, English and Chinese linguocultures: a comparative aspect. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 100–106.
DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-100-106

УДК 81'255.4

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-107-112

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЁННОЙ ДВАДЦАТИЛЕТИЮ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Толстикова А. А.

*Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель работы – выявить степень различия переводов одних и тех же текстов об образовательной деятельности, выполненных разными переводчиками, а также сформулировать основные причины появления этих различий.

Процедура и методы исследования. Автором были проанализированы оригиналы и переводы материалов секций конференции, посвящённой двадцатилетию Болонского процесса, методом сопоставительного анализа. Были рассмотрены факторы, влияющие на возникновение разночтений в переводах.

Результаты исследования. Показано, что переводы могут отличаться стилистически, выбором лексических единиц. Установлено также, что переводы содержат фактические ошибки, приводящие к искажению источника. В статье представлены примеры таких искажений и анализ возможных причин их появления.

Теоретическая значимость заключается в исследовании причин возникновения разночтений текстов документов, регламентирующих образовательную деятельность. **Практическая значимость** работы состоит в возможности использования полученных результатов в практике перевода международных документов об образовании с английского языка на русский язык.

Ключевые слова: приёмы перевода, терминология, Болонский процесс, Европейское пространство высшего образования (ЕПВО)

COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSLATIONS OF THE CONFERENCE MATERIALS, DEDICATED TO THE TWENTIETH ANNIVERSARY OF THE BOLOGNA PROCESS

A. Tolstikova

*Moscow Pedagogical State University
1 build. 1 ulitsa Malaya Pirogovskaya, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract.

The purpose is to identify the differences between translations of the same texts about academic activity performed by different translators, as well as to formulate the main reasons for these differences.

Methodology and Approach. The author analysed the initial texts and translations of the conference devoted to the twentieth anniversary of the Bologna Process using a comparative analysis method. The factors that influence the discrepancies in translations were considered.

Results. It was showed that translations can differ stylistically, and in the choice of lexical units. It was also established that translations contain actual errors that lead to distortion of the original

texts. The article provides examples of such distortions and analyses the possible causes of their occurrence.

Theoretical implications consist in the analysis of discrepancies in documents referring to academic activity. **Practical implication** involves the prospective usage of the data acquired in the translation practice of international documents from English into Russian.

Keywords: translation methods, terminology, the Bologna Process, European Higher Education Area (EHEA)

Введение

В 1088 г. в Болонье был основан первый европейский университет, непрерывно существующий уже более девяти столетий. Появление этого и других университетов ознаменовало новый этап в развитии образования. Спустя 900 лет с момента основания Болонского университета в честь празднования юбилея был проведён съезд ректоров, по итогам которого была составлена Великая Хартия европейских университетов – документ, на сегодняшний день подписанный в общей сложности представителями 889 университетов из 88 стран¹. Ключевая идея документа заключалась в том, что государствам необходимо осознать новую роль высших учебных заведений в обществе, подверженном глобализации, которая, в свою очередь, подразумевает появление всё большего количества переводов [6; 8]. В 1999 г. 29 министров и представителей системы образования Европы подписали Болонскую декларацию, ставшую основополагающим документом Болонского процесса. А 24 июня 2019 г. в том же городе Болонья была проведена конференция, посвящённая двадцатилетию Болонского процесса.

Двадцатилетие Болонского процесса

Организатором мероприятия стал Болонский университет (Alma Mater Studiorum) наряду с Министерством образования, университетов и научных исследований Италии (Italian Ministry for Education, Universities and Research, MIUR). Конференция проводилась под

эгидой независимой ассоциации Обсерватории Великой хартии университетов (Observatory of the Magna Charta Universitatum), а также совместно с Ассоциацией университетов Европы (European University Association) и Европейским студенческим союзом (European Students' Union, ESU)². На конференции присутствовало 220 ректоров университетов более чем из 80 стран. Торжественное открытие конференции проводили ректор Болонского университета Франческо Убертини, а также почётные гости, являющиеся представителями ведущих мировых организаций по вопросам образования и культуры.

На конференции работало пять секций, в каждой из которых обсуждались задачи Болонского процесса и осуществлялся обмен опытными мнениями в рамках реализации поставленных задач, среди которых внедрение двухступенчатой системы высшего образования, повышение мобильности студенческого и преподавательского состава, применение системы адекватно признаваемых степеней и ряд других [5]. В первую очередь спикеры конференции ясно обозначили ключевую идею создания Болонского процесса и необходимости внесения изменений в систему высшего образования – это обеспечение доступности высшего образования, обучение студентов и уделение особого внимания развитию личности и способностей каждого из них, увеличение значимости высшего образования, а также создание комфортных условий на рынке труда и предоставление вакансий выпускникам.

¹ См.: Signatory Universities // Observatory Magna Charta Universitatum: [сайт]. URL: <http://www.magna-charta.org/magna-charta-universitatum/signatory-universities> (дата обращения: 28.11.2019).

² Bologna Process Beyond 2020: Fundamental Values of the EHEA [Электронный ресурс]. URL: <http://bolognaprocess2019.it> (дата обращения: 28.11.2019).

Кроме того, одна из ключевых задач Болонского процесса заключается в унифицировании системы высшего образования: несмотря на то, что большинство положений Болонской декларации приняты государствами-членами, в программах высшего образования европейских стран по-прежнему существуют значительные различия [10]. Именно поэтому адекватный перевод текстов об образовании может способствовать трудоустройству академического сотрудника в другой стране, а также верному присвоению соответствующей степени [9]. Работа секций конференции проходила параллельно, соответственно, принять участие можно было только в одной из них. Информация о конференции размещена на официальных сайтах университетов, представители которых участвовали в конференции.

Практический анализ переводов

Для сопоставительного анализа перевода программы конференции и отчётов участников были отобраны материалы, размещённые на сайте центра Болонского процесса и академической мобильности республики Казахстан (ЦБПиАМ)¹, а также на сайте Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ)².

Рассмотрим некоторые примеры различий переводов названий секций конференции, уделяя особое внимание причинам возникновения лексических расхождений.

1. Academic and Related Civic Values in Changing Societies. На сайте ЦБПиАМ предложен перевод «*Академические и связанные с ними гражданские цен-*

ности в меняющемся обществе». Это буквальный перевод, выполненный с помощью калькирования. Перевод, представленный на сайте СПбГЭУ, отличается от первого варианта: «*Академические и гражданские ценности в меняющихся обществах*». Отметим, что оба варианта допустимы, хотя, возможно, требуют некоторых дополнений. В первом случае словосочетание «*связанные с ними*» можно заменить на «*соответствующие гражданские ценности*», чтобы упростить конструкцию, во втором примере, напротив, стоит добавить эту же формулировку, чтобы избежать опущения слова “*related*”, которое в данном случае несёт весомую смысловую нагрузку.

2. Student-centred Learning. В первом случае предложен перевод «*Студенто-ориентированное обучение*», а во втором – «*Студентоцентрированное обучение*». В первом варианте перевода русскоязычный эквивалент является неологизмом, построенным посредством калькирования. Использование подобного неологизма при наличии существующего эквивалента на русском языке может привести к разночтениям. В данном случае полностью адекватен термин «*студентоцентрированное обучение*», который обозначает один из принципов Болонского процесса, подразумевающий смещение акцента с преподавания на самостоятельное изучение [1, с. 169]. При реализации такой модели образовательного процесса обучение становится «целенаправленным процессом организации деятельности обучающегося» и осуществляется посредством использования инновационных методов, направленных на стимулирование самостоятельной учёбы [4]. Отметим, что настоящий термин введён в русский язык с появлением Болонского процесса [3]. До этого момента в языке перевода для обозначения единицы “*student-centred learning*” использовался термин «*личностно-ориентированное обучение*». Согласно энциклопедическо-

¹ См.: 20-летие подписания Болонской декларации // Центр Болонского процесса и академической мобильности: [сайт]. URL: <https://enic-kazakhstan.kz/ru/event/7> (дата обращения: 28.11.2019).

² См.: Празднование 20-летия Болонской декларации // Санкт-Петербургский государственный экономический университет: [сайт]. URL: <https://unecon.ru/info/prazdnovanie-20-letiya-bolonskoj-deklaracii> (дата обращения: 28.11.2019).

му словарю педагога¹, термин означает «образовательную технологию, основанную на идеях целостного подхода к развитию личности, её культурной идентификации, социальной адаптации и творческой самореализации». Это определение закреплено словарём и также является одним из значений переводимой единицы.

3. **Providing Leadership for Sustainable Development, the Role of Higher Education.** На первом сайте представлен вариант перевода «*Обеспечение лидерства для устойчивого развития, роль высшего образования*». Этот перевод выполнен с помощью приёма калькирования и, на наш взгляд, содержит смысловую ошибку, так как употребление слова «*лидерство*» в данном контексте приводит к двусмысленности. Согласно Большому толковому словарю под редакцией С. А. Кузнецова, «*лидерство – положение, обязанности лидера*»². Соответственно, в данном переводе применение слова «*лидерство*» приведёт к искажению оригинала. В англо-русском онлайн словаре Cambridge Dictionary предложены следующие значения слова «*leadership*»: «*руководство, управление*»³. Очевидно, что в оригинале речь идёт именно об управляющем органе, который будет осуществлять и контролировать устойчивое развитие высшего образования (It is crystal clear that working towards these goals requires skilled people and the right kind of policies, innovative solutions and constructive collaborations on many fields⁴), поэтому

нам кажется целесообразным употребление слова «*управление*». Перевод, размещённый на втором сайте, отличается от первого варианта совсем незначительно: «*Обеспечение лидерства в Области Устойчивого Развития, роль высшего образования*». Переводчик решил распространить конструкцию и вместо предлога *для* употребить словосочетание *в области*, что искажает смысл оригинала. Кроме того, в русском языке нет необходимости в написании слов «*область устойчивого развития*» с заглавной буквы, в то время как в английском языке это способ оформления заголовка. Таким образом, словосочетанию придаётся дополнительная коннотация, которая не была заложена в оригинале.

4. **The Social Dimensions of Higher Education.** В первом случае переводчик употребляет фразу «*Социальные аспекты высшего образования*», в то время как во втором – «*Социальные измерения высшего образования*». Первый вариант перевода не является абсолютно верным: слово «*Dimension*» действительно переводится как «*аспект*» или «*измерение*»⁵, однако в русском языке слово «*аспект*» имеет значение, не полностью передающее значение оригинала, – «*та или иная сторона предмета, взгляд на что-либо, точка зрения*»⁶. В данном случае словосочетание «социальный аспект» является синонимичным словосочетанию «социальный фактор», которое характеризуется такими понятиями, как «экономические потребности общества, ориентация высших учебных заведений на наукоёмкие инновации» и проч. [7]. Во втором

¹ См.: Личностно-ориентированное обучение (Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) // Академик: [сайт]. URL: https://spiritual_culture.academic.ru/1159/Личностно_ориентированное_обучение (дата обращения: 28.11.2019).

² См.: Большой толковый словарь русского языка // Справочно-информационный портал ГРАМОТА. РУ. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 27.12.2019).

³ См.: Leadership // Cambridge Dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/leadership> (дата обращения: 28.11.2019).

⁴ См.: Bologna Process Beyond 2020: Fundamental

Values of the EHEA. [Электронный ресурс]. URL: <http://bolognaprocess2019.it/> (дата обращения: 28.11.2019).

⁵ См.: Dimension // Cambridge Dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/dimension?q=Dimension> (дата обращения: 28.11.2019).

⁶ См.: Большой толковый словарь русского языка // Справочно-информационный портал ГРАМОТА. РУ. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 27.12.2019).

случае говорится об «*измерениях*», этот вариант автор перевода предлагает, воспользовавшись калькированием, которое в данном предложении уместно, так как наиболее адекватно и эквивалентно передаёт содержание оригинала. Под «*социальным измерением*» принято понимать «*совокупность проблем мирового общественного развития*», и в рассматриваемом контексте настоящее словосочетание полностью отражает смысл предложения на языке оригинала [2, с. 5].

5. **Careers and Skills for the Labour Market of the Future.** Предложены варианты «*Карьера и навыки для будущего рынка труда*» и «*Карьера и навыки для рынка труда будущего*» на первом и втором сайтах соответственно. Перевод, представленный в первом случае, ведёт к двусмысленности в понимании: в тексте оригинала не говорится о будущем рынке труда, иначе это бы означало, что в настоящий момент такого понятия, как «*рынок труда*», нет. Простая грамматическая трансформация в виде перестановки слов восстанавливает необходимое значение, что мы и наблюдаем во втором случае.

Заключение

В результате исследования было выявлено, что основной причиной возникновения неточностей при переводе является полисемия термина наряду с содер­жательной интерпретацией текста самим переводчиком. Говоря о разночтениях, возникающих в переводах материалов секций, мы отмечаем, что унифицированного подхода к выбору лексических единиц нет: многозначность термина приводит к разнообразию вариантов перевода. Кроме того, в английском языке многие понятия, относящиеся к сфере образования, и в частности, к терминологической базе Болонского процесса, отражены в некоторых современных англоязычных словарях, в то время как в русском языке эти единицы ещё не закреплены словарём, поэтому во многих случаях переводчикам приходится пользоваться калькированием и экспликацией. Отсутствие специального словаря терминов, используемых при составлении и переводе материалов о Европейском пространстве высшего образования, также является одной из причин возникновения разночтений.

Статья поступила в редакцию 13.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Замрий О. Н. Правовые проблемы преобразований в европейской и российской системах высшего образования в рамках Болонского процесса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1. С. 169–175.
2. Каргалова М. В., Егорова Е. Н. Социальное измерение европейской интеграции. М.: Аксиом, 2010. 288 с. (Общие пространства России – ЕС: право, политика, экономика).
3. Копытич И. Г., Любанец И. И. Студентоцентрированное образование: возможности и проблемы // Электронное обучение в непрерывном образовании: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, Ульяновск, 13–15 апреля 2016 г. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2016. С. 747–751.
4. Огорелкова Н. И., Мельничук В. А. Студентоцентрированное обучение как процесс достижения запланированных результатов, установленных образовательными стандартами // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2014. № 2 (10). С. 90–93.
5. Петрова Т. А. Основные задачи Болонского процесса // Вестник Академии знаний. 2017. № 1 (20). С. 42–44.
6. Скрипник К. Д. Великая хартия университетов и исторические основания ее принципов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 135. № 1. С. 50–60.
7. Уткина А. Н. Социальные аспекты диверсификации высшего образования // Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 325. № 6. С. 94–99.
8. Doherty S. The Impact of Translation Technologies on the Process and Product of Translation // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 947–969.

9. Fletcher G. Educational Documents: Translation or Evaluation? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globelanguage.com/pdf/ATAfinalarticle.pdf> (дата обращения: 27.12.2019).
10. Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary / ed. S. Šarčević. New York: Routledge, 2016. 270 p.

REFERENCES

1. Zamriy O. N. [Legal problems of change in the European and Russian higher education system under the Bologna process]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Tver State University. Series: Law], 2016, no. 1, pp. 169–175.
2. Kargalova M. V., Egorova E. N. *Sotsial'noe izmerenie evropeiskoi integratsii*. [The social dimension of European integration]. Moscow, Aksiom Publ., 2010. 288 p.
3. Kopytich I. G., Lyubanets I. I. [Student-centred education: possibilities and challenges]. In: *Elektronnoe obuchenie v nepreryvnom obrazovanii: sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ulyanovsk, 13–15 aprelya 2016 g.* [E-learning in continuous education: collection of scientific papers III International scientific-practical conference, Ulyanovsk, April 13–15th, 2016]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University Publ., 2016. pp. 747–751.
4. Ogorelkova N. I., Mel'nychuk V. A. [Student-centred learning as the process of achieving planned results, set educational standards]. In: *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii* [Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies], 2014, no. 2 (10), pp. 90–93.
5. Petrova T. A. [The main tasks of the Bologna process]. In: *Vestnik Akademii znanii* [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2017, no. 1 (20), pp. 42–44.
6. Skripnik K. D. [The “Magna charta universitatum” and historical foundations of its principles]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], 2015, vol. 135, no. 1, pp. 50–60.
7. Utkina A. N. [Social aspects of diversification of higher education]. In: *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2014, vol. 325, no. 6, pp. 94–99.
8. Doherty S. The Impact of Translation Technologies on the Process and Product of Translation. In: *International Journal of Communication*, 2016, vol. 10, pp. 947–969.
9. Fletcher G. Educational Documents: Translation or Evaluation? Available at: <https://www.globelanguage.com/pdf/ATAfinalarticle.pdf> (accessed: 27.12.2019).
10. Šarčević S., ed. *Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary*. New York, Routledge Publ., 2016. 270 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Толстикова Ангелина Алексеевна – аспирант кафедры теории и практики перевода и коммуникации Института иностранных языков, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода и коммуникации Московского педагогического государственного университета;
e-mail: aa.shulikina@mpgu.su

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Angelina A. Tolstikova – postgraduate student at the Department of Theory and Practice of Translation and Communication of the Foreign Languages Institution, senior teacher at the Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: aa.shulikina@mpgu.su

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Толстикова А. А. Сопоставительный анализ переводов материалов конференции, посвящённой двадцатилетию Болонского процесса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 107–112.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-107-112

FOR CITATION

Tolstikova A. A. Comparative analysis of translations of the conference materials, dedicated to the twentieth anniversary of the Bologna process. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 107–112.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-107-112.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 811.112.2'374

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-113-117

РЕЦЕНЗИЯ НА СЛОВАРЬ “WÖRTERBUCH ZUR LEXIKOGRAPHIE UND WÖRTERBUCHFORSCHUNG” (DICTIONARY OF LEXICOGRAPHY AND DICTIONARY RESEARCH). ED. BY HERBERT ERNST WIEGAND, MICHAEL BEISSWENGER, RUFUS H. GOUWS, MATTHIAS KAMMERER, ANGELIKA STORRER, WERNER WOLSKI. BAND 3. BERLIN: DE GRUYTER, 2020. 1020 S.

Карпова О. М.

Ивановский государственный университет

153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39, Российская Федерация

REVIEW OF THE DICTIONARY “WÖRTERBUCH ZUR LEXIKOGRAPHIE UND WÖRTERBUCHFORSCHUNG” (DICTIONARY OF LEXICOGRAPHY AND DICTIONARY RESEARCH). ED. BY HERBERT ERNST WIEGAND, MICHAEL BEISSWENGER, RUFUS H. GOUWS, MATTHIAS KAMMERER, ANGELIKA STORRER, WERNER WOLSKI. BAND 3. BERLIN: DE GRUYTER, 2020. 1020 S.

O. Karpova

Ivanovo State University

39 ulitsa Yermaka, Ivanovo 153025, Russian Federation

В истории западноевропейской лексикографии существует традиция составления словарей лексикографических терминов различных типов и объёмов, которые появились на рубеже XX–XXI вв. в связи с интенсивным развитием национальных лексикографий. Среди них самым известным у специалистов считается словарь Р. Р. К. Хартманна и Г. Джеймса “*Dictionary of Lexicography*” (1998, 2002). Существуют и другие терминологические справочники, например, многоязычный словарь лексикографических терминов (на материале всех европейских языков), составленный группой скандинавских учёных во главе с известным датским лексикографом Х. Бергенхольцем “*Nordisk leksikografisk ordbok*” (1997). Долгое время эти труды служили исследователям и составителям словарей надёжными справочниками по лексикографической терминологии.

Однако с интенсивным развитием в XXI в. кибер- и корпусной лексикографии, а также новых информационных технологий и с появлением новых типов словарей необычных типов в печатном, электронном и онлайн форматах (которые не укладываются в парадигму существующих классификаций словарей) настало время создания качественно новых справочников, регистрирующих и обрабатывающих новую терминологию предметной области *лексикография*. Таким фундаментальным трудом

© CC BY Карпова О. М., 2020.

и стал “*Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung*”, инициированный выдающимся лексикографом современности Г. Э. Вигандом. Следует отметить, что работа над словарём, в котором приняли участие известные лексикографы из различных стран мира, продолжалась несколько лет, и в свет вышло два тома словаря. Однако, в связи со смертью Г. Э. Виганда, составление терминологического справочника продолжили его соратники.

В 2020 г. в авторитетном немецком издательстве De Gruyter вышел в свет солидный **третий том словаря** под редакцией известных лексикографов современности, в который вошли базовые и узкоспециальные лексикографические термины, отражающие изменения в современной лексикографии, включая новые понятия, процессы и явления.

Как известно, оптимизация информационного поиска является первостепенной задачей в любом типе и формате словаря, будь то печатный, электронный или онлайн-справочник. Вот почему предложенная в данном словаре поисковая система представляется весьма продуманной и удобной для пользователя. Она включает четыре варианта поиска. Это так называемые *поисковые маршруты* – *Access routes A, B, C и D*, каждый из которых преследует определённые цели пользователя при получении запрашиваемой информации.

Первые два маршрута являются традиционными для толкового словаря, направлены на получение любой справки по алфавиту и знакомство с поиском базовых лексикографических терминов, которые описываются весьма подробно (их лексикографическая разработка занимает до двух и более страниц). Однако наиболее оригинальным представляется поисковый маршрут *C*, который начинается с изучения библиографического раздела в конце статьи, где перечисляются основные теоретические труды по теме, связанной с каждой входной единицей, например:

Binnenadressenangabe die; -n

Verweisadressenangabe, mit der eine Verweisbinnenadresse genannt wird.

item giving an inner address: item giving a cross-reference with which a cross-reference inner address is indicated.

- Es lassen sich verschiedene Typen von Binnenadressenangaben unterscheiden. Liegt die genannte Verweisbinnenadresse in derselben Textverbundkonstituente wie die Binnenadressenangabe, ist entweder eine Angabe der artikelinternen, eine der binnentextinternen, eine der einschubinternen oder eine der umtextinternen Binnenadresse gegeben. Liegt die genannte Verweisbinnenadresse dagegen in einer anderen Textverbundkonstituente, handelt es sich entweder um eine Angabe der artikelexternen, eine der binnentextexternen, eine der einschubexternen oder eine der umtextexternen Binnenadresse. – Eine kommentierende Angabe der artikelinternen Binnenadresse ist “s.u. Beleg FISCHER” in **abendbrot, das**.

1. vereinzelt: ›Abendessen, Abendmahlzeit, letzte Mahlzeit des Tages‹ (s.u. Beleg FISCHER); ..

FISCHER, Brun v. Schoneb. 8164 (md., Hs. um 1400): *hat dan der helt vormezzen I sin abentbrot gar gezzen.* (FWB)

Sie ist eine Teilangabe der kommentierenden Verweisangabe “s.u. Beleg FISCHER”, anhand dererein Benutzer-in-actu einen artikelinternen Verweis erschließen kann.

Symbol für die Angabeklasse: BiAdA

Ξ *Angabe der Verweisbinnenadresse – Verweisbinnenadressenangabe*
≠ *Außenadressenangabe*

► § 14 I *Angabe – artikelinterner Verweis – kommentierende Verweisanabe – Verweisadressenangabe – Verweisbinnenadresse*

■ WIEGAND 1996c: 36ff. – 2002e: 202ff. – 2005: 32of., 361 – WIEGAND/FUENTES MORAN 2009 [HEW]

- **af** *binne-adresaanduidder* **bl** *сведение за вътрешен адрес* **es** *indicación de dirección interior* **fr** *indication d'endo-adresse* **hu** *belső cím adata* **it** *indicazione di endoindirizzo* **pt** *indicação de endereço encaixado* **ru** *указание адреса.*

Поисковый маршрут *D* предлагает пользователям ссылки на каждое заглавное слово **в других языках** (восьми иностранных языках: испанском, итальянском, французском, русском и т. д.), что расширяет толкование входного термина и снабжает пользователя дополнительной информацией.

Макроструктура этого грандиозного справочника включает различные группы входных единиц. Это в первую очередь **общенаучная (лингвистическая) лексика**: *die Paronymie, die Partikel, das Perfect, die Phonem, der Plural, die Polysemie, die Pragmatik, der Satz, die Semantik, die Semaseologie, das Substantive* и др.

- **Узкоспециальные лексикографические термины**, которые обозначают базовую терминологию: *die Mikroarchitektur, der Probeartikel, semantische Kommentar, das Stichwort, der Thesaurus.*

- **Основные направления в современной лексикографии** как исторически сложившиеся: *kritische Wörterbuchforschung, die Metalexikographie, pädagogische Lexikographie, die Sachgruppenlexikographie, die Sondersprachenlexikographie, die Sprachlexikographie, die Synonymenlexikographie, die Terminographie*; так и новейшие: *die Szenelexikographie, die Stamwortlexikographie, die Textlexikographie, die Unterhaltungsexikographie* и др.

- **Все типы существующих словарей**: *das Lexikon, das Norm Wörterbuch, normatives Wörterbuch, onomatopien Wörterbuch, das Sachwörterbuch, das Slachwörterbuch, das Personennamenwörterbuch, das Printwörterbuch, phonologisches Wörterbuch, das Reisewörterbuch, das Sachglossar, das Sprichwörterbuch, statistisches Wörterbuch, das Stilwörterbuch, das Taschen Wörterbuch, das Territorial Wörterbuch, das Textwörterbuch, das Umkehrwörterbuch* и множество дру-

гих типов словарей, включая справочники, появившиеся в новом тысячелетии.

- Значительное количество **терминов из кибер- и корпусной лексикографии**: *das Lemma, lexikalsche Datenbank, lexikographische Daten, das Fag, der Textblock, die Tokenisierung.*

Необходимо отметить, что все эти новые термины сопровождаются весьма информативными таблицами, иллюстрирующими входные единицы. Они чётко и удачно составлены (см., например, стр. 124, 125, 131, 244, 540, 542, 564, 651, 652, 679, 703, 833 и мн. др.), подробно иллюстрируют и объясняют новые лексикографические понятия. Следует отметить, что такое грандиозное графическое сопровождение характерно для стиля Г. Э. Виганда, используется в большинстве его теоретических трудов и значительно облегчает понимание лексикографических процессов и явлений, характерных для современной лексикографии. Видимо, по этой причине составители третьего тома справочника не отошли от привычной учёному традиции, щедро снабдив около двух третей словарных статей графическими пометами.

Интересна **структура словарной статьи**, включающая ряд новых информационных категорий, которые ранее не вводились в микроструктуру словарей лексикографических терминов. Так, каждое заглавное слово имеет:

- зону дефиниции на немецком языке;
- его эквивалент на английском языке;
- пример словаря (его название);
- отсылочную помету к родственным по значению словам (синонимам);
- адреса, где можно найти ссылки на другие языки, например: Afrikaans (**af.**), Bulgarian (**bg.**), Spanish (**sp.**), French (**fr.**), Hungarian (**hg.**), Italian (**it.**), Portugese (**pg.**), Russian (**ru.**);
- библиографический сектор (ссылки на теоретические работы и названия словарей). Например:

kommerzielle Lexikographie

Gesamtheit der auf Profitabilität ausgerichteten Wörterbuchprojekte.

commercial lexicography: entirety of dictionary projects aimed at profitability.

• Der Ausdruck *kommerzielle Lexikographie* ist (offenbar nach *commercial dictionaries*) von Herbert Ernst Wiegand (1936 – 2018) für treffender als *Verlagslexikographie* angesehen worden, um damit an wirtschaftlichen Interessen ausgerichtete Wörterbuch-Vorhaben zu kennzeichnen (WIEGAND 1998: 25)...

■ WIEGAND 1990 – 1998 – WIEGAND (HRSG.) 2003 – WIEGAND/GOUWS 2011 [WW]

• **af** *kommersiële leksikografie* – **bg** *комерсиална лексикография* – **es** *lexicografía comercial* – **fr** *lexicographie commerciale* – **hu** *kommerciális lexicográfia* – **it** *lessicografia commerciale* – **pt** *lexicografia commercial*.

Такая структура удобна для любого пользователя (*international user*) и имеет ясный и лаконичный метаязык. Подобная микроструктура даёт полное представление о любой входной единице в других языках, в которых существуют исследования, связанные с каждым заглавным словом, будь то тип словаря, новое направление или новая тенденция в современной лексикографии. Библиографическая зона даёт возможность любому исследователю (особенно начинающему) найти подходящие теоретические труды и необходимые типы словарей по любому вопросу теоретической и прикладной лексикографии как по фамилии автора, так и по названию справочника.

Необходимо отметить прекрасные полиграфические качества словаря, вызывающие одобрение, несмотря на тот факт, что они значительно повышают стоимость издания. Однако, поскольку словарь рассчитан на серьёзного читателя, исследователя, лексикографа, он,

безусловно, будет востребован и станет украшением любой академической и университетской библиотеки в любом уголке мира. Твёрдая обложка, удачный набор шрифтов, ненавязчивое количество удобных символов и продуманный список сокращений, использующихся в микроструктуре словаря, другие современные дизайнерские находки, несомненно, сделают его настольной книгой учёного.

В то время, когда составители современных словарей стремятся создавать, главным образом, онлайн-справочники и нередко однодневные справочные ресурсы, не имеющие научного значения и авторитета, настоящий фундаментальный терминологический труд займёт достойное место среди современных справочных изданий и долгое время будет востребован исследователями из многих стран, связанных с изучением и созданием одноязычных, двуязычных и многоязычных словарей различных типов нового поколения.

И тем не менее у словаря “*Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung*” есть цифровое будущее: сразу после выхода в свет третьего тома начата работа над созданием его полной интернет-версии. Безусловно, новый словарь лексикографических терминов **в онлайн формате** будет первым интернет-словарём в истории лексикографических терминологических справочников и значительно расширит целевую аудиторию пользователей. Такой вариант размещения словаря в интернете лишний раз подтверждает устойчивую тенденцию лексикографии XXI в. к сосуществованию печатной и онлайн-форм авторитетных словарей.

Материал поступил в редакцию 15.04.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпова Ольга Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Ивановского государственного университета;
e-mail: olga.m.karpova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga M. Karpova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English Philology, Ivanovo State University;
e-mail: olga.m.karpova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карпова О. М. Рецензия на словарь “Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung” (dictionary of lexicography and dictionary research). Ed. by Herbert Ernst Wiegand, Michael Beißwenger, Rufus H. Gouws, Matthias Kammerer, Angelika Storrer, Werner Wolski. Band 3. Berlin: de Gruyter, 2020. 1020 s. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 113–117.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-113-117

FOR CITATION

Karpova O. M. Review of the dictionary “Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung” (dictionary of lexicography and dictionary research). Ed. by Herbert Ernst Wiegand, Michael Beißwenger, Rufus H. Gouws, Matthias Kammerer, Angelika Storrer, Werner Wolski. Band 3. Berlin: De Gruyter, 2020. 1020 s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 113–117.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-113-117

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

2020. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик Н. Г. Юрышева
Корректор И. К. Глузунов
Компьютерная верстка – А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 7,5, уч.-изд. л. 8,75.

Подписано в печать: 30.06.20. Выход в свет: 10.07.20. Заказ № 2020/06-08.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А